

05
Н-37

Жс 16787

III-й годъ изд.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

- Е. СМІРНОВЪ. Избирательн. права депутатовъ рабочей куріи.
- А. МАРТЫНОВЪ. В. Ильинъ противъ Н. Р—кова „Наша Заря“.
- В. ЛЕВИЦКІЙ. Лассальянцы и Эйзенхакцы въ освѣщеніи Авг. Бебеля.
- Ф. ДАНЪ. „Марксистская“ линія или политическое барышничество?
- † М. НЕВЪДОМСКІЙ. Наша художественная литература въ 1911 г.
- А. ЕРМАНСКІЙ. Къ характеристикѣ крупной русской буржуазіи.
- Жюстрахное обозрѣніе:*
- Л. МАРТОВЪ. Германская побѣда.
- А. ЛЮТОВЪ. Изъ жизни: Пѣтушникомъ, пѣтушкомъ...
- Политическое обозрѣніе.*
- М. Б—ОВЪ. „Обструкція“ нашей верхней палаты.
- ЕВГ. МАЕВСКІЙ. У послѣдней черты (Гермогенъ-Иллѣодоровское дѣло. Дѣло Гололобова-Кузнецова.)
- Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ 1910 и 1911 г.г.

Книги, поступившія въ редакцію.

№ 1—2.

СПБ. 1912.

Ц. 30 н.

НАША ЗАРЯ

Ежемесячный журналъ.

№ 1-2.

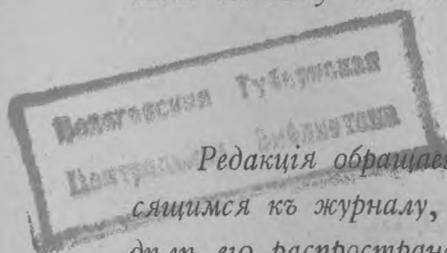
СПБ. 1912 годъ.

Наложень арестъ на № 12 журнала „Наша Заря“ за 1911 годъ. Редакторъ О. В. Федорченко привлекается къ отвѣтственности по п. 1-му ст. 121-й уголовн. улож. и п. 3 ст. 1034⁴ улож. о наказ.

жс 16787

Отъ редакціи.

Въ 20-хъ числахъ января—какъ о томъ читатель нашъ навѣрное уже прочелъ въ газетахъ—въ конторѣ „Нашей Зари“, въ типографіи, гдѣ печатается журналъ и у всѣхъ сотрудниковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, былъ произведенъ обыскъ. При обыскѣ были отобраны и до сей поры не возвращены нѣкоторыя рукописи и начатія работы. Редакція надѣется, что читатель не посѣтуетъ на нее за то, что—при такихъ специфически-русскихъ условіяхъ—марксисткій журналъ далеко не всегда можетъ выходить правильно и регулярно. *Настоящій №-ръ Редакція вынуждена была поэтому отложить до февраля и выпуститъ двойнымъ.*

Редакція обращается къ читателямъ, сочувственно относящимся къ журналу, съ просьбой—оказывать содѣйствіе въ дѣль его распространенія, и особенно тамъ, куда онъ почему-либо или не попадаетъ вовсе, или попадаетъ въ недостаточномъ количествѣ. Со всѣми указаніями, предложеніями и со-вѣтами по этому поводу просимъ обращаться непосредственно въ Контору журнала (Спб. Жевскій пр., д. 100, кв. 13), за что Редакція впередъ выражаетъ свою глубокую признательность.

Избирательныя права депутатовъ рабочей курии.

Избирательная кампанія въ 4-ую Думу фактически началась. Ею опредѣляются сближенія разныхъ партій между собою, ею опредѣляются и выступления ихъ по разнымъ вопросамъ въ Думѣ и внѣ Думы. Это можно наблюдать передъ общими выборами и въ другихъ странахъ. Но у насъ рядомъ съ этимъ можно дѣлать и свои, совсѣмъ „національныя“ наблюдения и отмѣчать свои, совсѣмъ „національные“ симптомы приближающихся выборовъ: систематическую конфискацію и привлеченіе къ суду изданій опредѣленнаго направленія, усиленное закрытіе какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ еще рабочихъ профессиональных и культурно-просвѣтительныхъ организацій, усиленную высылку въ мѣста столь и не столь отдаленныя лица, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они могутъ въ будущемъ возымѣть намѣреніе принять то или другое участіе въ избирательной кампаніи. Правда, такое „преступленіе“ ни въ малѣйшей мѣрѣ не подходитъ не только ни подъ одинъ изъ многочисленныхъ пунктовъ знаменитой 129 ст., но даже и подъ изумительную по своей растяжимости 21 ст. положенія объ усиленной охранѣ. Но наши правящія партіи рѣшили, что избирательная „кампанія не должна быть „эффектной и шумной“. Шумные выборы должны сопровождаться критикой всей дѣятельности правительства и господствующихъ партій за истекшія 5 лѣтъ, должны вскрыть дѣйствительное содержаніе нашего воинствующаго „націонализма“, истинную фізіономію октябристовъ, избранныхъ въ 3-ю Думу съ миссіей „развить и упрочить конституцію“ и идущихъ въ 4-ую Думу въ тѣсномъ союзѣ съ крайними правыми. Шумные выборы, которые разоблачили бы даже передъ цензово-куріальными избирателями истинное положеніе, могутъ оттолкнуть значительную часть ихъ отъ октябристовъ. А потому—да здравствуютъ выборы скромные и тихіе, безъ тѣхъ безпокойныхъ элементовъ, которые имѣютъ дурную привычку говорить народу всю правду. Во мракѣ и тишинѣ легко можно будетъ осуществить право-націоналистско-октябристскій блокъ, при любезно-предупредительной поддержкѣ центральной и мѣстной администраціи. Замогильный мракъ и кладбищенская тишина—вотъ что нужно этому блоку для „побѣды“: темныя дѣла, какъ извѣстно, процвѣтаютъ въ ночной темнотѣ.

Ничто, быть можетъ, такъ ярко и вышукло не характеризуетъ собственного сознанія правящими партіями враждебнаго отношенія къ нимъ разнообразныхъ слоевъ народа, какъ это желаніе „тихихъ“ выборовъ, прелесть которыхъ на всѣ лады вос-

пѣвается въ послѣднее время реакціонной печатью всёхъ видовъ и оттѣнковъ. Ибо это показываетъ, что сами эти партіи настолько сознаютъ свою полнѣйшую оторванность отъ народа, что ихъ не хватаетъ даже на демагогію. Для демагогіи нуженъ „шумъ“, но даже для демагогіи нужно имѣть возможность хотя бы дѣлать видъ, что заботишься о народныхъ интересахъ. Наши же правящія партіи настолько цинично-откровенно дѣлаютъ только свои собственныя дѣла и дѣлишки, что имъ не за что зацѣпиться даже для того, чтобы играть роль демагоговъ.

Г. Еропкинь даже предлагаетъ въ „С.-Петербург. Вѣдом.“ приличествующую случаю „теорію“: такъ какъ, де, избирательныхъ и оппозиціонныхъ (или, употребляя его терминологию, „буржуазныхъ“ и „пролетарскихъ“) выборщиковъ и такъ какъ въ выборщики попадаютъ люди съ установившимся уже взглядомъ на общіе и текущіе социальное-политическіе вопросы, то не нужно никакихъ предвыборныхъ митинговъ и собраний: исходъ выборовъ отъ этого нисколько не измѣнится. Такъ „націонализируется“ конституціонное право героями 3-го іюня.

Вполнѣ согласно съ этимъ общимъ взглядомъ на характеръ предстоящихъ выборовъ хозяева сегодняшняго дня замалчиваютъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ избирательной процедурой, замалчиваютъ, между прочимъ, и нѣкоторые юридическіе и техническіе вопросы, вытекающіе изъ противорѣчій и недомолвокъ, которыми переполненъ избирательный актъ 3-го іюня. Замалчиваютъ даже и тогда, когда они, казалось бы, сами заинтересованы въ выясненіи этихъ противорѣчій и недомолвокъ. Конечно, они знаютъ, что ихъ въ обиду не дадутъ, что своевременно придетъ услужливое разъясненіе сената, которое оградитъ ихъ интересы. Но для насъ важно, чтобы эти вопросы были поставлены заблаговременно, до наступленія типины и мрака выборной „кампаніи“, дабы по возможности ограждены были и интересы демократіи. Поэтому мы и считаемъ нужнымъ поставить въ этой статьѣ одинъ изъ такихъ вопросовъ, имѣющій для насъ большое значеніе.

Рѣчь идетъ объ избирательныхъ правахъ членовъ Госуд. Думы, избранныхъ по квартирному, служебному и рабочему цензамъ. Что касается первыхъ двухъ цензовъ, то въ выясненіи вопроса и въ благопріятномъ его рѣшеніи заинтересованы всё партіи, вплоть до крайнихъ правыхъ, а потому, надо думать, онъ и будетъ своевременно разъясненъ въ соотвѣтствующемъ духѣ. Но что касается депутатовъ, избранныхъ по рабочей куріи, то имъ, разумѣется, такой услужливой предупредительности ожидать не приходится. Имъ необходимо самимъ поднять этотъ вопросъ въ Госуд. Думѣ, тѣмъ болѣе, что и съ юридической, и съ политической точки зрѣнія между всёми указанными тремя цензами существуетъ полная аналогія. А между тѣмъ, въ средѣ господствующихъ партій не разъ высказывалось такое мнѣніе, что если можно защищать права депутатовъ, избранныхъ по квартирному и служебному цензамъ, то въ отношеніи депутатовъ, избранныхъ по рабочей куріи, вопросъ рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ.

Интересующій насъ вопросъ стоитъ такъ: лица, избранныя членами Госуд. Думы даннаго созыва по квартирному, служебному и рабочему цензамъ, сохраняютъ свои избирательныя права и при выборахъ въ Думу слѣдующаго созыва или теряютъ ихъ? Данное лицо, пользовавшееся избирательнымъ правомъ, скажемъ, въ Харьковѣ, какъ занимавшее отдѣльную квартиру въ теченіе года, и избранное членомъ Госуд. Думы, переѣхало въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Думы. Другое лицо, находившееся на государственной службѣ, вышло, по требованію закона, въ отставку тотчасъ по избраніи его въ Думу. Третье пользовалось въ данномъ городѣ избирательнымъ правомъ, какъ получающее государственную пенсію и проживавшее въ теченіе года въ этомъ городѣ. Четвертое, наконецъ, было рабочимъ на данномъ заводѣ и избрано членомъ Госуд. Думы. Всѣ эти лица формально теряютъ свой цензъ именно въ силу самаго факта своего избранія въ Думу и, слѣдовательно, фактъ, который возводитъ ихъ въ рангъ „лучшихъ, довѣріемъ народа обремененныхъ людей“, въ то же время поражаетъ ихъ избирательныя права и ставитъ ихъ въ разрядъ людей правоограниченныхъ.

Таково внутреннее противорѣчіе, на которое мы наталкиваемся при самой постановкѣ интересующаго насъ вопроса. И это противорѣчіе, какъ мы увидимъ ниже, особенно разительно по отношенію къ лицамъ, избраннымъ по рабочей куріи.

Какимъ же образомъ долженъ быть рѣшенъ поставленный вопросъ?

Отмѣтимъ прежде всего другое противорѣчіе по отношенію къ лицамъ, избраннымъ по тѣмъ же цензамъ, и заключающееся уже не въ избирательномъ актѣ, а въ Учрежденіи Госуд. Думы. Ст. 18 этого Учрежденія гласитъ: „Членъ Госуд. Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: 1) .... 2) утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ“. Но перечисленные выше цензы, какъ мы сейчасъ видѣли, утрачиваются въ силу самаго факта избранія въ Думу: нельзя *фактически* (какъ того требуютъ разъясненія сената 1906 г., № 157, и 1907 г., № 400 и № 405) ¹⁾ проживать въ Орлѣ и засѣдать въ теченіе 5-ти лѣтъ въ Гос. Думѣ; нельзя, по прямому требованію закона, оставаться на государственной службѣ съ полученіемъ жалованья въ случаѣ избранія въ Думу; наконецъ, невозможно *фактически* (указъ сената 1906 г. № 25) быть рабочимъ на заводѣ въ Харьковѣ или Екатеринославѣ и въ то же время исполнять въ Петербургѣ функціи народнаго представителя. Слѣдовательно, по смыслу ст. 18 п. 2 Учрежд. Г. Д., члены Думы, избранные по перечисленнымъ цензамъ, должны выбывать изъ ея состава, какъ только Дума собралась. Но это, вѣдь, явная бессмыслица!

Существуютъ цензовыя избирательныя системы и въ другихъ странахъ. Но, во 1-хъ, тамъ, по общему правилу, цензъ

¹⁾ Для интересующихся вопросомъ, укажемъ, что всѣ разъясненія Сената, касающіяся выборовъ въ Гос. Думу, собраны въ книгѣ: А Саатчанъ, „Положеніе о выборахъ въ Гос. Думу“, Спб., 1912.-- Къ сожалѣнію, составитель сборника ограничился простымъ собраніемъ сенатскихъ указовъ, почти не систематизировавъ ихъ и, главное, совсѣмъ не отмѣчая какими случаями эти указы вызывались.

жемь перейти къ вопросу объ избирательныхъ правахъ членовъ Гос. Думы, избранныхъ по рабочей куріи.

Здѣсь мы прежде всего должны отмѣтить огромную разницу, существующую въ этомъ отношеніи между этимъ цензомъ и другими, перечисленными выше, цензами: квартирнымъ, служебнымъ и простого проживанія при условіи полученія пенсіи. Что касается лицъ, прошедшихъ по послѣднимъ цензамъ, то какое бы изъ двухъ возможныхъ толкованій приведеннаго разъясненія сената отъ 1907 г., за № 582, мы ни приняли, они могутъ сохранить свой цензъ къ выборамъ въ Думу слѣдующаго созыва. Если толковать его такъ, что ихъ право на участіе въ этихъ выборахъ вытекаетъ изъ того ценза, на основаніи котораго они участвовали въ предыдущихъ выборахъ, они просто сохраняютъ свой прежній цензъ. Если же принять то толкованіе, что ихъ отбѣздъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ Думы считается временной отлучкой, то имъ для сохраненія избирательныхъ правъ при выборахъ въ Думу слѣдующаго созыва нужно только сохранить за собою квартиру въ томъ городѣ, гдѣ они были избраны. Правда, законъ заставляетъ ихъ въ такомъ случаѣ уплачивать слишкомъ высокій налогъ для сохраненія своихъ избирательныхъ правъ (minimum 300—400 р. въ годъ), но при условіи этой уплаты ихъ избирательныя права не поражаются. Больше того, они представляются тому же избирательному корпусу, которымъ они были избраны въ предыдущую Думу.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся члены Гос. Думы, избранные по рабочей куріи. Формально они въ силу самаго факта своего избранія въ Думу *выбываютъ* изъ этой куріи *) Другими словами, фактъ избранія въ члены Думы влечетъ за собою временное пораженіе избирательныхъ правъ. Фактически, при русскихъ условіяхъ, даже не временное, потому что рабочей, пробывшій пять лѣтъ членомъ Гос. Думы, да еще на скамьяхъ оппозиціи, врядъ-ли найдетъ потомъ работу на какой-нибудь фабрикѣ или заводѣ и, слѣдовательно, врядъ-ли вернется въ свою рабочую курію. Можно бы возразить, что такіе члены Гос. Думы могутъ не сохранить старыя, а создать себѣ новыя избирательныя права, нанявъ себѣ или сохранивъ за собою старую квартиру въ томъ городѣ, гдѣ они были избраны. Но, во 1-хъ, не всѣ заводы или фабрики находятся въ предѣлахъ городовъ, а во 2-хъ,—и это самое важное,—они должны будутъ предстать въ такомъ случаѣ предъ совсѣмъ инымъ избирательнымъ корпусомъ, и останется тотъ фактъ, что рабочая курія лишена права избирать одно и то же лицо въ Думы двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ созывовъ.

*) Указъ сената 1906 г., № 25: „Вопросъ о принадлежности того или другого лица къ числу рабочихъ долженъ быть разрѣшенъ не только въ зависимости отъ того, есть ли у даннаго лица рабочая книжка, но и въ зависимости отъ фактическихъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о томъ, принимаетъ ли данное лицо, въ качествѣ, рабочаго своей работой участіе въ заводскомъ производствѣ или нѣтъ“.—Слѣдовательно, принадлежность къ куріи опредѣляется фактическимъ участіемъ въ заводскомъ производствѣ, что, очевидно, несомнѣнимо съ участіемъ въ засѣданіяхъ Гос. Думы.

Такого ограниченія активного права для избирателей и пассивнаго права для избираемых нашъ законъ не содержитъ ни вообще, ни для какой бы то ни было отдѣльной куріи въ частности, и *невозможно допустить, чтобы такое первостепенной важности ограниченіе устанавливалось косвеннымъ путемъ, какъ послѣдствіе болѣе или менѣе стѣпно, болѣе или менѣе необдуманно построенной цензовой системы.* Предоставляя рабочему классу, такъ называемое „групповое представительство“ (выборы по рабочей куріи), законъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не оговариваетъ, что для него устанавливается такое важное изъятіе (о принципиальной важности его мы скажемъ ниже), а между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если бы онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ виду установить его, онъ бы это оговорилъ въ отдѣльной положительной статьѣ.

Слѣдовательно, мы, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ для лицъ, избранныхъ по квартирному цензу, это дѣлаетъ сенатъ въ приведенномъ выше указѣ отъ 1907 г., за № 582, въ правѣ утверждать, что толкованіе, будто лица, избранныя по рабочей куріи, лишаются права участвовать въ выборахъ въ Гос. Думу слѣдующаго созыва, „*противорѣчило бы самому существованію Учрежденія Государственной Думы*“.

Но каковъ можетъ быть практическій выходъ изъ этого явно бессмысленнаго противорѣчія, созданнаго исключительно искусственно-построенной цензовой системой?

Въ другое время, при другихъ политическихъ отношеніяхъ, эта бессмыслица, если бы она была допущена, такъ же игнорировалась бы и Госуд. Думою, и правительствомъ, какъ игнорируется ими отмѣченная выше бессмыслица, заключающаяся въ ст. 18 п. 2 Учрежд. Госуд. Думы. Либо по молчаливому согласію ихъ, либо по предупредительному разъясненію сената, лица, избранныя по рабочей куріи, просто сохранили бы право принимать участіе въ выборахъ въ Гос. Думу слѣдующаго созыва—въ тѣхъ же самыхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ они были избраны въ уполномоченные на выборахъ въ предыдущую Думу. Но на это, разумѣется, нельзя разсчитывать въ такое время, когда жалобы какого-нибудь Гололобова достаточно, чтобы фактически похерены были и право запросовъ, и свобода думскаго слова.

Слѣдовательно, остается путь думской инициативы. Не то, конечно, чтобы мы разсчитывали, что этотъ путь непременно приведетъ къ признанію бессмыслицы и устраненію ея. Но нельзя молча принять бессмыслицу и отказаться отъ отстаиванія своихъ несомнѣнныхъ правъ.

Можно было бы, ставъ на путь думской инициативы, обратиться съ вопросомъ къ правительству по ст. 40 Учр. Гос. Думы, подробно мотивировавъ этотъ вопросъ и указавъ явныя противорѣчія, допущенныя въ законѣ. Но, въ лучшемъ случаѣ, депутаты получаютъ отвѣтъ, что правительство само не въ правѣ разрѣшить встрѣтившееся недоумѣніе при толкованіи закона, что для этого существуетъ специальное учрежденіе—сенатъ, которому при-

надлежитъ право истолкованія и въ которое правительство и обратиться съ соответствующимъ паспортомъ. Какого характера можетъ быть это истолкованіе—заранѣе извѣстно.

Остается путь законодательнаго предположенія. Правда, къ нему нужно было прибѣгнуть, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе. Но лучше использовать его поздно, чѣмъ совсѣмъ не использовать. Пусть лучше этотъ вопросъ встанетъ во всемъ своемъ объемѣ передъ всей страной, чѣмъ останется замолчаннымъ.

На этомъ пути мы встрѣчаемся со слѣдующимъ затрудненіемъ. Какъ мы видѣли изъ предыдущаго изложенія, весь вопросъ объ избирательныхъ правахъ депутатовъ, избранныхъ по нѣкоторымъ цензамъ, обусловливается искусственнымъ построениемъ всей нашей цензовой системы. Большая запутанность вопроса въ отношеніи рабочей куріи вызвана тѣмъ, что хитроумный составитель нашего избирательнаго закона задался цѣлью предоставить рабочимъ „групповое представительство“ съ такимъ разчетомъ, чтобы это „представительство“ не могло послужить почвой ни для политическаго, ни для профессиональнаго объединенія рабочаго класса. Для этого онъ распылилъ рабочихъ и прикрѣпилъ къ отдѣльнымъ предпріятіямъ. Отсюда и та бессмыслица, которая насъ интересуетъ въ настоящей статьѣ и которая приводитъ къ тому, что фактъ избранія рабочаго въ члены Госуд. Думы влечетъ за собою пораженіе его избирательныхъ правъ.

Для демократа можетъ существовать лишь одна возможная реформа нашей избирательной системы: замѣна ея полной формулой всеобщаго избирательнаго права. Всякая иная реформа, сохраняющая цензовое начало, неизбѣжно связана съ болѣе или менѣе полнымъ лишеніемъ избирательныхъ правъ рабочаго класса. Поэтому, поскольку рѣчь шла бы о внесеніи законодательнаго предположенія объ измѣненіи нашей избирательной системы, депутаты, избранные по рабочей куріи, могли бы тресовать лишь полной формулы всеобщаго избирательнаго права.

Но мы имѣемъ въ виду сейчасъ не реформу избирательнаго права, а устраненіе бессмысленнаго противорѣчія, липшающаго избирателей рабочей куріи права, которымъ пользуются всѣ другія куріи, именны права переизбрать въ Думу слѣдующаго созыва тѣхъ депутатовъ, которыхъ они избрали въ 3-ю Думу и которые не лишились ихъ довѣрія.

Для этого достаточно было бы внести законодательное предположеніе приблизительно слѣдующаго содержанія: „Члены Г. Д., избранные въ Думу 3-го созыва по рабочей куріи, имѣютъ право участвовать въ выборахъ въ Думу 4-го созыва въ тѣхъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ они состояли рабочими при выборахъ въ Думу 3-го созыва“.

Мы говорили до сихъ поръ о правовой сторонѣ интересующаго насъ въ настоящей статьѣ вопроса. Не менѣе важна, разумѣется, его политическая сторона. Но она настолько ясна и очевидна, что долго распространяться о ней не приходится.

„Чтобы продуктивно участвовать въ работахъ законодательнаго и политическаго собранія, необходимо продѣлать въ немъ

известный стажъ, нужно особое, въ полномъ смыслѣ профессиональное воспитаніе, которое можетъ пріобрѣтаться лишь въ средѣ самого собранія и котораго не принесетъ съ собою извнѣ даже самый образованный человѣкъ“¹⁾).

Такъ говорить теоретикъ конституціоннаго права по отношенію къ странамъ, въ которыхъ, какъ въ Англіи, парламентъ существуетъ уже цѣлые вѣка, или во Франціи—уже 120 лѣтъ, въ которыхъ давно существуетъ мѣстное самоуправленіе, прекрасно подготовляющее людей къ участию въ національныхъ представительныхъ учрежденіяхъ,—по отношенію къ странамъ, далеко опередившимъ насъ въ области культуры, въ которыхъ давно существуютъ всевозможныя общественныя, политическія и профессиональныя организаціи, которыя давно пользуются полною свободою слова, печати, собраній, которыя, однимъ словомъ, давнымъ-давно привыкли къ гласному, публичному обсужденію всѣхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди дня ихъ общественно-политической жизни. До какой же степени это должно быть вѣрно въ отношеніи къ Россіи, дѣлающей еще только первые, робкіе, поистинѣ дѣтскіе шаги по пути національной, политической жизни—и при какихъ прямо ужасающихъ условіяхъ, превращающихъ ея поступательное шествіе въ поистинѣ головоломныя скачки съ какъ-будто нарочно придумываемыми препятствіями!

Сколько чисто техническихъ недостатковъ обнаруживали даже первыя двѣ Думы, несмотря на наличность доброй воли, недостатковъ, вытекавшихъ изъ незнакомства съ техникой законодательной и контролирующей работы, съ техникой бюджета и совмѣстнаго обсужденія сложныхъ социальнo-политическихъ вопросовъ. Сколько времени потратила 3-я Дума на ознакомленіе съ этой техникой! Этотъ опытъ можетъ накопляться и передаваться только при томъ условіи, если депутаты, поработавшіе въ теченіе пяти лѣтъ въ Думѣ, не лишены права быть переизбранными въ Думу слѣдующаго созыва. Попробуйте лишить ихъ этого права—и слѣдующая Дума такъ же беспомощно приступитъ къ своему дѣлу, какъ и предыдущая. Опять придется начинать все сызнова, опять придется бродить ощупью, опять придется пріучаться къ совмѣстному публичному обсужденію, опять комиссіи не въ состояніи будутъ разбираться въ грудахъ поступающихъ къ нимъ сырыхъ матеріаловъ.

Наша бюрократія любитъ кичиться передъ народными представителями своими разнообразными техническими познаніями. И отчасти она имѣетъ на это право: она имѣетъ опытъ, накапливаемый десятилѣтіями и передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но если это необходимо для другихъ курій, то это вдесятеро болѣе необходимо для рабочей куріи. Въ другихъ куріяхъ есть много земскихъ и городскихъ дѣятелей, много дворянъ и чиновниковъ, своей прежней дѣятельностью получившихъ под-

¹⁾ А. Esmein „Eléments de droit constitutionnel français 3-e éd., Paris, 1903, p. 687.—Ср. А. Дайси, „Основы государственнаго права Англіи“, изд. 2-е, М., 1907, стр. 49.

готовку къ участию въ работахъ представительнаго законодательнаго учрежденія. Рабочимъ такой подготовки получать негдѣ. У насъ нѣтъ рабочихъ политическихъ и профессиональныхъ организацій,—а поскольку рабочіе создаютъ ихъ съ огромными трудностями и жертвами, онѣ неукоснительно искореняются,—въ которыхъ рабочіе могли бы получать хотя бы нѣкоторую подготовку къ осуществленію жалкаго „групповаго представительства“, предоставляемаго имъ избирательнымъ актомъ 3-го іюня. И именно ихъ хотятъ лишить права вновь избирать тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые прямо неимоверными усиліями приобрѣли, въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія въ Думѣ, нѣкоторыя техническія познанія, нѣкоторый навыкъ въ исполненіи сложныхъ и трудныхъ функцій народнаго представителя.

Краса германскаго рейхстага, Августъ Бебель, разумѣется, не сталъ бы такимъ всемірно извѣстнымъ политическимъ и парламентскимъ дѣятелемъ, если бы ему закрыли доступъ въ рейхстагъ по той только причинѣ, что избиратели, во вниманіе къ его способностямъ и моральнымъ качествамъ, избрали его своимъ представителемъ. Августъ Бебель, конечно, рѣдкое исключеніе. Но какая длинная фаланга видныхъ парламентскихъ дѣятелей выставлена рабочимъ классомъ въ Европѣ, благодаря именно тому, что ихъ представители имѣли возможность въ теченіе многихъ лѣтъ постепенно приобретать работу въ парламентѣ необходимыя общія и техническія познанія.

Но если у насъ хотятъ лишить рабочій классъ того права, которымъ пользуются все другія избирательныя куріи, то пусть это сдѣлаютъ открыто и прямо, путемъ положительнаго закона, а не тайкомъ и колейно, какъ косвенное послѣдствіе хитроумно построенной цензовой системы. Пусть рабочіе знаютъ, какъ сильно ограничивается то жалкое „групповое представительство“, которое имъ на бумагѣ предоставлено цензово-куріальной избирательной системой.

Е. Смирновъ.

В. Ильинъ противъ Н. Р-кова и „Наша Заря“.

По поводу статьи Н. Р-кова, напечатанной въ № 9—10 „Нашей Зари“ 1911 г. В. Ильинъ помѣстилъ въ „Звѣздѣ“ фельетонъ, возвѣщающій о томъ, что „либеральная рабочія партія“, втеченіи 2-хъ лѣтъ группировавшаяся вокругъ «Нашей Зари», теперь, наконецъ, выпустила свой «манифестъ». Сенсационное открытіе, сдѣланное Вл. Ильинымъ, есть одна изъ тѣхъ утокъ, которыя обыкновенно пускаются въ ходъ для того, чтобы поднять на биржѣ курсъ акцій какого-либо дутаго предпріятія. Въ данномъ случаѣ утка о «манифестѣ либеральной рабочей партіи» нужна была для того, чтобы поднять курсъ строящейся теперь путемъ расколовъ и «захватовъ» партіи Ильина.

Способъ фабрикаціи утки характеренъ для всей внутри партійной „тактики“ Ильина. „Наша Заря“ въ теченіи 2-хъ лѣтъ твердила о необходимости борьбы за открытое существованіе рабочей партіи. Н. Р-ковъ вопросъ, поднятый „Нашей Зарей“ и ея единомышленниками, рѣшилъ очень просто. Онъ предлагаетъ приступить прямо къ „дѣлу“, къ основанію открытаго „общества защиты интересовъ рабочаго класса“, т. е. къ легитимациіи партіи подъ извѣстнымъ псевдонимомъ. „Наша Заря“ въ примѣчаніи къ статьѣ Н. Р-кова указываетъ, что въ этой подмѣнѣ борьбы за открытое существованіе с. д.-й партіи учрежденіемъ анонимнаго „общества“ заключается „основной порокъ“ предложенія Н. Р-кова. В. Ильинъ пропускаетъ примѣчаніе редакціи мимо ушей и какъ разъ зато именно, что составляетъ по мнѣнію „Нашей Зари“ „основной порокъ“ взглядовъ Н. Р-кова, дѣлаетъ отвѣтственнымъ направленіе этого журнала. Н. Р-ковъ, дескать, лишь послѣдовательно „доходитъ до конца“, тамъ, гдѣ „говоруну“ изъ „Нашей Зари“ топчутся на одномъ мѣстѣ: „нельзя же болтать мѣсяцы и годы о возможности „открытой“ партіи, не дѣлая простого и естественнаго шага къ ея открытію“. Удивительная ловкость рукъ у В. Ильина! Напомнимъ ему нѣкоторые не безызвѣстные ему факты.

Когда Эд. Бернштейнъ выступилъ въ походъ противъ марксистовъ, онъ имъ говорилъ: будьте послѣдовательны, „смѣйте казаться тѣмъ, что вы на самомъ дѣлѣ есть“. Вы участвуете въ парламентской и муниципальной работѣ, вы руководите больничными кассами, основываете профессиональные союзы и кооперативы. Все это, вѣдь, ничто иное, какъ „еусочки социализма“; такъ заявите же откровенно, что уже въ современномъ обществѣ возможно осуществленіе социализма путемъ мирныхъ реформъ; оставьте же пустые разговоры о борьбѣ за социальную революцію, о неизбежности катастрофы и т. п. Марксисты, какъ извѣстно, этого совѣта не послушались; они не хотѣли быть „послѣдовательными“, зная, что одно дѣло профессиональные и политическія „общества“ для борьбы за социализмъ, другое дѣло социалистическій общественный строй.

Мы не имѣемъ основанія утверждать, что Н. Р-ковъ сталъ бернштейнѣйцемъ; тѣмъ не менѣе мы должны признать, что его организаціонныя предложенія относятся къ тому, что по этому вопросу говорить „Наша Заря“, приблизительно такъ же, какъ приведенныя выше предложенія Бернштейна относились къ практикѣ нѣмецкихъ марксистовъ. „Наша Заря“ призываетъ къ борьбѣ за открытое существованіе партіи, хорошо зная, что эта борьба при современныхъ русскихъ условіяхъ кратчайшимъ путемъ ведетъ пролетаріатъ къ борьбѣ съ цѣлой системой. Н. Р-ковъ же предлагаетъ начать дѣло съ конца, начать съ замѣны партіи нѣкіимъ открытымъ „обществомъ“, не догадываясь, что это либо утопія, либо капитуляція передъ системой.

Можно ли допустить, что В. Ильинъ проглядѣлъ разницу между этимъ взглядомъ? Конечно нѣтъ. Но у В. Ильина есть свои правила морали въ борьбѣ съ идейными противниками. Когда онъ въ 1907 г. издалъ свою пресловутую брошюру, обвиняющую въ „продажности“ петербургскихъ меньшевиковъ и когда онъ по этому поводу былъ привлеченъ къ суду партіи, онъ въ данномъ имъ письменномъ показаніи заявилъ: „Моя формулировка (поведенія м-ковъ А. М.) дѣйствительно имѣетъ такой характеръ, что вызываетъ самыя худшія мысли, самыя худшія подозрѣнія о противникѣ и дѣйствительно въ отличіе отъ формулировки убѣждающей и поправляющей, она вно-

сильную смуту в ряды пролетариата... Но то, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии... и я всегда буду поступать таким образом при расколе“...

Всякий читатель В. Ильина должен твердо запомнить этот цинично-откровенный комментарий, который он сам дал к своим произведениям.

В недоброй часе В. Ильин выступил в поход против Н. Р-кова. Н. Р-ков стал ультра-легалистом. Что же ввело его в соблазн? Он, старый и видный теоретик б-ского направления, воспитывавшийся в школе Ильина. Ультра-легалистом он стал не благодаря колебаниям в настроении—в момент наибольшего упадка общественного настроения Н. Р-ков твердо стоял на своем посту и упорно защищал свои б-ские взгляды. Н. Р-ков круто изменил свои позиции на основании холодного анализа изменившихся политических условий. Позволительно поэтому спросить, не в школе ли В. Ильина он усвоил те навыки мысли, благодаря которым он, приспособляя свои тактические взгляды к новым условиям, довел их до крайности, до абсурда. В этом вопросе нам поможет разобраться сам В. Ильин.

Доискиваясь первопричины ультра-легализма Н. Р-кова, В. Ильин приходит к заключению, что эта причина всех бед Н. Р-кова заключается в забвении или в непонимании следующей истины: „Либерализм ограничивается тем, быть ли „культурному капитализму“ или нет, быть ли „бурям“ или нет... Марксисты и во время „бурь“ и во время завѣдомаго отсутствія бури ведутъ принципиально отличную отъ либерализма линію созданія истинно демократическихъ, а не вообще „культурныхъ“ формъ жизни.. Вулгарный демократъ способенъ все дѣло сводить къ тому, буря или нѣтъ. Для марксиста въ первую голову ставится вопросъ о той линіи политической размежевки классовъ, которая одинакова и при бурѣ и безъ бури“. Это истина святая, хотя и выраженная слишкомъ топорно. Взаимоотношеніе классовъ, „линія размежевки классовъ“, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ можетъ измениться въ зависимости отъ наличности или отсутствія бури; буря можетъ однихъ толкнуть вправо, другихъ влево; но во всякомъ случаѣ безусловно вѣрно, что марксистъ въ каждый моментъ обязанъ въ первую голову поставить вопросъ, какова линія размежевки классовъ, а не вопросъ—будетъ ли буря или нѣтъ. Интересно, однако, знать, отъ кого В. Ильинъ заимствовалъ эту вѣрную мысль и кому Н. Р-ковъ обязанъ ея забвеніемъ или непониманіемъ? Это не трудно установить путемъ кой-какихъ историческихъ справокъ.

Когда наступилъ 1905 г. и когда на очередь дня сталъ вопросъ о „бурныхъ“ выступленияхъ, никто иной, какъ Ильинъ и его присные подчинили всю свою политическую тактику задачѣ технической подготовки „бурнаго выступления“, заразивши надолго добрую часть партіи ядомъ партизанства и экспроприаторства. Именно они тогда сразу радикально изменили свой взглядъ на „линію размежевки разныхъ классовъ“ въ зависимости отъ того, способенъ ли тотъ или другой классъ къ „бурнымъ выступлениямъ“. И какъ разъ меньшевики, пишущіе теперь въ „Нашей Зарѣ“, тогда разъясняли Ильину, что это не марксизмъ, а „вулгарный радикализмъ“. Далѣе, когда 1906 г. выдвинулъ вопросъ о выборахъ въ Думу, опять таки никто иной,

как Ильинъ и его присные говорили въ защиту бойкота: мы должны въ первую голову рѣшить вопросъ „переживаемъ ли мы 1848 или 1849 г.“, грядетъ ли „буря“ или затишье“. И именно м-ки ему тогда возражали: это не по-марксистски, это либеральный парламентаризмъ на изнанку. Нельзя противопоставлять парламентскую дѣятельность революціонной; парламентская борьба есть одна изъ формъ борьбы, пригодной для всякихъ эпохъ, въ которую мы вольны вложить революціонное содержаніе, какъ и во всякую другую форму. Далѣе, когда наступила эра столыпинской аграрной реформы, опять таки тотъ же Ильинъ ставилъ въ зависимость всю будущую судьбу демократіи отъ того, удастся ли предупредить быстро надвигающееся столыпинское разрушеніе общины „бурей“ или нѣтъ, подобно покойному Ткачеву, говорившему: „Теперь, или нескоро, быть можетъ — никогда“. Въ февралѣ 1908 г. В. Ильинъ писалъ по поводу закона 9 ноября: „Столыпинъ правильно понялъ дѣло: безъ ломки стараго землевладѣнія нельзя обезпечить хозяйственное развитіе Россіи... Но этотъ строй можетъ быть сломанъ по помѣщичьи или по крестьянски. Либо смѣлый призывъ къ крестьянской революціи... либо пустое нытье, политически идейное безсиліе передъ столыпинско-помѣщичьи-октябристскимъ натискомъ на общину... Судьба буржуазныхъ революцій въ Россіи—не только настоящей революціи, но и возможныхъ въ дальнѣйшемъ демократическихъ революцій — зависитъ больше всего отъ успѣха этой политики (аграрной политики Столыпина. А. М.)“. И въ этомъ случаѣ м-ки опять таки объясняли В. Ильину, что онъ ставитъ революціонную тактику с.-д-и въ зависимости отъ случая, который къ тому же не случится. Поскольку рѣчь идетъ о разрушеніи общины, говорили м-ки, столыпинская политика будетъ имѣть и уже имѣетъ успѣхъ; но это отнюдь не значитъ, что она способна „обезпечить хозяйственное развитіе Россіи“. Формула—либо возрожденіе крестьянскаго движенія подъ тѣмъ же народническимъ флагомъ, подъ которымъ оно шло въ 1905 г.,—либо окончательное торжество столыпинщины,—свидѣтельствуетъ только о вульгарности мышленія ея автора. Исторія не повторяется; народничество неуклонно идетъ къ упадку; и все таки крестьянское движеніе можетъ возродиться въ будущемъ, но уже въ новыхъ формахъ, пролетарской, съ одной стороны, опредѣленно буржуазной, съ другой.

В. Ильинъ, какъ мы видимъ, въ теченіе ряда лѣтъ опредѣлялъ всю тактику с.-д-и въ зависимости отъ гаданія, разразится ли скоро буря или нѣтъ, при чемъ бурю эту онъ мыслилъ по одному и тому же неизмѣнному, застывшему шаблону. Что же удивительнаго, что Н. Р—ковъ, воспитавшійся въ политической школѣ Ильина, накутивши ждаты у моря погоды, теперь также прямолинейно и вульгарно рѣшаетъ вопросы примѣнительно къ затишью, какъ раньше рѣшалъ ихъ примѣнительно къ бурѣ? Ильинъ писалъ: либо крестьянская революція, либо пустое нытье передъ октябристскимъ натискомъ на общину. Н. Р—ковъ до послѣдняго времени усердно старался убѣдить себя и другихъ, что экономическія условія для повторенія крестьянскаго движенія въ старыхъ формахъ еще не исчезли. Еще недавно онъ доказывалъ въ большевистской „Мысли“, что распадъ общины не подвигается впередъ. Факты, на которые онъ ссылался, были опровергнуты, и онъ, вѣрный старой схемѣ Ильина, сдѣлалъ отсюда послѣдовательный выводъ: стало быть, „судьба демократическихъ революцій“ предрѣшена, и „пустымъ нытьемъ“ тутъ ничего не поддѣлаешь. Но

какъ только Н. Р—ковъ сдѣлалъ этотъ Ильинимъ же подсказанный выводъ, тотъ поднялъ шумъ: былъ добрый марксистъ, а ликвидаторы испортили! Помилуйте, при чемъ же тутъ „ликвидаторы“? Поскольку у Р—кова есть порча, онъ ее унаслѣдовалъ отъ Васъ; и будемъ надеяться, что, распрощавшись съ Вами, онъ избавится очень скоро отъ этой „порчи“, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ огромное преимущество передъ Вами: онъ добросовѣстно обращается съ фактами, и не называетъ одну и ту же вещь черной и бѣлой, отъ случая къ случаю.

Но источникъ заблужденій Н. Р—кова заключается не только въ „вульгарно-демократическомъ методѣ мышленія“, а также въ совершенно ложной оцѣнкѣ текущаго политическаго момента, говоритъ В. Ильинъ. Н. Р—ковъ утверждаетъ, что большинство нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ неуклонно перерождается въ сельско-хозяйственную буржуазію, что к.-д.-ская буржуазія идетъ имъ на встрѣчу, что предвидится неизбежный компромиссъ между разными группами буржуазіи по аграрному вопросу и торжество весьма умѣренного буржуазнаго прогрессизма и что такимъ образомъ постепенно прокладывается дорога для развитія „культурнаго капитализма“ безъ конфликтовъ и потрясеній. Критикуя эту идиллію, В. Ильинъ говоритъ, что „неизбѣжность компромисса“ у Н. Р.—кова получалась по той простой причинѣ, что онъ произвольно „пока оставилъ въ сторонѣ“ рабочихъ и крестьянъ, которые этого компромисса не допустятъ. Это очень существенное возраженіе противъ Н. Р—кова, хотя, какъ мы видѣли, именно несоотвѣтствіе между фактами и ожиданіями В. Ильина, побудило Н. Р—кова „оставить въ сторонѣ“ крестьянъ. Но это возраженіе недостаточно. Рабочіе и крестьяне еще скажутъ свое слово; но это дѣло будущаго. Пока же за послѣдніе годы они молчали и молчали именно въ странѣ, за предѣлами Думы. Почему же въ эти годы безсилія разгромленной демократіи не состоялось соглашеніе между Марковыми и Милюковыми? Однимъ только страхомъ передъ будущимъ движеніемъ народныхъ массъ, этого объяснить невозможно. Есть повидимому еще другія причины, затрудняющія компромиссъ. И на этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у В. Ильина. Оцѣнка современности, данная Н. Р—ковымъ, говоритъ онъ, есть „насмѣшка надъ дѣйствительностью“: „На дѣлѣ кучка, группирующаяся вокругъ г.г. Пуришкевича и Маркова 2-го не безсильна, а всесильна... Ошибка Р—кова состоитъ въ томъ, что онъ до смѣшнаго преувеличиваетъ „перерожденіе“ крѣпостническаго хозяйства въ буржуазное... Несомнѣнно, что современная аграрная политика носитъ буржуазный характеръ. Но именно потому, что направляютъ эту буржуазную политику Пуришкевичи, оставаясь господами положенія, именно поэтому получается такое громадное обостреніе противорѣчій, что вѣроятность компромисса на ближайшее, по крайней мѣрѣ, время надо признать прямо исключенной“... Смѣшно, говоритъ онъ далѣе, сравнивать современную Россію съ Пруссіей время Бисмарка или Францію время Наполеона III, когда вся безъ исключенія буржуазія, вплоть до мелкой буржуазіи и крестьянъ, была удовлетворена, а потому и реакціонна. „Третья Дума больно похожа на *Chambre introuvable* 1815 г.“

Все это совершенно вѣрно. Но все, что тутъ говоритъ В. Ильинъ есть буквальное повтореніе того, что м-ки говорили всегда о характерѣ 3-іонскаго блока. Даже параллель между нашей эпохой и эпохой реставраціи Бурбоновъ и противопоставленіе нашей эпохи, эпохамъ Бисмарка и Наполеона III В. Ильинъ списалъ изъ нашихъ статей 1908—9 гг.

И мы говорили все это впротировѣсь именно В. Ильину, неизмѣнно твердившему, что „Россія сдѣлала еще шагъ къ превращенію въ буржуазную монархію“ въ томъ смыслѣ, что вся либеральная буржуазія стала у насъ ужъ опредѣленно и окончательно контръ-революціонной, что въ Россіи потому приходится вести одинаковую борьбу, какъ съ либералами, такъ и съ черносотенцами. Да и теперь орлы В. Ильина рекомендуютъ рабочимъ на выборахъ вести себя такъ, какъ если бы у насъ между либералами и правыми давно уже состоялось соглашеніе гораздо болѣе полное и гораздо болѣе тѣсное, нежели въ Германіи время Бисмарка. „Демократы“, пишетъ двойникъ Ильина, Фрей, „должны сначала проваливать съ либералами правыхъ, а затѣмъ „съ правыми либераловъ“ (см. № 34 „Звѣзда“). Кто же, спрашивается, наводитъ на ложный путь Н. Р.—кова и продолжаетъ сбивать съ толку своихъ довѣрчивыхъ читателей? Уже за одно то, что Н. Р.—ковъ высвободилъ изъ объятій В. Ильина, мы можемъ его искренно привѣтствовать. Правда, пережитки старыхъ предрасудковъ еще мѣшаютъ ему ориентироваться въ политическомъ положеніи. Но, повторяемъ, онъ добросовѣстно ищетъ и мы потому имѣемъ основанія надѣяться, что онъ выберется на вѣрную дорогу.

Другое дѣло В. Ильинъ. Тотъ ничему не научается. В. Ильинъ умѣетъ сообразно съ сезономъ (съ „ситуаціей“) мѣнять свой нарядъ, и не брезгуетъ подчасъ пощеголять въ нарядѣ противника, выдавая его за собственный. Но это только нарядъ, маска. По существу же онъ остается всегда тѣмъ же самымъ истинно-русскимъ Швейцеромъ, тѣмъ болѣе озлобленнымъ, тѣмъ болѣе азартнымъ, тѣмъ болѣе неразборчивымъ въ средствахъ, чѣмъ болѣе сектантская рабочая политика становится историческимъ анахронизмомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ впервые сложилось большевистское направленіе въ нашемъ марксизмѣ, въ Россіи много воды утекло. Гнетъ полицейской реакціи, по сравненію съ предреволюціонной эпохой, не ослабѣлъ, а еще болѣе усилился, превратившись въ откровенную диктатуру крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Но за истекшіе годы въ рамкахъ полицейской реформы чрезвычайно сильно подвинулся впередъ процессъ дифференціаціи и политическаго самоопредѣленія населенія. Въ пролетаріатѣ выдвигается новый слой рабочихъ, способныхъ къ политической самостоятельности. Крестьяне, благодаря быстрому разложенію традиціонныхъ деревенскихъ устоевъ, сами придвинулись къ городской политической культурѣ. Разные слои буржуазіи экономически и политически сорганизовались, впитавъ въ себя значительную часть интеллигенціи, ранѣе тяготѣвшей къ социализму. Параллельно съ этимъ и бюрократическая власть искала и нашла себѣ опору въ почвенныхъ реакціонныхъ силахъ, въ извѣстныхъ общественныхъ классахъ и группахъ, раньше на политическую поверхность не выплывавшихъ. Классовая борьба такимъ образомъ развернулась и сдѣлала неизбѣжнымъ существованіе хотя бы мнимо-конституціонныхъ учреждений, хотя бы пародіи на политическую прессу, хотя бы пародіи на коалиціонныя права. Все это создало условія для начала европеизаціи рабочаго движенія, которому и въ конституціонныхъ западныхъ странахъ приходилось ломать рогатки исключительныхъ законовъ. Эти успѣхи политической жизни, придушенной, но не убитой контръ-революціонной диктатурой, отнюдь не исключаютъ въ будущемъ скачковъ и потрясеній, но они значительно суживаютъ сферу вліянія стихійности, которой еще недавно цитался всякого рода революціонный авантюризмъ,

какъ с.-р.-скій, такъ и б-скій. Отсюда кризисъ б-зма, однимъ изъ яркихъ симптомовъ котораго является послѣднее литературное выступленіе виднаго б-ка Н. Р-кова.

Какъ же реагировалъ на этотъ кризисъ В. Ильинъ? Наблюдая изъ за рубежа за тѣмъ какъ его тактика теряетъ почву и какъ ряды его единомышленниковъ рѣдѣютъ въ средѣ рабочихъ, онъ, уступая настояніямъ нѣкоторыхъ русскихъ б-ковъ, выразилъ свое согласіе на „реформы“. „Мы научились, писалъ онъ въ Іюль 1909 г., во время революціи говорить „по французски“, т. е., вносить въ движеніе максимумъ толкающихъ впередъ лозунговъ, поднимать энергію и размахъ непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь во время застоя, реакціи, распада, научиться говорить по «нѣмецки», т. е. дѣйствовать медленно (иначе нельзя, пока не будетъ новаго подъема), систематически, упорно, двигаясь шагъ за шагомъ, завоевывая вершокъ за вершкомъ. Кому скучна эта работа, кто не понимаетъ необходимости сохраненія и развитія революціонныхъ основъ с.-д. тактики и на этомъ пути, на этомъ поворотѣ пути, тотъ всеу пріемлетъ имя марксиста“. Это было въ устахъ Ильина новое слово. Но уже въ этомъ новомъ словѣ не трудно открыть старья, хорошо намъ знакомья, „черты мышленія вульгарнаго демократа“. Въ новой политической ситуаціи для Ильина характерно было лишь то, что натискъ смѣнился застоємъ, что буря смѣнилась затишьемъ. Что за истекшіе годы жизнь политическая усложнилась, что благодаря этому создались условія для болѣе развитыхъ формъ классовой борьбы, хотя бы временно и съ гораздо меньшимъ размахомъ, этого не отмѣчаетъ и не замѣчаетъ Ильинъ. Соответственно съ этимъ онъ и нѣмецкую тактику оцѣниваетъ, какъ вульгарный демократъ. Для насъ переходъ къ нѣмецкой тактикѣ есть значительный шагъ впередъ; для насъ это высшая форма марксистской тактики, соответствующая развитой классовой борьбѣ, одинаково пригодная и для „бури“ и для „затишья“. Для Ильина нѣмецкая тактика есть временная, несчастная необходимость. Для него она сводится всецѣло къ медленному движенію шагъ за шагомъ, къ тому самому, за что с.-р. ее обычно укоряютъ, а либералы (русскіе) обычно хвалятъ. Примирившись съ нѣмецкой тактикой, какъ съ неизбежнымъ зломъ, В. Ильинъ естественно поторопился обставить ее такими оговорками и ограниченіями для „сохраненія и развитія революціонныхъ основъ“, что въ результатѣ получилось нѣчто вродѣ російской конституціи.

Отнынѣ, гласила новая конституція В. Ильина, всякій членъ партіи обязывается забыть про тактику бойкота и защищать выборы въ Думу, согласно правиламъ „нѣмецкаго языка“; но въ отличіе отъ нѣмцевъ, мы при избирательной кампаніи обязаны ставить на одну доску либераловъ и черносотенцевъ, а въ самой Думѣ, внося законопроектъ (напр. о свободѣ стачекъ), лишать его всякаго конкретнаго содержанія, дабы всякій дуракъ могъ отличить его отъ либеральнаго. Согласно правиламъ „нѣмецкаго языка“ отнынѣ разрѣшается „использованіе легальныхъ возможностей“, но при непремѣнномъ услови, что бы всѣ, работающіе въ открытыхъ организаціяхъ, зачислены были въ разрядъ подозрительныхъ и не полноправныхъ, которыхъ подлежитъ отдать подъ строжайшій надзоръ подпольныхъ кружковъ, непосредственно получающихъ директивы изъ б—каго „центра“. Отнынѣ, согласно правиламъ „нѣмецкаго языка“, „партизанскія выступленія“, „экспропріаціи“ и тому подобныя проявленія „высшихъ сторонъ“ борьбы

отмѣняются, но въ видѣ компенсаціи строго запрещаются коалиціонныя, петиціонныя и т. п. кампаніи, яко сѣющія конституціонныя иллюзіи и т. д. и т. д.

Эта, съ позволенія сказать, конституція, конечно, не удовлетворитъ ни старозавѣтныхъ б—ковъ, ни м—ковъ. Убѣдившись въ этомъ, В. Ильинъ объявилъ отечество въ опасности и, отложивъ „реформы“, принялся за „успокоеніе“, за „борьбу съ ликвидаторами слѣва и справа“. Это было въ извѣстномъ смыслѣ счастливый исходъ для пережившаго себя лидера б—ской фракціи. Не понимая происходившей на его глазахъ общественной эволюціи, онъ замѣнилъ тактику казуистики и занялъ бесплоднѣйшую позицію, обрекавшую его и его единомышленниковъ на полное политическое бездѣйствіе. При такихъ условіяхъ „борьба съ ликвидаторами“ была для него спасительной находкой, она сразу дала его приверженцамъ работу по плечу, и работа закипѣла. Какъ ни слабо бился пульсъ политической жизни за послѣдніе годы онъ все таки никогда не замиралъ, а про ленинскіе „комитеты“ что то давно не слышать стало. Но какъ только раздался кличъ—„травля ликвидатора“, они сразу стали оживать. Для этой разрушительной работы нѣтъ надобности ломать себѣ голову надъ сложными вопросами политической тактики, нѣтъ надобности искать новыхъ путей, новыхъ методовъ политическаго строительства. Для этой „работы“ достаточно нѣсколько дешевыхъ приемовъ демагогіи, неразборчивости въ средствахъ и политической ослѣплости. Въ этомъ искусствѣ Вл. Ильинъ былъ незамѣнимымъ учителемъ. Не удивительно, что его новѣйшая „дѣятельность“ дала блестящіе результаты.. Онъ въ самое короткое время разрушилъ до того остатки центральныхъ учрежденій партіи, что возстановилъ противъ себя всѣхъ недавнихъ еще союзниковъ и создалъ вокругъ себя совершеннѣйшую идейную и моральную пустоту, въ которой ему особенно легко дышется. Закончивъ эту предварительную работу по „организаціи партіи“ за рубежомъ, онъ теперь переноситъ свою дѣятельность на открытую русскую трибуну. Послѣ того, какъ изъ „Звѣзды“ выступили нѣкоторые сотрудники, стѣснявшіе его свободу дѣйствій, Ильинъ превратилъ эту газету въ крѣпость для открытаго обстрѣла „ликвидаторовъ“*). Его фельетонъ „Манифестъ либеральной рабочей партіи“ былъ первымъ опытомъ „использованія легальныхъ возможностей“ для сведенія счетовъ съ „внутреннимъ врагомъ“. Какъ видно изъ статей—Фрея въ „Звѣздѣ“, это только начало; настоящая оргія фракціонной войны ожидается въ связи съ избирателями кампаній. Эти рыцари „метлы и собачьей головы“ уже грозятся отравить всю с. д.—ую избирательную компанію своей демагогіей. Такъ поступаютъ „бывшіе“ политическіе вожди, которымъ нечего терять. Но мы надѣемся, что пролетаріатъ оцѣнитъ по заслугамъ эту азартную игру, которая ведется за его счетъ. Поэтому мы можемъ посовѣтовать Ильину одно: то что дѣлаешь, дѣлай скорѣй.

А. Мартыновъ.

*) Но и по сю сторону рубежа, какъ показываетъ въ № 39 „Звѣзды“ статья Л. Германова, а затѣмъ также и отступная редакціонная статья въ № 41-мъ той-же газеты—дѣла Фрея-Ильина обстоятъ далеко не блестяще.

Лассальянцы и Эйзенахцы въ освѣщеніи Авг. Бебеля

(А. Бебель—Мемуары, т. II, 2 вып.),

Второй томъ воспоминаній Августа Бебеля представляетъ еще большій интересъ, чѣмъ первый *). Если тамъ Бебель рассказывалъ о зачаткахъ рабочаго движенія въ Германіи въ связи со своими годами „ученія“, то здѣсь передъ нами встаетъ картина постепеннаго превращенія первоначальныхъ рабочихъ организацій различнаго типа въ единую социалъдемократическую партію, дѣйствующую на исторически сложившейся почвѣ. Два момента въ исторіи германской социалъдемократіи: ея политическое и организаціонное сплоченіе съ одной стороны, и ея приспособленіе къ парламентской обстановкѣ съ другой, въ освѣщеніи Бебеля, имѣютъ для русскаго читателя не одинъ только историческій интересъ. Они полны цѣлаго ряда поучительныхъ конкретныхъ подробностей и указаній, могущихъ послужить въ качествѣ полезнаго примѣра нашему, еще молодому рабочему движенію. Соціально-политическія условія Германіи 60-хъ гг., во многихъ отношеніяхъ сходные съ современными русскими условіями, вызывали, какъ увидимъ ниже, постановку на очередь дня вопросу, имѣющихъ и у насъ злободневный характеръ. Какъ и въ Германіи 60-хъ гг. и начала 70-хъ гг., такъ и въ современной Россіи социалъдемократія раздражается внутренними разногласіями, вызываемыми политической отсталостью страны и слабымъ развитіемъ классового самосознанія рабочихъ. Русскій пролетаріатъ переживаетъ въ настоящее время періодъ своего политическаго и классоваго самоопредѣленія. Для завершения этого процесса ему необходимо преодолѣть стоящій на его пути „ленинизмъ“ и связанныя съ нимъ пережитки нашего сектантскаго прошлаго, какъ германскимъ рабочимъ начала 70-хъ гг. надо было преодолѣть „швейперіанство“, мѣшавшее ихъ превращенію въ партію пролетаріата и объединенію всѣхъ пролетарскихъ силъ. Это преодолѣніе можетъ совершиться лишь на томъ же пути, что и въ Германіи, — на пути, идущемъ отъ кружковыхъ махинацій и сектантской политики къ политикѣ класса, къ открытой политической борьбѣ пролетаріата, которую уже ведутъ его передовые отряды. Въ процессѣ своего самоопредѣленія русскій пролетаріатъ, подобно германскому, отбросить отъ себя всѣхъ тѣхъ, кто мѣшаетъ его развитію. Тогда и только тогда пробьетъ часъ объединенія его въ единую социалъдемократическую партію **).

*) О I томѣ „Мемуаровъ“ см. № 1 „Н. Зари“ 1910 г.

**) Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ мы останавливаемся специально на разногласіяхъ внутри германской с.-д. партіи въ 60—70 годы, на борьбѣ фракцій, оставляя вопросъ о ея первыхъ парламентскихъ шагахъ до другого раза.

1. Соціально-политическое положеніе Германіи

60—70-х годовъ.

Время дѣйствія разсказа Бебеля—отъ середины 60-хъ до середины 70-хъ годовъ—характеризуется для Германіи слабымъ развитіемъ крупно-капиталистическаго производства и преобладаніемъ мелкой промышленности. Въ эту эпоху, по словамъ Меринга *), „въ значительной части Германіи ремесленное производство еще преобладаетъ надъ фабричнымъ, а сельско-хозяйственное надъ ними обоими вмѣстѣ“. Но именно въ первую половину 60-хъ г.г. наблюдается быстрый подъемъ промышленнаго капитализма, связанный съ общимъ мировымъ расцвѣтомъ промышленности. Въ тоже время и въ связи съ этимъ указанная эпоха знаменуется значительнымъ политическимъ оживленіемъ послѣ затишья реакціонной полосы 50-хъ годовъ.

На политическую сцену выдвигаются три взаимно борющіяся силы. Это, прежде всего, прусское правительство, во главѣ котораго стоитъ Бисмаркъ. Оно и экономически и политически опирается на прусское юнкерство (помѣщиковъ), но вынуждено итти въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ разрѣзъ съ частными классовыми интересами помѣщиковъ. Передъ нимъ стоитъ общегосударственная задача—объединеніе Германіи въ единое цѣлое, необходимое въ интересахъ ея экономическаго развитія и незавершенное революціей 48 года. Бисмарку приходится поэтому разыгрывать роль выразителя общенациональныхъ стремленій и заигрывать поочередно то съ буржуазіей, то съ пролетаріатомъ. Но Бисмаркъ хотѣлъ объединить Германію сверху „желѣзомъ и кровью“, подъ главенствомъ военной прусской монархіи, а не демократическимъ путемъ, снизу, посредствомъ республики или демократической монархіи, къ чему стремились дѣятели революціи 48 г. и что въ 60 г. отстаивали германскіе либералы и демократы. На югѣ въ частности демократическіе элементы буржуазіи были вообще противниками объединенія подъ верховенствомъ реакціонной Пруссіи и требовали объединенія всей Германіи (включая и Австрію) на федеративныхъ началахъ. Национальные вопросы осложнялись политическими: въ Пруссіи либералы (прогрессисты) требовали сохраненія и расширенія конституціи, оставшейся послѣ пораженія революціи 48 г. Бисмаркъ систематически нарушалъ ее, ибо политика требовала абсолютныхъ приѣмовъ управленія. Прусскіе прогрессисты и южные демократы пользовались въ то время значительнымъ вліяніемъ не только среди буржуазіи, но и среди рабочихъ, и представляли изъ себя вторую крупную политическую силу.

Въ это время, въ качествѣ третьей политической силы, на авансцену германской общественной жизни выдвинулся пролетаріатъ. Пробужденный экономическимъ подъемомъ и политическимъ оживленіемъ 60-хъ годовъ,—онъ состоялъ въ большинствѣ своемъ изъ ремесленныхъ подмастерьевъ и рабочихъ мелкой промышленности—сталъ группироваться въ просвѣтительныхъ, кооперативныхъ обществахъ и организаціяхъ взаимопомощи, въ началѣ находившихся подъ вліяніемъ буржуазно-демократическихъ элементовъ, но постепенно освобождавшихся отъ этого вліянія въ результатѣ своего политическаго и организаціоннаго развитія.

*) Мерингъ, „Ист. герм. соц.-дем.“, т. III, стр. 3.

Этому неоформленному стремлению рабочих къ самостоятельности далъ знамя Лассаль, бросившій въ 63 году идею открытой политической партіи рабочаго класса. Въ томъ же году имъ былъ основанъ „Всеобщій Германскій союзъ“ — первая политическая организація германскаго пролетаріата, — къ которому, впрочемъ, примкнула незначительная тогда еще часть рабочихъ, организованныхъ въ союзы и просвѣтительныя общества. Остальная часть продолжала сотрудничать въ политической и культурной области съ демократическими элементами буржуазіи, лишь постепенно отдѣляясь отъ нея. Лишь въ 69 году на създѣ рабочихъ организацій въ г. Эйзенахѣ была образована социалъдемократическая рабочая партія („эйзенахцы“), принявшая самостоятельную классовую политическую программу и выработавшая соответствованныя организаціонныя формы. Такимъ образомъ сознательный германскій пролетаріатъ въ начальномъ періодѣ своего политическаго развитія раскололся на двѣ фракціи, борьбѣ которыхъ посвящена значительная часть „Мемуаровъ“ Бебеля.

2. Лассальянцы и эйзенахцы.

Почти 10-лѣтняя борьба между лассальянцами и эйзенахцами не была, какъ рисуютъ часто буржуазныя историки, борьбой однихъ только ея вождей или фракціонной „дрязгой“. Какъ и всякая борьба внутри социалъдемократіи, она коренилась въ условіяхъ развитія рабочаго движенія. Соціально-политическая отсталость Германіи 60-хъ годовъ, національно-политическія противорѣчія, и мало развитое политическое сознаніе нѣмецкихъ рабочихъ — вотъ причины тѣхъ тактическихъ и организаціонныхъ разногласій, которыя раздѣляли эйзенахцевъ и лассальянцевъ и послужили поводомъ къ борьбѣ, въ ходѣ которой выступили на сцену личные моменты и фракціонная „грызня“.

По справедливому указанію Меринга различное отношеніе рабочихъ сѣвера (лассальянцевъ Пруссіи) и юга (эйзенахцы преимущественно дѣйствовали въ Саксоніи) къ національному вопросу вызвало тактическія разногласія между фракціями, а различный процессъ развитія организацій лассальянцевъ и эйзенахцевъ обусловилъ собой ихъ разногласія по вопросамъ рабочей организаціи и самодѣятельности рабочихъ массъ.

Лассаль, а послѣ его смерти его преемники, въ своей дѣятельности опирались не столько на массовое рабочее движеніе и социалистическое классовое сознаніе германскихъ рабочихъ, сколько на ихъ классовый инстинктъ и на смутное стремленіе къ самостоятельной организаціи. Последнее вызывалось не столько вполне осознанными потребностями рабочаго класса къ самоорганизаціи, сколько неудовлетворенностью рабочихъ трусливой политикой прогрессистской партіи, исторически не сзумѣвшей и не хотѣвшей последовательно отстаивать общедемократическія требованія. Напротивъ того, какъ это явственно слѣдуетъ изъ мемуаровъ Бебеля, а также изъ интересной работы Бернштейна по исторіи берлинскаго рабочаго движенія, такъ называемая эйзенахская партія (фракція, идейными руководителями которой были Бебель и Либкнехтъ), при всѣхъ зигзагахъ и отступленіяхъ, которыя она совершала въ своемъ развитіи, при всей теоретической расплывчатости, царившей среди ея членовъ, продѣлала болѣе органической процессъ развитія. Ея отдѣленіе отъ бур-

жуазной демократіи, совершавшееся по необходимости на политической почвѣ, шло параллельно съ классовымъ самоопредѣленіемъ составившихъ ея передовыхъ элементовъ рабочихъ и диктовалось все растущимъ классовымъ социалистическимъ сознаниемъ самостоятельныхъ рабочихъ организацій, изъ которыхъ она выросла. У лассальянцевъ же разрывъ съ буржуазной демократіей и переходъ къ самостоятельной политикѣ до нѣкоторой степени искусственно ускорился тактикой ея вождей (Лассалья, а потомъ Швейцера) совершавшей въ головѣ лишь руководящихъ элементовъ и преломляясь въ сознаниіи слѣдовавшихъ за ними массъ самымъ грубымъ, превратнымъ образомъ. На практикѣ это отмежеваніе отъ буржуазіи вырождалось нерѣдко у лассальянцевъ въ самую грубую демагогію и приводило къ разжиганію ими классовой ненависти, а не къ развитію самосознанія массъ, какъ это отмѣчаетъ Бебель; этому содѣйствовала строго централизованная форма лассальянской организаціи, убивавшая въ корнѣ самостоятельность своихъ членовъ и глушившая попытки самостоятельнаго социалистическаго мышленія.

Развившись съ самаго своего возникновенія, какъ политическая организація, лассальянскій Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, не представляя изъ себя благодаря незначительному количеству членовъ политической силы, хотѣлъ нерѣдко казаться таковой: отсюда вытекала передѣлка роли строго дисциплинированной организаціи, подчиненной руководству почти безконтрольнаго „вождя“, которая могла бы своей энергіей замѣстить недостающія рабочія массы или, по крайней мѣрѣ, увлечь ихъ за собой. Это нерѣдко вело къ подмѣнѣ политической борьбы рабочихъ массъ политиканствомъ ихъ вождей и было вообще слабой стороной лассальянской организаціи, вытекавшей изъ политич. неразвитости рабочихъ. Тѣмъ не менѣе исторической заслугой лассальянцевъ останется то, что они первые создали въ Германіи самостоятельную отъ буржуазныхъ элементовъ рабочую партію и своей критикой половинчатости прусскаго либерализма содѣйствовали освобожденію германскаго пролетаріата отъ идейнаго и политическаго вліянія буржуазіи и мелко-буржуазныхъ социальныхъ утопій (Шульце-Делича).

Въ свою очередь, историческое происхожденіе эйзенахской социал-демократической партіи изъ самостоятельныхъ рабочихъ (хотя и не политическихъ) организацій, лишь постепенно становившихся ячейками политической партіи, и большій демократизмъ и радикализмъ мелкой буржуазіи Саксоніи и юга, гдѣ она дѣйствовала, оставили на ней неизгладимый отпечатокъ. Будучи менѣе стройно организована, чѣмъ Всеобщій Союзъ, эйзенахская с.-д. партія до середины 70-хъ г.г. больше занималась идейной пропагандой и организаціей пролетаріата, чѣмъ политикой въ собственномъ смыслѣ слова, но зато она выступала, какъ болѣе послѣдовательная демократія, чѣмъ лассальянцы, отвергая всякіе компромиссы съ правительствомъ и храня революціонныя традиціи 48 г. Не являясь систематическимъ руководителемъ рабочихъ массъ въ повседневной текущей политикѣ и значительно уступая въ этомъ отношеніи лассальянцамъ, эйзенахцы политически и организаціонно воспитывали рабочихъ, подготавливая самостоятельные, социалистическіе кадры, составившіе въ послѣдующую эпоху становой хребетъ германской социал-демократіи и вписавшіе свои имена въ ея исторію.

Это различное происхожденіе и ходъ развитія двухъ фракцій германской соц.-дем. 60—70-хъ гг. опредѣлилъ собой ихъ разногласія по главнымъ вопросамъ текущей политики, тактики и организаціи.

3. Отношеніе къ буржуазной демократіи. Вопросы тактики.

Однимъ изъ главныхъ принципіальныхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ фракціи, былъ вопросъ объ отношеніи рабочаго класса къ политикѣ прусскаго правительства (Бисмарка) и, слѣдовательно, къ буржуазной демократіи, находившейся въ то время въ оппозиціи къ этому правительству. Въ разматриваемую эпоху лассальянцы, въ лицѣ Швейцера и его ближайшихъ сподвижниковъ, исходили изъ того, что революціонный путь объединенія Германіи оказался исторически невозможнымъ и что это объединеніе можетъ быть совершенно только сверху, при посредствѣ прусскаго государства. Исторически это оказалось совершенно правильнымъ и подтвердилось послѣдующими событіями, но политически лассальянцы были неправы, когда считали возможнымъ въ иныхъ случаяхъ пріивѣтствуя это объединеніе, косвенно поддерживать „національную политику“ Пруссіи, которая была ни чѣмъ инымъ, какъ политикой милитаризма, враждебной демократіи. Столь же неправильно было изъ признанія буржуазнаго характера прогрессистской партіи дѣлать заключеніе, что эта партія является главнымъ врагомъ пролетаріата и игнорировать значеніе ея борьбы съ правительствомъ.

Напротивъ того, эйзенахцы до того момента, пока объединеніе Германіи подъ флагомъ реакціонной Пруссіи не стало совершившимся фактомъ, вели самую рѣшительную борьбу съ антидемократической политикой Бисмарка и настаивали на необходимости объединенія Германіи на основѣ демократической конституціи, хотя исторически они, быть можетъ, и заблуждались насчетъ возможности, такого объединенія.

Въ то время, какъ лассальянцы, опираясь на положеніе Лассалья, что вся буржуазія, по отношенію къ пролетаріату, представляетъ изъ себя „единую реакціонную массу“, одинаково относилось какъ къ прогрессистамъ, такъ и къ реакціонерамъ, въ иныхъ случаяхъ даже поддерживая послѣднихъ противъ первыхъ, эйзенахцы считали обязанностью рабочихъ поддерживать буржуазно-демократическую оппозицію въ ея борьбѣ съ правительствомъ.

Марксъ и Энгельсъ рѣшительно выступили противъ тактики лассальянцевъ по отношенію къ буржуазной демократіи, по поводу статьи Швейцера, въ которой онъ писалъ: „жизнеспособны въ Германіи два фактора: Пруссія и нація, прусскіе штыки или кулаки нѣмецкаго пролетаріата; третьяго мы не видимъ“, они выпустили заявленіе, въ которомъ для выясненія отношенія пролетаріата къ буржуазной оппозиціи ссылались на одну изъ своихъ статей 47 года, гдѣ они писали между прочимъ:

„Если извѣстная фракція нѣмецкихъ социалистовъ постоянно шумѣла противъ либеральной буржуазіи, и всегда въ такой формѣ, которая могла принести пользу только нѣмецкимъ правительствамъ, если теперь офиціозные органы, опираясь на эти фразы, утверждаютъ, что не либеральная буржуазія, а правительство представляетъ интересы пролетаріата, то мы не имѣемъ ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими... Пролетаріатъ не спрашиваетъ, является ли для буржуазіи народное благо главнымъ или побочнымъ дѣломъ, будетъ ли она употреблять пролетаріатъ какъ пушечное мясо, или нѣтъ. Пролетаріатъ не спрашиваетъ, чего буржуазія только желаетъ, но что она вынуждена дѣлать. Онъ спрашиваетъ, кто доставитъ ему больше средствъ для достиженія его собственныхъ цѣлей—современное политическое устройство, господство бюрократіи, или то, къ которому стремятся либералы, господство буржуазіи... Господство буржуазіи даетъ пролетаріату въ руки не только совершенно новое оружіе для борьбы противъ буржуазіи, но и создаетъ ему совершенно другое положеніе, положеніе признанной партіи“.

Эти слова Маркса и Энгельса сохранили свое жизненное значение до сих поръ и приложимы вполне къ современной русской дѣйствительности. Ту же точку зрѣнія раздѣлялъ и Бебель, приводящій въ Мемуарахъ одну изъ своихъ рѣчей по этому поводу, въ которой онъ говорилъ:

„Народная партія (демократы) согласна съ нами постольку, поскольку она раздѣляетъ наши политическія требованія и часть нашихъ социальныхъ требованій. Было бы глупо съ нашей стороны нападать на нее за то, въ чемъ она съ нами согласна, и само собой разумѣется, что мы выступимъ всегда противъ нее тамъ, гдѣ между нами существуютъ разногласія, т. е., главнымъ образомъ, въ социальной области“.

На перебаллотировкахъ въ 67 г. Швейцеръ пошелъ дальше, посоветовавъ рабочимъ голосовать противъ либерала за Бисмарка, а когда тотъ пошелъ голосами рабочихъ, Швейцеръ писалъ: „Либеральной буржуазіи хотѣли дать урокъ за ея низкое поведеніе въ избирательной кампаніи“. Въ 70 г. лассальянцы по совѣту того же Швейцера, рѣшили на перебаллотировкахъ между реакціонеромъ и эйзенахцемъ воздерживаться, т. е. косвенно помогать правительству, и голосовать за либерала противъ эйзенахца. Въ этомъ отношеніи лассальянцы не отличались принципиальностью: сегодня можно голосовать за реакціонера противъ либерала, завтра за либерала противъ социаль-демократа другой фракціи. Несмотря на такое рѣшеніе лассальянцевъ, эйзенахцы постановили голосовать на перебаллотировкахъ за нихъ противъ либераловъ и консерваторовъ.

Эта безпринципная тактика лассальянцевъ, бывшихъ, впрочемъ, не всегда послѣдовательными въ этомъ вопросѣ, развращала слѣдовавшихъ за ними рабочихъ и заставляла ихъ нарушать самыя элементарныя правила политическаго приличія въ борьбѣ съ прогрессистами и эйзенахцами: они срывали ихъ собранія, прогоняли ихъ оттуда, устраивали скандалы, послѣ которыхъ полиція закрывала собранія и т. д. Бебель рассказываетъ, что однажды настроенная лассальянцами противъ него и Либкнехта толпа рабочихъ разбила окна въ квартирѣ Либкнехта, перепугавъ его семью, и чуть не сдѣлала того же и съ Бебелемъ.

4. Отношеніе къ профессиональнымъ союзамъ и самостоятельности рабочихъ.

Исходя изъ взгляда Лассалья, что стачки не могутъ улучшить положенія рабочихъ, большинство лассальянцевъ отрицательно относилось къ профессиональнымъ союзамъ, считая, что они отвлекаютъ рабочихъ отъ болѣе необходимой политической борьбы. Но тотъ самый промышленный подъемъ, который вызвалъ лассальянское движеніе породилъ среди рабочихъ стремленіе къ профессиональной организаціи. Понимая, что союзы вскорѣ могутъ стать силой, конкурирующей съ партіей, меньшинство лассальянцевъ: Швейцеръ, Фрицше и др. высказались за организацію союзовъ съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ партіи. Они почти не скрывали своего желанія „использовать“ союзы въ интересахъ расширенія вліянія партіи на рабочія массы и потому рѣшительно отказывали союзамъ въ какой-либо самостоятельности. Союзы, примкнувшіе къ лассальянской организаціи, были прямо подчинены партіи и только постепенно отвоевали себѣ независимость. Эйзенахцы какъ разъ обратно подходили къ профессиональнымъ союзамъ: будучи болѣе связаны съ массами и правильно оцѣнивая значеніе самостоятель-

ности рабочихъ, они съ самаго возникновенія первыхъ професс. союзовъ высказались за ихъ устройство, признали ихъ самостоятельное значеніе, наряду съ партіей, и дѣятельно работали надъ ихъ организаціей. Исторія показала, что эйзенахцы были правы!

Та же боязнь всякой самостоятельной организаціи и постоянное опасеніе конкуренціи своему вліянію заставила Лассальянцевъ, въ лицѣ Швейцера, высказаться въ 70 году рѣшительно противъ мѣстнаго органа партіи въ Аугсбургѣ, затѣяннаго членами партіи рабочими. Швейцеръ опасался подрыва дисциплины въ своей партіи, если вліянію его органа „Соціаль-демократъ“ будетъ противопоставлено вліяніе другого органа. Характернымъ для эйзенахцевъ съ ихъ стремленіемъ къ возможно большому идейному вліянію является, въ противоположность этому, образованіе многочисленныхъ мѣстныхъ партійныхъ газетъ, на ряду съ Центральнымъ органомъ. Недаромъ такъ ненавидѣли Лассальянцы эйзенахскихъ „литераторовъ“, подрывавшихъ своей дѣятельностью авторитетъ Лассальянскихъ идей и вождей, одинъ изъ которыхъ Гассельманъ, окончившій свою дѣятельность въ качествѣ анархиста, со свойственной ему демагогіей именовалъ ихъ не иначе, какъ „жидовскими литераторами“ („Pressjuden“).

5. Формы организаціи. Швейцеръ.

Лассаль завѣщалъ Всеобщему Союзу централизованную организацію съ огромной властью предсѣдателя. Имъ вскорѣ сдѣлался адвокатъ Швейцеръ. Бебель признаетъ за Швейцеромъ крупныя дарованія: „онъ обладалъ необходимой теоретической подготовкой, широкимъ политическимъ кругозоромъ и въ то же время умѣлъ хладнокровно опѣивать данный историческій моментъ. Какъ журналистъ и агитаторъ, онъ умѣлъ очень популярно разъяснять рабочимъ самые трудные вопросы и темы“. Но онъ, по мнѣнію Бебеля, былъ психологически чуждъ рабочему классу, преслѣдовалъ въ рабочемъ движеніи свои личныя цѣли и даже продался Бисмарку. Бебель приводитъ рядъ фактовъ, бросающихъ тѣнь на политическую фізіономію Швейцера, которые не были опровергнуты выступившимъ на защиту Швейцера Мерингомъ. Но эти факты даютъ лишь поводъ подозрѣвать продажность Швейцера; среди нихъ нѣтъ ни одного, который бы неопровержимо доказывалъ это. Но былъ ли Швейцеръ продажнымъ агентомъ Бисмарка или просто крупнымъ честолюбцемъ и демагогомъ, его дѣятельность причинила много вреда германскому рабочему движенію.

Мерингъ правъ, утверждая, что диктатура Швейцера, для которой дорогу проложилъ уже Лассаль, была возможна въ силу соціально-политической отсталости Германіи и зачаточныхъ формъ рабочаго движенія въ 60 годы, но онъ безусловно не правъ, когда изъ нужды германскаго рабочаго движенія этой эпохи хочетъ сдѣлать политическую добродѣтель Швейцера, сознававшаго будто бы необходимость въ интересахъ рабочаго движенія диктатуры надъ рабочимъ классомъ. Указываемыя Мерингомъ условія дѣлали диктатуру возможной, но не необходимой, какъ доказываетъ фактъ существованія эйзенахской рабочей партіи, ставшей соціаль-демократической безъ помощи диктатуры, благодаря лишь постепенному развитію составлявшихъ ее рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ Швейцеръ сумѣлъ воспользоваться благоприятными для его диктатуры условіями, чтобы закрѣпить свое вліяніе.

Формы лассальянской организации, при которой председатель фактически находился вне всякого контроля, а правление, состоявшее из рабочих, было лишено почти всякого влияния на ход дѣла, чрезвычайно способствовали диктаторской политикѣ Швейцера. Бебель въ нѣсколькихъ словахъ мастерски обрисовываетъ его пріемы безконтрольнаго хозяйничанья въ рабочемъ движеніи, типичные для всякаго демагога, и его умѣніе парализовать оппозицію, исходящую изъ среды, недовольной такимъ хозяйничаньемъ:

„Единственная газета, принадлежавшая Союзу, — а другой рядомъ съ ней Швейцерь терпѣть не хотѣлъ — находилась въ его рукахъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ могущественное орудіе и безъ всякихъ колебаній пускалъ его въ ходъ, что бы превратить свое духовное господство надъ членами Союза въ абсолютное, при чемъ онъ насильственно подавлялъ всякое противорѣчіе и негодные ему взгляды. Умѣнье, съ которымъ Швейцерь льститъ при этомъ массамъ, хотя внутренно онъ ихъ презиралъ, мнѣ больше ни въ комъ не приходилось встрѣчать въ такой степени. Онъ любилъ выставять себя, какъ ихъ орудіе, повинующееся только волѣ „сувереннаго народа“, который читалъ только его газету и которому онъ внушалъ только свою волю. И если кто-нибудь осмѣливался выступать противъ него, то онъ приписывалъ этому оппоненту самые низкіе мотивы и называлъ его недочкой-интеллигентомъ, который хочетъ подняться надъ честными бравыми рабочими, чтобы эксплуатировать ихъ въ интересахъ ихъ враговъ“.

Расправляться съ своими противниками Швейцерь умѣлъ превосходно: онъ систематически замалчивалъ органъ эйзенахцевъ, а ихъ самихъ называлъ свитой „гг. Ликнехта и Бебеля“, представляя передъ рабочими всю эйзенахскую партію въ качествѣ ничтожной кучки буржуа-интеллигентовъ и обинтеллигентившихся рабочихъ; когда надъ было, въ ходъ пускались разныя темныя клеветы.

Но никакой демагогіи не можетъ удасться на долгое время убить самодѣятельность рабочихъ и ихъ здоровое критическое чутье. По мѣрѣ того, какъ развивалось рабочее движеніе, росли профессиональные союзы и движеніе сбрасывало съ себя сектантскую оболочку, превращаясь въ движеніе массъ, въ Союзѣ все слышнѣе стали раздаваться оппозиціонные голоса, недовольные диктатурой Швейцера. Съ этой оппозиціей безпощадно расправлялись: ея руководителей изгоняли, какъ предателей и измѣнниковъ, Швейцеру выражалось довѣріе со стороны членовъ, чувствовавшихъ свою зависимость отъ него, но „подавленная и вытѣсненная изъ Союза, благодаря его (Швейцера) беззащитнымъ и грубымъ пріемамъ, она зарождалась опять среди другихъ членовъ и въ другой мѣстности и тогда опять начиналась борьба противъ нея“. Всѣ наиболѣе сознательные и дѣятельные элементы лассальянской организации (Бракке, Гейбъ, Йоркъ и мн. др.) переходили одинъ за другимъ въ лагерь эйзенахцевъ, которые принимали ихъ съ распростертыми объятіями и среди которыхъ они находили поле для приложенія своей энергіи.

Германскіе рабочіе выросли изъ тѣхъ пеленокъ, въ которыхъ ихъ навсегда хотѣлъ оставить Швейцерь, считавшій себя, по утвержденію Бебеля, ихъ благодѣтелемъ и нерѣдко упрекавшій ихъ въ „неблагодарности“. „Играть такую роль — говоритъ Бебель — какую Швейцерь игралъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можно было только въ начальномъ періодѣ рабочаго движенія“. Эта стадія была уже пройдена, рабочее движеніе переросло Швейцера и стояло на пути превращенія Всеобщаго Союза въ самодѣятельную организацію рабочей партіи. Швейцерь долженъ былъ быть устраненъ, чтобы движеніе могло пойти впередъ, и онъ былъ устраненъ.

Лассальянцы рѣшили, наконецъ, ограничить власть Швейцера контролемъ надъ нимъ правленія изъ рабочихъ и провели соотвѣтствующія рѣшенія на одномъ изъ съѣздовъ Союза. Тогда Швейцеръ произвелъ государственный переворотъ, соединился съ ничтожной и сомнительной с.-д. фракціей графини Гацфельдтъ, и самовольно измѣнивъ уставъ, предложилъ членамъ организациі въ трехдневный срокъ путемъ референдума (подачи голоса: да или нѣтъ) выразить одобреніе его поступку. Большинство союза и на этотъ разъ покорно подчинилось диктатору, энергичное же меньшинство выступило изъ организациі и соединилась съ эйзенахцами.

Но, несмотря на переворотъ, Швейцеръ понялъ скоро, что пѣсенка его свѣта и добровольно отказался отъ руководства Союзомъ, черезъ годъ послѣ этого, Союзъ навсегда, заднимъ числомъ, исключилъ его изъ организациі, а спустя нѣсколько лѣтъ онъ умеръ. По поводу паденія Швейцера и вообще его роли, Бебель говоритъ:

„Вождь партіи становится дѣйствительнымъ вождемъ только благодаря тому, что онъ даетъ партіи въ мѣру своихъ силъ и способностей. Своими дѣлами заслуживаетъ онъ довѣріе массы, и она ставитъ его во главѣ своей. Но только—какъ свое довѣренное лицо, но не какъ господина, которому она должна слѣпо повиноваться. Онъ—избранный защитникъ ея требованій, истощатель ея стремленій, надеждъ и желаній. Пока вождь удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, онъ продолжаетъ пользоваться довѣріемъ партіи, но если она замѣчаетъ, что этотъ вождь обманываетъ ее и ведетъ по ложному пути, то она имѣетъ не только право,—она обязана отнять у него его руководящее положеніе и лишить его своего довѣрія. А такъ какъ всякое положеніе, дающее власть, создаетъ возможность злоупотреблять имъ, то партія обязана самымъ строгимъ образомъ контролировать дѣйствія своихъ вождей“.

6. Объединеніе фракцій.

Исключеніе Швейцера, хотя и устранило одинъ изъ тормазовъ объединенія (онъ былъ рѣшительнымъ его противникомъ, опасаясь уменьшенія своего вліянія отъ сближенія лассальянцевъ съ эйзенахцами), но не уничтожило основныхъ причинъ существованія двухъ фракцій. Поэтому и послѣ Швейцера въ теченіе 5 лѣтъ фракціи боролись ожесточенно между собой, при чемъ лассальянцы въ этой борьбѣ не очень брезгали средствами. Но совершившееся въ 71 году объединеніе Германіи устранило главную причину разединенія—національный вопросъ, ибо прусское господство въ Германіи стало совершившимся фактомъ; вопросъ объ отношеніи къ либеральной буржуазіи тоже сталъ терять свою остроту, такъ какъ значительная часть ея примирилась съ Бисмаркомъ и изъ оппозиціи стала его опорой, другая-же (лѣвая) часть тоже умѣрила свою оппозицію и вообще перестала играть ту роль, которую играла въ 60-хъ гг. вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ фракціи германской социалдемократіи, въ ходѣ политической борьбы, превращались въ дѣйствительныя политическія партіи, ведущія повседневную политическую борьбу и чувствующія за своей спиной значительныя рабочія массы. Особенно содѣйствовали этому превращенію: съ одной стороны—франко-прусская война 70 г., когда социалдемократіи одной пришлось выступить политически противъ провинистическаго угара, причѣмъ и тутъ эйзенахцы, въ лицѣ Бебеля и Либкнехта, выше и послѣдовательнѣе держали знамя социальной демократіи, чѣмъ лассальянцы, въ гораздо большей степени отдавшіе дань націоналистическому потоку; съ другой—уча-

стие въ парламентскихъ выборахъ, поставившее соц.-дем. обѣихъ направленій лицомъ къ лицу съ широкими рабочимъ массами, въ качествѣ ихъ политическихъ руководителей. Соц.-дем. все болѣе приходилось испытывать чувство политической отвѣтственности за свои дѣйствія и все чаще сознавать нелѣпость разьединенія силъ пролетаріата въ виду растущей реакціи правительства и буржуазіи. Принципіальныя разногласія потеряли, въ силу указанныхъ причинъ, свою остроту, но оставались еще личныя тренія партійныхъ дѣятелей и взаимное недовѣріе, которое надо было изжить. Этому помогли начавшіяся въ 74 году правительственныя гоненія на социалдемократію, сильно ослабившія обѣ фракціи. Враждующіе братья въ борьбѣ съ общимъ врагомъ вынуждены были подать другъ другу руку помощи.

Объединеніе обѣихъ фракцій въ Германскую социалистическую партію состоялось, какъ извѣстно, въ 1875 г. на конгрессѣ въ гор. Готѣ. При этомъ объединеніи формально одержали побѣду лассальянцы, ибо принятая въ Готѣ программа была въ большей степени проникнута устарѣвшими лассальянскими идеями; организаціонный уставъ, правда, былъ составленъ скорѣе въ духѣ эйзенахцевъ, но зато въ руководящихъ учрежденіяхъ объединенной партіи большинство получили лассальянцы. Побѣда лассальянцевъ объясняется не торжествомъ ихъ идей, а ихъ большей организаціонной силовченностью и отказомъ идти на крупныя компромиссы; эйзенахцы, считая политически необходимымъ объединеніе, и будучи хуже организованы, соглашались на эти компромиссы въ надеждѣ, что совмѣстная работа сгладитъ неудачныя мѣста программы. Марксъ и Энгельсъ рѣшительно протестовали противъ такой формы объединенія, при которой приходилось жертвовать своими теоретическими положеніями: они считали, что это объединеніе отброситъ партію назадъ, къ сектантству. Бебель, сидѣвшій въ то время въ тюрьмѣ и другой видный эйзенахецъ Бракке, по болѣзни не принимавшій участія въ объединительныхъ переговорахъ, исходя изъ той же точки зрѣнія, тоже были недовольны такимъ объединеніемъ и протестовали противъ компромиссовъ въ области программы. Опубликованная впервые Бебелемъ ихъ переписка между собой и съ Энгельсомъ по этому поводу—очень интересна. Несмотря на эти протесты, объединеніе состоялось, и Бебель первый подчинился ему: „меня просили не нарушать согласія своимъ открытымъ возмущеніемъ и такимъ образомъ сорвать объединеніе—пишетъ онъ — я уступилъ этому желанію, такъ какъ объединеніе было и мнѣ по душѣ. Кромѣ того, стремленіе къ объединенію въ партіи было настолько сильно, что всѣ соображенія относительно недостатковъ программы должны были умолкнуть, да, наконецъ, единичныя ошибки могли быть исправлены въ будущемъ“. И они были исправлены въ эрфуртской программѣ 1891 г.

Послѣ почти 10 лѣтъ фракціонной борьбы объединеніе состоялось подъ флагомъ лассальянцевъ. Но этотъ флагъ вскорѣ потерялъ свои специфическія сектантскія черты, ставъ знаменемъ единства германскаго социалистическаго пролетаріата, въ рядахъ котораго рука объ руку работали бывшіе лассальянцы и бывшіе эйзенахцы. Вліяніе послѣднихъ, занявшихъ благодаря своей интеллигентности (Бебель, Либкнехтъ, Ауэръ, Зингеръ) первенствующее положеніе въ партіи, устранило всѣ уродливости лассальянства, и партія, какъ одинъ человекъ, боролась во время направленныхъ противъ нее „исключительныхъ

законовъ“. Ставъ партій рабочихъ массъ, она и при своемъ „подпольномъ“ существованіи стумѣла остаться открытой политической партіей пролетаріата, являющей примѣръ социалдемократіи, чуждой какаго-либо сектантства. Этому она обязана своей силой и всѣми своими побѣдами.

В. Левицкій.

«Марксистская» линія или политическое ба- рышничество?

Чѣмъ ближе къ окончанію срока полномочій третьей Государственной Думы, тѣмъ больше начинаетъ печать пестрѣть статьями и извѣстіями о предстоящей избирательной кампаніи. Начала расшевеливаться, наконецъ, и печать рабочая и социалистическая. И это, разумѣется, очень хорошо!

Давно уже пора заняться вопросами избирательной платформы, тактики и организаціи съ гораздо большею настойчивостью и вниманіемъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Нѣмецкіе социаль-демократы, избирательная страда которыхъ только что увѣнчалась такимъ блестящимъ успѣхомъ, дали намъ недосыгаемый примѣръ неутомимой энергіи и страстнаго напряженія буквально всѣхъ силъ партіи въ избирательной борьбѣ.

Силы русскихъ рабочихъ безконечно слабѣе силъ германской социаль-демократіи и находятся въ крайне дезорганизованномъ, можно сказать—распыленномъ, состояніи. Съ другой стороны, для проведенія избирательной кампаніи, сколько нибудь достойной этого имени, русскимъ рабочимъ придется преодолѣвать горы такихъ „внѣшнихъ“ и „независящихъ“ препятствій, которыя когда то стояли и на пути нѣмецкихъ рабочихъ въ видѣ всякихъ „каторжныхъ“ и „исключительныхъ“ законовъ, но которыя они уже давно стумѣли разбить своею неутомимую, неослабѣвавшую ни на минуту борьбою за открытое проявленіе политической воли и организаціи пролетаріата, за „открытое существованіе партіи“.

Тѣмъ больше энергіи, увлеченія, энтузіазма надо русскимъ рабочимъ внести въ избирательную кампанію, тѣмъ больше настойчивыхъ усилій вложить въ нелегкую и требующую—увѣ!—немало „искупительныхъ жертвъ“ работу расширенія до послѣднихъ предѣловъ, даваемыхъ выборами, возможностью „широкой и открытой мобилизаціи рабочихъ массъ“. Мы не знаемъ, конечно, въ какой мѣрѣ политическая „ситуація“ увѣнчаетъ эти усилія непосредственнымъ практическимъ успѣхомъ: слишкомъ многое зависитъ тутъ не отъ рабочихъ. Но само собою понятно, что однимъ изъ крупныхъ факторовъ, опредѣляющихъ эту „ситуацію“, будетъ именно энергія, которую удастся развить въ борьбѣ съ препятствіями рабочему классу. И чѣмъ тверже убѣждены мы въ томъ, что „мертвая точка“ пройдена, что наступаетъ „оживленіе“, что пролетаріатъ готовится вновь реализовывать нако-

пленные въ немъ и не уничтоженныя пораженіями потенціальныя силы, тѣмъ менѣе у насъ основанія заранѣе отказываться отъ борьбы. Тѣмъ менѣе у насъ основаній смотрѣть самимъ и внушать другимъ взглядъ на избирательную кампанію, послѣ пятилѣтняго затишья могилы, не какъ на актъ величайшаго доступнаго социаль-демократіи при данныхъ условіяхъ и всесторонняго напряженія энергіи, а какъ на заурядное, скромное дѣльце въ ряду другихъ, не менѣе полезныхъ и скромныхъ дѣлъ. Можетъ быть, въ концѣ концовъ наша избирательная кампанія и выйдетъ очень скромной и сѣрой. Это будетъ пораженіемъ социаль-демократіи и рабочаго класса. Но, когда начинають битву, ее начинаютъ именно потому, что надѣются на возможность побѣды, и своей арміи стараются внушить желаніе побѣды, а не готовность смиренно перенести пораженіе.

Но вотъ нашелся „марксистскій“ писатель К. Тулинъ, который, подъ предлогомъ критики, „противной духу марксизма“ фразы, заявляетъ: „Говорить по поводу выборовъ о „боевой мобилизаціи пролетаріата“ (sic!), о „широкой и открытой мобилизаціи рабочихъ массъ и т. д., и т. п.—значить не только не имѣть никакого чувства мѣры, но прямо вредить скромной, по необходимости скромной, работѣ... Всѣ мы знаемъ прекрасно, что ни „широкой“, ни „открытой“ „мобилизаціи массъ“ выборы 1912 года (если не наступитъ условій, въ корнѣ мѣняющихъ обстановку 1908 и 1911 годовъ) не дадутъ и дать не могутъ. Дадутъ скромную возможность не широкой и не очень открытой работы, и этой возможностью надо пользоваться, а Троцкому подражать въ надутыхъ фразахъ не слѣдуетъ“ *).

Въ этомъ разсужденіи кружковый человѣкъ встаетъ во весь свой микроскопическій ростъ. Огромнаго значенія избирательной кампаніи въ третье-іюньской Россіи, неразлучно связаннаго съ нею громаднаго обостренія политической и социальной борьбы, неизбежнаго при этомъ ускоренія политическаго самоопредѣленія, а слѣдовательно, и организаціоннаго сплоченія рабочаго класса,—всего этого не существуетъ, да и не можетъ существовать для кружковаго человѣка. Для него, „дѣйствительно насущный, жизненный, практическій вопросъ“ заключается въ томъ... „нужны-ли „ячейки“ **“ въ специфически-ленинскомъ смыслѣ этого слова! Ему „даютъ скромную возможность“ нѣсколько оживить—по случаю избирательной кампаніи—„ячейки“ своего толка, съ него и довольно! И потому—„давайте-ка лучше, дѣлать не очень открыто, коллеги-рабочіе!“ „Вѣрнѣе, умѣстнѣе, разумнѣе“ дѣйствовать тихохонько, по возможности такъ, чтобы никто ничего и не замѣтилъ. За то, когда придетъ „настоящій день“,—наступятъ „условія, въ корнѣ мѣняющія обстановку 1908 и 1911 годовъ“,—о, тогда „ячейки“ себя покажутъ!

О томъ, что свободныхъ условій для организаціи и борьбы не „даютъ“, а что ихъ берутъ пядь за пядью, съ бою; о томъ, что только работа (нескромная!) „будней“ дѣлаетъ возможнымъ наступленіе „настоящаго дня“,—объ этихъ старыхъ, набившихъ оскомину истинахъ К. Тулинъ позабылъ. Да и не могъ не забыть! Достаточно слегка поскрести свѣжій, „европейскій“ лакъ „использованія легальныхъ возможностей“, наведенный на себя кое-какими „хранителями традицій“

*) „Просвѣщеніе“, № 1.

**) Ib., с. 7.

чтобы безъ труда открыть стараго знакомца—якобы-марксистскаго „та-тарина“.

Но, если съ упорствомъ дятла долбить о „скромной, по необходимости скромной“, „не широкой“, „не очень открытой“ работѣ, которую-де только и можетъ быть теперь избирательная кампанія, то не значить-ли это не только признавать „законными“, но и прямо внушать „колебанія относительно того, необходимо-ли съ точки зрѣнія марксизма участіе въ выборахъ“? Кажется, значить. Ибо совершенно непонятно, почему бы насчетъ этого скромнаго, зауряднаго дѣла были недопустимы „колебанія“, какъ они допустимы рѣшительно во всѣхъ другихъ скромныхъ и заурядныхъ дѣлахъ. Подивитесь же строгости К. Тулина: никакія колебанія (даже „колебанія!“) въ этомъ вопросѣ „совершенно недопустимы: не внутри предѣловъ марксизма и рабочей партіи, а лишь внѣ предѣловъ и перваго, и второй могутъ быть признаны „законными“ отѣнки взглядовъ, отрицательно или неопредѣленно или даже безразлично относящіяся къ участію“. И все это—потому, что онъ, К. Тулинъ, „съ конца 1907 года“ усвоилъ себѣ „элементарную истину“ о необходимости участія въ думскихъ выборахъ!

Мы, люди, не дожидавшіеся „конца 1907 г.“ для проповѣди „элементарной истины“, что во всякія эпохи—и, „органическія“, и въ „48 году“, и въ „49-омъ“—участіе въ парламентскихъ выборахъ и парламентской дѣятельности въ высшей степени важно для социаль-демократіи—даже и въ томъ случаѣ, когда „парламентъ“ этотъ наша Дума,—мы, разумѣется, не въ состояніи проявить той безпощадной строгости, какую проявляетъ прозрѣвшій „съ конца 1907 года“ К. Тулинъ.

М. б. и даже, навѣрно, есть кое-гдѣ бойкотистское настроеніе, да его и не можетъ не быть: не даромъ же К. Тулинъ со товарищи, до своего обращенія изъ бойкотистскихъ Савловъ въ парламентскихъ Павловъ, такъ усердно сѣяли бойкотизмъ всякаго рода! Но ни тогда, два года тому назадъ, ни тѣмъ менѣе теперь, никакая группа бойкотистской платформы не выставляла. А если бы и выставила, то можно заранѣе сказать, рѣшительно никого за собою не увлекла бы. Бойкотизмъ въ его чистомъ видѣ умеръ, и его въ такомъ видѣ не возродить. Онъ существуетъ лишь въ скрытомъ перереяженномъ видѣ и проявляется въ приложеніи подпольно-кружковой мѣрки къ актамъ и формамъ развитія массоваго рабочаго движенія.

Но, съ этой точки зрѣнія, признаніе-ли избирательной кампаніи „скромнымъ дѣломъ“, безразличное ли отношеніе къ ней, это—лишь нюансы одного и того же умонастроенія, пропитаннаго старой бойкотистской закваской: здѣсь, казалось бы, просто нѣтъ предмета для междоусобной войны. Но въ томъ то и заключается шедевръ кружковаго неистовства, что К. Тулинъ готовъ уничтожить даже своихъ „подлинныхъ политическихъ единомышленниковъ, съ которыми у него нѣтъ ни одного атома принципиальныхъ разногласій, разъ только они не соглашаются сидѣть на той жердочкѣ, непременно на той самой, до которой онъ допрыгался „въ концѣ 1907 г.“.

„Ликвидаторы“ объявляются „внѣ предѣловъ рабочей партіи“ за то, что „важничаютъ (sic! Ф. Д.) тяжеловѣсными повтореніями простой вещи“ и „превращаютъ избирательную кампанію въ нѣчто, обставленное велерѣчивыми словами“ *); добрые большевики подвергаются

той же плачевной участи за то, что позволяют кому то относиться къ избирательной кампаніи „неопредѣленно“ или „безразлично“ **). Въ предѣлы же „марксизма и рабочей партіи“ допускаются тѣ,—и только тѣ:—кто, точъ въ точъ и буква въ букву, какъ Тулинъ, готовъ присягнуть, что выборы „дадутъ скромную возможность не широкой и не очень открытой работы“. Ни на грань больше, но и ни на грань меньше! Когда уже, въ концѣ какого-нибудь другого года, Тулинъ перескочитъ на какую-либо другую жердочку, объ этомъ своевременно будетъ данъ по „марксизму и рабочей партіи“ соответствующій приказъ.

Все это было бы смѣшно, и только смѣшно, если бы всѣ эти забавныя выходки кружковаго умоизступленія не служили въ то же время весьма грустной и позорной цѣли. Рабочія социалистическія партіи всѣхъ странъ ко времени избирательной кампаніи напрягаютъ всѣ усилія, чтобы организовать и сплотить всѣ наличныя силы свои и всѣхъ ихъ противоставить классовымъ врагамъ пролетариата. Для кружковаго человѣка, для котораго весь смыслъ всякой „кампаніи“, въ томъ числѣ и избирательной, сводится къ усилению „своего“ кружка, созданію „своихъ“ кружковыхъ „ячеекъ“, необходимою предпосылкою избирательной кампаніи является дальнѣйшая дезорганизация и распыленія того немногаго, что еще осталось въ русской социалдемократіи въ сколько-нибудь связанномъ видѣ.

Съ проповѣди и актовъ раскола социалдемократіи, раскола рабочей партіи тулинская кружковщина начинаетъ свою „избирательную кампанію“. Но это—еще цвѣточки. Ягодки мы увидимъ, когда познакомимся съ тѣмъ, какъ она намѣрена вести ее. Объ этомъ повѣдалъ въ „Звѣздѣ“ Вильямъ Фрей.

* * *

Намъ неизвѣстно, законченъ-ли циклъ статей Фрея въ № 1 „Звѣзды“ за 1912 годъ,—последнемъ, имѣющемъ въ нашемъ распоряженіи. Но циклъ этотъ во всякомъ случаѣ подвинулся уже настолько далеко впередъ, что самъ авторъ считаетъ выполненною свою задачу—демонстрировать различіе между „марксистскою“ и „либеральною“ рабочею политикою. Слѣдовательно, и для окончательнаго сужденія о смыслѣ и достоинствѣ Фрей-Тулинско-Ленинской избирательной „тактики“ матеріала у насъ вполне достаточно.

Въ чемъ же заключаются „двѣ возможные линіи рабочей политики на выборахъ въ IV Думу“, а слѣдовательно, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, „и линіи рабочей политики вообще“? Отвѣтъ простъ: „первая линія: голосовать (рѣчь идетъ о перебаллотировкахъ Ф. Д.), по общему правилу, за болѣе прогрессивнаго кандидата, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Вторая линія: организовать демократію, используя для этого антагонизмъ правыхъ и либераловъ... Первая линія на практикѣ свелась бы къ линіи либеральной рабочей политики. Вторая есть марксистская рабочая политика“.

Для начала недурно! „Либеральной“ объявляется „линія“, которую вели и ведутъ социалистическія партіи всего міра, окончательно сбросившія съ себя анархистскія пеленки; „линія“, которую только что, вопреки всей ненадежности и крикамъ „прогрессивныхъ канди-

*) Ib., с. 6—7.

**) Ib., с. 3.

датовъ“, провела германская социалдемократія; наконецъ, „линія“, которую, наравнѣ со всѣми меньшевиками, всегда проводитъ и сейчасъ отстаиваетъ Г. В. Плехановъ, т. е. человекъ, въ данный моментъ признаваемый единственно достойнымъ допущенія въ „предѣлы“ тулинско-леннинскихъ „марксизма и рабочей партіи“! *) Это въ высшей степени важно отмѣтить, ибо ничѣмъ такъ ярко не иллюстрируется полнѣйшая безпринципность, чисто кружковый характеръ того раскола социалдемократіи, который какъ мы видѣли и еще увидимъ, является необходимой составной частью ленинской „избирательной кампаніи“: „либераль“ Плехановъ въ „предѣлы рабочей партіи“ милостиво допускается; а вотъ люди, признающіе „законнымъ“ оттѣнкомъ и пр. пр., но въ то же время, несомнѣнно, наиболѣе способные удивляться мудрости „марксисткой“ линіи Фрея-Тулина, выдворяются за эти „предѣлы“. Пойми, кто можетъ, при чемъ тутъ „линія рабочей партіи вообще“!

А между тѣмъ именно якобы ради этой „линіи“ избирательная кампанія социалдемократіи въ рабочей куріи начинается, по Фрею, съ того, что „сознательные рабочіе на каждой фабрикѣ должны... озаботиться о томъ, чтобы выборщиками отъ нихъ были настоящіе демократы, а не ликвидаторы“ (Зв. № 34). Расколъ социалдемократіи, какъ предпосылка избирательной кампаніи, расколъ рабочаго класса, какъ ея первый шагъ,—таковъ особый, истинно-русскій „марксистскій“ способъ „просвѣщенія и организациі рабочаго класса, сплоченія его въ самостоятельную партію“ и прочихъ прекрасныхъ вещей, о которыхъ, не моргнувъ глазомъ, говоритъ авторъ нѣсколькими строками выше. „Марксистская“ линія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать рабочую курію, въ которой, худо-ли, хорошо-ли, впервые послѣ 5 лѣтъ, социалдемократія придетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ широкими рабочими массами, не ареной борьбы за всестороннее политическое самоопредѣленіе рабочаго класса и политическую мобилизацию его подъ классовымъ знаменемъ,—кто говоритъ о такихъ вещахъ, тотъ, видите-ли, „важничаетъ“! — а ареной самой безшабашной и, какъ мы только что показали, самой безпринципной свалки социалдемократовъ между собою. Худшіе враги социалдемократіи и рабочаго класса не могли бы придумать болѣе дѣйствительнаго средства для дезорганизациі начинающаго возрождаться рабочаго движенія...

Но для Фрея задача „борьбы съ ликвидаторами“ въ рабочей куріи „неразрывно связана“ съ другой задачей — „организациі лѣвой демократіи, при ясной размежевкѣ демократіи (буржуазной) отъ буржуазнаго либерализма“. Пусть такъ!

Въ чемъ же состоитъ „организациі лѣвой демократіи“? Трудно повѣрить, но подъ этими (очевидно, не „велерѣчивыми“!) словами подразумѣвается ничто иное, какъ хлопоты с.-д. выборщиковъ о сплоченіи другихъ „демократическихъ“ выборщиковъ во имя отвоеванія себѣ въ возможно большемъ количествѣ депутатскихъ мандатовъ!

*) Въ недавно изданной Г. В. Плехановымъ „платформѣ“ читаемъ: „при перебаллотировкахъ же, если нѣтъ шанса на побѣду нашего кандидата, а грозить та же опасность („побѣды реакціонеровъ“ Ф. Д.), мы предлагаемъ своимъ избирателямъ голосовать за кандидата ближайшей прогрессивной партіи“.

Важная, но для такой партіи, какъ социальдемократіи, второстепенная и подчиненная задача — увеличеніе числа своихъ депутатовъ въ парламентѣ,—провозглашается принципиальной основой для отдѣленія „марксистской рабочей политики“ отъ „либеральной“! И при этомъ какимъ то чудомъ въ Россіи именно „марксистская“ линія сводится къ погонѣ за мандатами, въ то время, какъ во всемъ прочемъ мірѣ подлинный, нефальсифицированный рабочий марксизмъ рѣшительно отрещивается отъ такого опредѣленія своей „линіи“.

Но далѣе. Ареной самоопредѣленія „марксистской“ линіи въ отличіе отъ „либеральной“ становится закрытое, продолжающееся не долѣе 12 часовъ, негласное собраніе нѣсколькихъ десятковъ въ человекъ, значительная часть которыхъ обуреваема желаніемъ протиснуться къ думскому креслу. И это же собраніе становится ареной... „организаціи демократіи“! „Организовать демократію“— это не значитъ нести въ народныя массы свѣтъ политическаго разума, стараться пробудить ихъ отъ политической спячки и мобилизовать ихъ для отстаиванія своихъ политическихъ, социальныхъ, экономическихъ и культурныхъ интересовъ. Нѣтъ, это значитъ—въ тотъ 12-часовой перерывъ, который допускается положеніемъ о выборахъ между баллотировкою и перебаллотировкою въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, путемъ закулисныхъ переговоровъ и слѣлокъ сколотить группу „демократическихъ“ выборщиковъ и отвоевать для себя депутатскія мѣста. Вотъ это то и есть „высвобожденіе демократіи изъ подъ вліянія либераловъ“; это то и есть то кружковое вырожденіе гордой нѣкогда тактики „лѣваго блока“ съ ея мечтами объ „исполнительномъ комитетѣ“ и пр., ради котораго нужно дезорганизовать рабочее движеніе борьбой съ „ликвидаторствомъ“ и искромсать расколомъ послѣдніе организованные остатки социальдемократіи! Этой то „линіи“ и должна быть подчинена вся с.-д. избирательная кампанія.

Теперь становится вполне понятнымъ искреннее недоумѣніе кружковаго человека по поводу „важничанья“ при разговорахъ объ избирательной кампаніи. Помилуйте! Причемъ тутъ „широкая и открытая мобилизація массъ“, когда все сводится къ „скромнымъ“ и „не очень открытымъ“ закулиснымъ сдѣлкамъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи? Дѣло массъ — озаботиться лишь, чтобы ихъ курія вышла „сплошь антиликвидаторской“. Остальное — не ихъ работа! „Стодвѣнадцать антиликвидаторскихъ выборщиковъ уже сами „могутъ принести громадную пользу и въ дѣлѣ сплоченія рабочаго класса, стремящагося къ великимъ, мировымъ цѣлямъ повсюду въ Европѣ, и въ дѣлѣ организаціи демократіи въ Россіи“. И все это — такими простыми средствами, и такъ скоро—въ какіе нибудь 12 часовъ!

Съ величайшимъ усердіемъ В. Фрей разбираетъ „конкретные“ примѣры и подаетъ этимъ будущимъ „ста двѣнадцати“ выборщикамъ „практическіе“ совѣты насчетъ проведенія „марксистской линіи“, т. е. завоеванія наибольшаго числа мѣстъ. „Примѣры“ эти — всѣ сплошь пустяковые, ибо исходили изъ совершенно невѣрнаго предположенія, будто у насъ, въ Россіи партійная опредѣленность выборщиковъ также велика, какъ, скажемъ, въ Англіи и Германіи. Но если въ Англіи и Германіи съ вѣковыми навыками политической жизни, высокимъ уровнемъ образованія, колоссальной прессой, непрерывно и открыто дѣйствующими организаціями и т. д. и т. д., „дикіе“ среди выборщиковъ составляютъ лишь исключеніе, то у насъ по причинамъ,

болѣе чѣмъ понятнымъ, смѣшно и говорить о такой степени преодоленія политической азіатчины и невоспитанности за какіе-нибудь 6—7 лѣтъ, чтобы можно было исходить въ своихъ расчетахъ изъ точнаго распредѣленія выборщиковъ по партійнымъ рубрикамъ—правой, либеральной, демократической. Но тѣмъ самымъ всѣ „конкретные примѣры“ Фрея лишаются цѣнности даже той бумаги, на которой напечатаны.

Не лучше и его „практическіе совѣты“, ибо они основаны на чисто ребяческомъ невѣдѣніи того, о чемъ онъ взялся говорить. Вотъ образчикъ: говоря о перебаллотировкахъ, В. Фрей совѣтуетъ—(и даже курсивомъ!): „При этомъ необходимо, чтобы сначала либералы выбирали демократа, а не наоборотъ, ибо вся исторія и весь опытъ Европы свидѣтельствуетъ, что либералы часто обманывали демократовъ, демократы же никогда не обманывали либераловъ“. „Вся исторія и весь опытъ Европы“—вещь очень почтенная, бѣда лишь въ томъ, что при выборахъ записками кандидаты баллотировались въ порядкѣ полученныхъ голосовъ (при предложеніи въ кандидаты или на первой баллотировкѣ), а при выборахъ шарами баллотировочныя ящики ставятся одновременно для всѣхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, при всемъ благомъ желаніи В. Фрея оказать „услугу“ будущимъ „ста двѣнадцати выборщикамъ“, никакая „исторія“ и никакой „опытъ“ Европы не даютъ возможности политической ариеметикой и подвохами замѣнить политическую тактику.

Итакъ, первый выводъ изъ разсужденій В. Фрея: „линія“ социаль-демократіи въ избирательной кампаніи опредѣляется условіями завоеванія депутатскихъ мандатовъ въ собраніи выборщиковъ. Но дальше? Каковы эти условія? Не въ томъ же, въ самомъ дѣлѣ, отличіе „марксистской“ линіи отъ „либеральной“, что „марксистская“ требуетъ, чтобы, „блокируясь съ либералами“, демократы „добивались пропорціанальнаго дѣлежа депутатскихъ мѣстъ“. Никакой с.-д.-ій „либераль“, будь то Г. В. Плехановъ или самый злостный „ликвидаторъ“, никогда не отказывался и не отказывается отъ того, чтобы „добиваться“ такого „дѣлежа“. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, забыть, что не Фрей и имъ подобные проводили и въ 1-ю, и во 2-ю, и въ 3-ю Думу огромное большинство с.-д. депутатовъ, а тѣ именно, кого эти „марксисты конца 1907 года“ именуютъ „либералами“!

Различіе, стало быть, не въ этомъ, а въ томъ, что понимать подъ словомъ „добиваться“, и какими средствами добиваться поставленной себѣ цѣли. И, тутъ дѣйствительно, наталкиваешься на новое и глубочайшее различіе двухъ „линій“.

Мы видимъ, что вторая „линія“, въ отличіе отъ первой, въ интересахъ завоеванія мандатовъ для „демократіи“, „используетъ антагонизмъ правыхъ и либераловъ“.

Что это значитъ? В. Фрей поясняетъ это слѣдующимъ гипотетическимъ примѣромъ: „При равенствѣ силъ у правыхъ и у либераловъ (въ собраніи выборщиковъ. Ф. Д.) даже одного демократа достаточно, чтобы, голосуя съ правыми противъ либераловъ и съ либералами противъ правыхъ, не пропустить никого въ Думу, добиться этимъ перерыва и организовать затѣмъ приглашеніе либераловъ и демократовъ, подъ условіемъ проведенія послѣднихъ въ Думу“.

Намъ неважно конкретное достоинство этого „примѣра“, да и слишкомъ очевидно, что у автора тутъ, что называется умъ за разумъ зашелъ: на „одного“ демократа возлагается непосильная задача организовать „демократовъ“, да еще нѣсколькихъ изъ нихъ провести

въ Думу! Но это—неважно, а важно то, что тутъ съ классической легкостью выступаетъ „тактическая“ мысль новоявленной „марксистской“ линии: с.-д. выборщики должны поучать „демократію“ „добиваться“ депутатскихъ мандатовъ, угрожая „либераламъ“ оставить ихъ иначе на съденіе „правымъ“! Политическое барышничество вмѣсто политической тактики, худшій видъ избирательнаго шахеръ-махерства—вотъ къ чему сводится „организація демократіи“ и проведеніе „марксистской линии“!

Съ точки зрѣнія такого барышничества, разумѣется, истинное несчастье, если „правыхъ“ окажется слишкомъ мало, т. ч. „либераловъ“ нельзя будетъ „пугать“. Наоборотъ, въ интересахъ „демократіи“ нужно, чтобы „правыхъ“ было ровно столько, сколько „либераловъ“; если же ихъ меньше, то каждый новый выборщикъ, перешедшій на „правую“ сторону, является чистой выгодой для „демократіи“, ибо увеличиваетъ ея шансы! Вотъ та, поистинѣ невѣроятная „принципальная“ точка зрѣнія, которой будетъ просвѣщать „демократію“ Фрей-Тулинскій „марксистъ“, исходящій изъ принципіально безразличнаго отношенія къ борьбѣ между „правыми“ и „либералами“ и видящій позорное проявленіе „либеральной рабочей политики“ въ рѣшительномъ намѣреніи социаль-демократовъ поддерживать во всякомъ случаѣ „болѣе прогрессивнаго кандидата“ противъ кандидатовъ третьёіюньской реакціи!

Примите теперь во вниманіе, что подъ именемъ „демократіи“ у Фрея разумѣются, главнымъ образомъ, крестьянскіе выборщики *); — что эта избирательная „тактика“ призвана воплотить собою на дѣлѣ „союзъ пролетаріата и крестьянства“;—и вы безъ труда поймете, какое глубокое политическое развращеніе малосознательныхъ крестьянскихъ выборщиковъ означаетъ это мнимое осуществленіе „гегемоніи“ пролетаріата и выполненія имъ миссіи — „высвободить демократію изъ подъ вліянія либерализма“. С.-д. рабочіе должны сплачивать крестьянъ, поясняя имъ, что борьба съ третьёіюньскою реакціею—вещь для нихъ безразличная; что находящая себѣ — худо-ли, хорошо-ли — политическое выраженіе въ рядахъ „либеральной“ к.-д. партіи борьба значительной части городской мелкоты приказчиковъ, подавленныхъ національностей и т. д. съ Пуришкевичами и Гучковыми, для нихъ, крестьянъ, никакого существеннаго значенія не имѣетъ; что антагонизмъ этихъ представленныхъ въ к.-д. „либерализмъ“ слоевъ съ Пуришкевичами и Гучковыми это просто—„раздоръ среди помѣщиковъ и капиталистовъ“ (!! „Зв.“ № 1), представляющій „демократамъ“ „удобное поле“ для „использованія“, иначе—для завоеванія мандатовъ!

И все это потому, что Фрей-Тулинскій „марксизмъ“, все съ того же „конца 1907 года“,—такой ужъ злосчастный годъ выдался!—„краеугольнымъ камнемъ своей политики“ сбѣлалъ наличность въ III Думѣ „двухъ большинствъ“: право-октябристскаго и октябристско-кадетскаго, „первое нужно третьёіюньской системѣ, чтобы удерживать „власть и доходы“ за Марковыми, Пуришкевичами и К^о, второе—чтобы умѣрить это господство и двигаться по буржуазному впередъ“.

Съ точки зрѣнія социальдемократіи отсюда слѣдуетъ одинъ лишь выводъ: разъ третьёіюньской системѣ необходимы „два большин-

*) Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ мнѣ остановиться на поистинѣ курьезной — аргументаціи, которою доказывается превосходство „демократизма“ крестьянской курии надъ демократизмомъ 2-ой городской.

ства"—одно, чтобы сохранить власть и доходы въ рукахъ реакціи, а другое, чтобы прикрывать эту политическую реальность „конституціонной“ фикціей, — то въ число очередныхъ задачъ рабочей политики должно обязательно входить стремленіе лишить третье-июньскую систему этого, необходимаго для нея „двоцентриа“. Соціалдемократія обязана стараться сокрушить право-октябристскій блокъ такъ же, какъ только что германская соціалдемократія, не поступаясь ни на югу своими самостоятельными задачами, старалась сокрушить блокъ черно-голубой. Соціалдемократія обязана сдѣлать это не потому, что она „довѣряетъ“ к.-д.-ому либерализму; и не потому, что считаетъ его неспособнымъ протянуть руку октябризму; а потому, что, вырывая изъ подъ третье-июньской системы одинъ изъ двухъ столбовъ, на которыхъ она опирается и которые ей нужны, она тѣмъ самымъ подрываетъ устойчивость всей системы: обостряетъ всё ея внутреннія противорѣчія; лишаетъ ее возможности прикрывать свою наготу фиговымъ листкомъ „конституціонализма“; вырываетъ у нея изъ рукъ такое сильное оружіе, какъ Дума; ставитъ к.-д. либерализмъ лицомъ къ лицу съ его собственными обѣщаніями; тѣмъ самымъ наиболее дѣйствительнымъ способомъ содѣйствуетъ „высвобожденію народныхъ массъ изъ подъ вліянія либерализма“ и т. д. и т. д. Да, нужно-ли пояснять это соціалдемократамъ?

Но для Фрея-Тулина это—„либеральная линія“, ибо только при „пассивномъ подчиненіи гегемоніи кадетовъ“ мыслимо стремиться, въ числѣ прочихъ задачъ, къ ослабленію или уничтоженію право-октябристскаго большинства“. Для „марксиста“ же, развѣ оба большинства „нужны“ третье-июньской системѣ, они оба и одинаковы. То, что они „нужны“ системѣ именно тогда, и только тогда, когда они оба имѣются на лицо, это его не интересуетъ. Въ качествѣ „практическаго результата“ ему нужно только „увеличеніе и сплоченіе, укрѣпленіе группы демократовъ IV Думы“, хотя бы „право-октябристское“ большинство при этомъ и не было поколеблено и даже возросло. Ибо „идейное значеніе“ его „линій“ одно: „борьба противъ гегемоніи кадетовъ надъ крестьянами и надъ буржуазной демократіей вообще“. Гдѣ ужъ тутъ думать о „гегемоніи“ Пуришкевичей надъ всей страной! И онъ смѣло рекомендуетъ „демократіи“ прижимать „либераловъ“ угрозой—допустить иначе побѣду „правыхъ“, въ лучшемъ случаѣ рассчитывая на то, что „либералы“ всегда и всюду окажутся достаточно стойкими и послѣдовательными, чтобы въ союзъ съ „правыми“ ни при какихъ условіяхъ не вступать!

Западно-европейскій марксизмъ, зная ненадежность и неустойчивость либерализма, старается своею политикою отрѣзать ему отступленіе вправо; истинно-русскій „марксизмъ“ въ ковычкахъ, походя ругая либерализмъ, все же смѣло толкаетъ его вправо, вѣря, очевидно, въ глубинѣ души, что „енъ не выдастъ“! Но на самомъ дѣлѣ, — особенно, если принять во вниманіе, что въ лицѣ значительнаго числа выборщиковъ приходится имѣть дѣло съ либерализмомъ даже не партійно-оформленнымъ, а существующимъ лишь въ видѣ смутнаго „устремленія“—совершенно очевидно, что при такой „тактикѣ“ „енъ“ неоднократно будетъ „выдавать“. И еще съ большею увѣренностью можно сказать это про выборщиковъ крестьянскихъ курій, гдѣ политическая воспитанность такъ слаба, а традиціи политической азіатчины такъ сильны: вѣдь, не даромъ же въ умахъ столь многихъ крестьянскихъ депутатовъ (и, конечно, не только депутатовъ!) прославляемый Фреемъ

соціальний „демократизм“ по части „землицы“ такъ мирно и такъ упорно уживается съ политической „правизною“.

А между тѣмъ Фрей, столь усердно хлопочущій о „высвобожденіи“ крестьянскихъ выборщиковъ „изъ подъ вліянія либераловъ“, ни единымъ словомъ не упоминаетъ на протяженіи всѣхъ своихъ статей о задачѣ, еще несравненно болѣе настоящей, — высвобожденіи ихъ изъ подъ вліянія „правыхъ“ традицій и „правыхъ“ демагоговъ. Болѣе того, ругательски ругая (и въ этомъ отношеніи справедливо) к.-д. за ихъ умолчаніе о блокахъ съ с.-д.-ами, онъ самъ ни единого звука не роняетъ насчетъ категорическаго отказа „демократіи“ завоевывать мандаты путемъ соглашенія съ „правыми“ противъ „либераловъ“. И это умолчаніе не случайно. Если бы Фрей сказалъ то, что обязанъ сказать не только всякій с.-д., но всякій честный демократъ и даже либераль, — что съ черносотенно-октябристскими третье-июньцами у него не можетъ быть никакихъ сговоровъ, никакихъ компромиссовъ, никакихъ соглашеній, — то вѣдь, во-первыхъ, его „линія“ стала бы слишкомъ походить на „либеральную“, а во-вторыхъ, вся его система барышничества посредствомъ пуганія „либераловъ“ „правыми“ разлетѣлась бы, какъ карточный домикъ. И вотъ, „марксистъ“, взявшійся быть „гегемономъ“ и идейно-политическимъ руководителемъ крестьянской демократіи, начинаетъ съ того, что — въ лучшемъ случаѣ — умалчиваетъ объ азбукѣ политическаго демократизма!

Но пусть самъ Фрей только (!) „умалчиваетъ“. Пусть самъ онъ — „про себя“ — соглашенія съ Пуришкевичами и Гучковыми не допускаетъ. Но, вѣдь, совершенно очевидно, что среди политически мало-сознательныхъ крестьянскихъ выборщиковъ найдется достаточно элементовъ, которыхъ такого рода осуществленіе „гегемоніи пролетаріата“ укрѣпитъ въ мысли о пользѣ прохожденія въ Думу всякою цѣною. И „гегемонамъ“ типа Фрея принципиально рѣшительно ничего нельзя будетъ возразить противъ такого рода „торжества демократіи“. Ибо и „идейный“ критерій „марксистской“ линіи („борьба противъ гегемоніи к.-д. надъ крестьянами“), и „практическій“ критерій ея („увеличеніе и пр. группы демократовъ въ IV Думѣ“) будутъ одинаково полностью на лицо.

Очевидно, что этихъ критеріевъ мало, чтобы принципиально обосновать марксистскую тактику безъ кавычекъ. И очевидно также, что на дѣлѣ Фрей-Тулинская „марксистская“ линія сводится къ скрытой помощи „правымъ“ и скрытой апелляціи къ ихъ помощи противъ либерализма. Нечего и говорить, что подлинный марксизмъ и подлинная демократія здѣсь рѣшительно не при чемъ. Это — не „марксистская линія рабочей политики“, а чистѣйшее и безпринципнѣйшее политическое барышничество, то, что на языкѣ нѣмецкихъ социальдемократовъ называется Kuhhandel.

* * *

Подведемъ итоги ознакомленія нашего съ Фрей-Тулинско-Ленинскою „марксистскою линіей“.

1. Подъ громкимъ названіемъ „организациі социальдемократіи“ на с.-д.-овъ возлагается работа сплоченія десятка-другого выборщиковъ — преимущественно политически мало-сознательныхъ крестьянъ — для безпринципной погони за мандатами.

2. Вся эта мнимо-„марксистская“ тактика построена на принципиальном безразличии къ борьбѣ между „правыми“ и „либералами“.

3. Въ дѣйствительности, она будетъ толкать и „либераловъ“, и, особенно, крестьянскихъ выборщиковъ къ соглашенію съ „правыми“ и вестъ къ усиленію „праваго“ крыла Думы на счетъ „либеральной“ оппозиціи.

4. Тѣмъ самымъ эта тактика направлена не только не къ „организации“ демократіи, но и къ прямому политическому развращенію ея и къ увѣковѣченію политическаго варварства крестьянской массы.

5. Предпосылкой этой „тактики“ является расколъ социалдемократіи и дезорганизация рабочаго движенія.

Такова эта „марксистская линія“, рекомендуемая взамѣнъ испытанной „линіи“ международнаго марксизма, который разжаловывается по этому случаю въ „либерализмъ“. Я бы назвалъ эту „линію“ безпримѣрной, если бы исторія въ лицѣ Швейцера съ его отношеніемъ къ нѣмецкому либерализму 60-хъ годовъ *) не давала намъ и такихъ примѣровъ.

Ф. Дань.

Наша художественная литература въ 1911 г.

Художественная литература истекшаго года является, на мой взглядъ, довольно яркимъ свидѣтельствомъ нѣкотораго обществено-психологическаго кризиса, какого-то момента остановки, какого-то поворотнаго пункта...

Выписавъ заголовокъ этой замѣтки, я почувствовалъ робость... Да, полно, было ли у насъ въ этомъ истекшемъ году что-либо достойное подобнаго наименованія? Художественная литература — это звучитъ громко! А если окинуть бѣглымъ усиленіемъ памяти все то, что появлялось за этотъ годъ въ журналахъ и отдѣльными книжками по части беллетристики, — то въ первую минуту кажется, что усиленіе памяти остается бесплоднымъ: ничего не вспоминается... Или, можетъ статься, это моя индивидуальная бѣда: можетъ статься, это только я проглядѣлъ или забылъ такое, что можно бы замѣтить и запомнить и отмѣтить? Можетъ статься, читатель уже нашелъ въ своей памяти десятокъ возраженій, десятокъ опровергающихъ меня ссылокъ?... Я долженъ, однако, заявить, что я не совѣмъ одинокъ. Приступая къ настоящей замѣткѣ и — какъ я уже признался — оробѣвши, при одномъ помыслѣ о предстоя-

*) См. недавно вышедшій 2-й томъ мемуаровъ Бебеля и статью по поводу этихъ мемуаровъ В. Левицкаго въ настоящей книжкѣ журнала.

щемъ обзорѣ, я произвелъ слѣдующій провѣрочный опытъ. При встрѣчѣ съ каждымъ знакомымъ, я педантически обращался къ нему съ вопросомъ: что онъ запомнилъ изъ беллетристики истекшихъ 12-ти мѣсяцевъ? И, увы! ни одинъ изъ вопрошаемыхъ не порадовалъ меня дѣйствительно утѣшительнымъ отвѣтомъ... Выходитъ, стало быть, что это не субъективное настроеніе, не индивидуальная моя глухота или слѣпота, а нѣчто гораздо болѣе серьезное и общеинтересное.

Беллетристика наша пережила годъ почти абсолютной бесплодности, я готовъ сказать — *годъ молчанія*...

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы помянуть его, этотъ отошедшій въ прошлое художественный годъ? Указать на историческій романъ г. Мережковского? „Русская Мысль“, гдѣ онъ печатался, неоднократно объявляла о выпавшемъ на ея долю счастьѣ очень крупнымъ, почти „вывѣсочнымъ“ прирѣтомъ. Но самый крупный прирѣтъ не можетъ помочь бѣдѣ, состоящей въ томъ, что изъ всѣхъ историческихъ романовъ г. Мережковского „Александръ I“ является наиболѣе неудачнымъ. Если всюду и вездѣ въ его романахъ подлинное, художественное проникновеніе въ эпоху замѣняется условной инсценировкой, напоминающей по заурядности приемовъ иныя „блестяще“ поставленныя оперы на историческіе сюжеты; если духъ эпохи и историческая правда повсюду приносятся въ жертву проповѣдническому замыслу автора; если, наряду съ этимъ замысломъ, главный интересъ его романовъ обусловленъ чисто *археологическими* элементами, — тѣми подлинными документами старины, которыми онъ въ изобиліи снабжаетъ свое повѣствованіе; то въ новѣйшемъ произведеніи г. Мережковского — меньше и этихъ относительныхъ достоинствъ. Какая-то искусственная, безыскусственность повѣствованія, подсказанная, повидимому, желаніемъ „приблизиться“ къ Льву Толстому, обнаруживаетъ особенно наглядно отсутствіе художественнаго, интимнаго углубленія въ эпоху и характеры, дѣлаетъ романъ схематичнымъ и скучнымъ, а обычная *тенденциозность* автора выступаетъ особенно обнаженно.

Фигуры декабристовъ, напимѣръ, трактованы съ такой безцеремонностью, историческая правда до такой степени принесена здѣсь въ жертву „неохристіанскимъ“ замысламъ проповѣдника, что даже „Рѣчь“ сочла возможнымъ вступить за пионеровъ русской революціи и устами всегда столь мягкаго г. Батюшкова выразила пожеланіе, чтобы въ дальнѣйшихъ главахъ романа — онъ еще не доведенъ до конца — авторъ нѣсколько „ретушировалъ“ свои „историческіе“ портреты, придавъ имъ больше соотвѣтствія съ дѣйствительностью и со своими-же прежними отзывами о дѣятеляхъ 14-го декабря...

Послѣ г. Мережковского, можетъ быть, помянуть гр. Ал. Толстого, выпустившаго въ этомъ году свои сборники стиховъ и прозы...

Легкій стихъ, довольно яркая живопись и серія типовъ неврастениковъ и развратниковъ, изъ приволжскихъ помѣщичьихъ гнѣздъ, — стяжали ему было званіе новаго свѣтила нашей литературы. Въ этотъ санъ его возвели нѣкоторые фельетонисты-критики. Но... какъ то необычайно быстро это новое свѣтило исчерпало себя и занялось „само-репродукціями“. Будемъ надѣяться, что это

лишь временное занятіе... Фактъ тотъ, однако, что новое свѣтило, во всякомъ случаѣ, не звѣзда первой величины, и превратитъ сѣрые будни истекшаго, художественнаго года въ свѣтлый праздникъ или хотя бы перемежитъ ихъ такимъ праздникомъ—А Толстому суждено не было. Отмѣтивъ у этого талантливаго беллетриста кое-какой налетъ *сологубовщины* и его модернистское происхождение, а на ряду съ этимъ, подчеркнувъ тяготѣніе его къ быту, мы можемъ продолжать наши поиски.

Г. Валерій Брюсовъ, оставившій оригинальное стихотворство для переводовъ и прозы, далъ переводы стихотвореній изъ Верлена, одну „психодраму“ и романъ изъ римской жизни „Алтарь Побѣды“. Переводы изъ Верлена, конечно, цѣнный вкладъ въ нашу литературу: нѣкоторая холодность и тяжеловатая скульптурность, свойственная русскому стихотворцу и не совсѣмъ удачно *переводящая* мерцающія *chansons grises* французскаго импрессиониста-лирика, не уничтожаютъ обычныхъ достоинствъ Брюсовскихъ переводовъ—ясности стиля и точности. Что касается оригинальной прозы, то подобно „Огненному ангелу“ и новья его „ретроспективныя стилизаціи“, свидѣтельствуютъ о большой эрудиціи, о подлинномъ знаніи эпохи и ея литературы, но не переносятъ въ эпиху, не даютъ дышать ея воздухомъ, не даютъ непосредственнаго впечатлѣнія, а лишь заставляютъ съ нѣкоторымъ интересомъ слѣдить за авторомъ въ его искусныхъ попыткахъ реставрировать и стилизовать...

Что-же еще?.. Помянуть развѣ „Чортову куклу“ г-жи Гишпюсъ, отмѣтивъ по ея поводу безстрашіе автора. Оно сказалось, во-первыхъ, въ заглавіи: вѣдь такая кличка, въ случаѣ успѣха повѣсти, могла бы легко пристать къ автору-писательницѣ, измыслившему эту совершенно лишнюю жизненной правды, курьезную вещь. (Къ счастью для автора, вещь успѣха не имѣла). Во-вторыхъ, безстрашіе г-жей Гишпюсъ проявлено тѣмъ, что въ моментъ, когда и „Санинъ“ и даже болѣе свѣжія „Вѣхи“ — уже отошли въ область преданій, вѣзмъ надошли, набили оскомину, —соратница г. Мережковскаго все же сочла нужнымъ воскресить „вѣховскій“ жанръ въ беллетристичѣ, сочетавъ въ фигурѣ героя вѣховскія идеи съ санинскими талантами. Г-жа Гишпюсъ обнаружила здѣсь, безспорно, то самое, что французы называютъ *force de son opinion*—отвагу убѣжденности...

Я началъ съ представителей нашего *moderne* или съ тѣхъ, что недавно еще были его адептами. Итогъ получился скудный, чтобы не сказать болѣе. Оно и не мудрено, ибо похмѣлье здѣсь царящее, послѣ недавняго шумнаго пиршества, за послѣдніе два года достигло своего апогея. Оглядка, заминка, пересмотръ, покаяніе—вотъ чѣмъ отмѣчены новѣйшія писанія и «практиковъ» и теоретиковъ этой струи нашего художества, еще недавно столь высоко поднимавшей свои побѣдныя стяги.

Къ „ученичеству, самоуглубленію, духовной діетѣ“ призываетъ А. Блокъ въ „Аполлонѣ“.

Вячеславъ Ивановъ тамъ-же разрѣшалъ своимъ ученикамъ думать о символизмѣ и о „realіа“ —лишь по праздникамъ, въ остальные же шесть дней недѣли совѣтывалъ писать такъ,—какъ бы оныхъ и не существовало, и не мало мѣста удѣлили

въ своей статьѣ нападкамъ на тѣхъ, кто „символь всеу пріемлетъ“...

Въ результатѣ этого покаяннаго настроенія—книжный рынокъ почти совсѣмъ эмансипировался отъ стихотворныхъ сборниковъ символистовъ всевозможныхъ направленій, которые въ ближайшіе пореволюціонные годы положительно наводняли его...

Соллогубъ молчалъ весь этотъ годъ, „Творимая легенда“ его такъ и застряла на „Королевѣ Ортрудѣ“, съ ея подземными ходами и отсутствіемъ всякаго смысла. Подобно Далай-ламѣ, этотъ возведенный иными критиками въ гени-авторъ считаетъ, повидимому, за благо не показываться пока-что, впредь до выясненія обстоятельствъ, на глаза черни...

И благо ему. Ибо обстоятельства, дѣйствительно, далеко не ясныя...

Если изжилъ себя нашъ крикливый модернизмъ, со всѣми его вычурами и извращениями, если „реабилитация плоти“ такъ-же, какъ и, смѣшившія ея «школы» «миотворцевъ», «теурговъ», «неохристіантъ», уже прочно и безповоротно сданы въ архивъ, за ненадобностью, если схлынула и зловонная волна клеветнически-антиреволюціонной «вѣховщины», и ея «художественныхъ» отраженій въ родѣ Миртовской «Мертвой Зыби», Ропшинскаго «Кона блѣда» или Родіоновской «Деревни» и пр. и пр.;—то, болѣе нежели понятна та заминка, и оглядка, и „затруднительность“ положенія, которыя ощущаются въ этомъ лагерѣ, народившемся и вознесенномъ въ моментъ пореволюціонной исторической растерянности и почти психопатической жажды острыхъ ощущеній. Торопливое, искусственное насажденіе у насъ всѣхъ этихъ новыхъ „школъ“, кое какъ на спѣхъ скроенныхъ по послѣднимъ западно-европейскимъ моделямъ,—все это вымышленное, и выдуманное, оторванное отъ жизни искусство, какъ и циничное „выявленіе“ своего „вѣховскаго“ опустошеннаго нутра,—все это роковымъ образомъ, должно было пожрать само себя, какъ только начала разсѣиваться соответствующая бредовая атмосфера. Теперь тутъ идутъ оглядки и поиски, — результатъ которыхъ предвидѣть трудно... А пожалуй, и не трудно, — но мнѣ здѣсь надо лишь констатировать фактъ.

Дѣло, однако, въ томъ, что и другая струя нашего искусства, струя, не порвавшая съ жизнью и демократическими традиціями нашей литературы, струя органическаго характера, устремлявшая всегда свое вниманіе къ *серьезнымъ жизненнымъ цѣностямъ*, — и та переживаетъ сейчасъ несомнѣнный моментъ оглядки, заминки, остановки.

Молчали не одни Сологубы. Молчалъ Вересаевъ; только къ самому концу года появился нѣсколько надуманный и вымученный романъ Андреева «Сашка Жегулевъ»; а остальные давали только матеріалъ для текущей книжки журнала или сборника, ничуть не нарушая, такъ сказать, общаго *молчанія* нашего искусства. Одинъ Горькій, еще въ «Исповѣди» вернувшій себя почти прежнюю свободу творчества, а съ нею вмѣстѣ и прежнюю яркость и силу, въ «городкѣ Окуровѣ» далъ рядъ живыхъ полубытовыхъ, полусимволическихъ картинокъ глухого, провинціального городишки въ дореволюціонную и революціонную эпоху. Продолженіемъ „исторіи“ смраднатоу городишки, явились шедшіе въ этомъ году очерки, подъ заглавіемъ «Матвѣй Кожемякинъ»...

О томъ же *воскресеніи* Горькаго свидѣтельствуя и сказки его, печатавшіяся въ журналахъ, и особенно удивительный, весь залитый солнцемъ *плень-эръ*—миниатюра, изъ итальянской жизни, появившаяся въ «Новой Жизни»... Помимо этого обрѣтенія свободы внутренней и яркости живописи, надо отмѣтить у Горькаго и все болѣе рѣшительное тяготѣніе къ *реализму*, къ быту...

Это же тяготѣніе характеризуетъ и все то новое, сколько-нибудь замѣтное, что появилось изъ-подъ пера литературной молодежи. Какъ мнѣ уже приходилось отмѣчать, этотъ *реализмъ* является не рецидивомъ, не простымъ возвращеніемъ къ приѣмамъ прежнихъ лѣтъ. Нѣтъ. Новое, нарождающееся теченіе какъ бы суммируетъ формальные приемы, выработанные поисками недавняго прошлаго. Это реализмъ—*расширенный*, даже и въ смыслѣ концепціи, въ которую также впиталось много элементовъ новаго жизнеощущенія. И *универсализмъ* построенія, (вмѣсто недавняго морализма), и отсутствіе наивной вѣры въ возможность полнаго „протокольнаго“ воспроизведенія дѣйствительности—а отсюда болѣе большой просторъ для индивидуальныхъ, субъективныхъ переживаній авторовъ,—прідаютъ этому реализму большую гибкость, болѣе широкій захватъ... Импрессионизмъ и символизмъ въ приѣмахъ воспроизведенія используются имъ какъ средство, какъ орудія, обогащающія арсеналь художественнаго творчества... Я боюсь, что эти опредѣленія покажутся черезчуръ громкими, когда я назову тѣхъ авторовъ, въ писаніяхъ которыхъ подмѣчаю эти симптомы нарождающагося художества. Это пока лишь первые всходы, лишь чуть замѣтныя струйки. Но я глубоко убѣжденъ, что именно здѣсь начало будущаго теченія, что именно этому теченію будущее принадлежитъ. И опять скажу, я не одинокъ и въ этомъ случаѣ. Опрашиваемые мною „встрѣчные“, послѣ настоятельныхъ просьбъ, указать что-нибудь оставшееся въ ихъ памяти отъ художества прошедшаго года, если называли чьи-либо имена, то это были имена—Шмелева, Каржанскаго, иные присоединяли къ нимъ Верхоустина, Крюкова, Касаткина...

Кто прочелъ въ сборникѣ „Знанія“ повѣсть „Человѣкъ изъ ресторана“, пойметъ, почему я на первомъ мѣстѣ упомянулъ здѣсь ея автора—Шмелева. Это наиболѣе установившійся, наиболѣе опредѣлившійся изъ всѣхъ этихъ новыхъ беллетристовъ. А только что названная повѣсть, по яркости изображенія трактуемаго въ ней быта, по выдержанности психологіи и стиля (весь рассказъ ведется устами человѣка изъ ресторана), несмотря на нѣкоторыя длинноты и мѣстами наивную тенденціозность,—свидѣтельствуетъ о зрѣлости этого таланта и обѣщаетъ намъ въ немъ новаго подлиннаго художника...

Въ отмѣченномъ мною *устремленіи къ дѣйствительности*, въ этомъ нарождающемся, расширенномъ реализмѣ молодыхъ побѣговъ нашей литературы,—звучить, несомнѣнно, голосъ самой жизни, голосъ исторіи. Не случайно это... Вотъ и новое «свѣтило», крещеное въ модернистской купели, Алексѣй Толстой занялся *бытомъ*. Недавно Ив. Бунинъ, послѣ своихъ непродолжительныхъ, правда, блужданій по области мистики,—далъ серьезную вдумчиво-реалистическую книгу *о деревнѣ*. Горькій, какъ я

уже указаль, быстрыми шагами идетъ сюда-же къ *быту*. Бытовыхъ элементовъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было у Леонида Андреева,—въ названной выше послѣдней его вещи. Тоже надо сказать и про Сергѣева-Ценскаго и про Бориса Зайцева, въ очеркахъ котораго, напечатанныхъ въ январской книжкѣ «Новой Жизни» и декабрьской «Вѣстника Европы», ощущаются явственно новыя у этого автора *бытовые* штрихи.

Думается, заминка и оглядка и молчаніе въ этой «органической» струѣ нашей литературы порождены причинами такого свойства. Предреволюционная пора породила опредѣленный *синтезъ* въ интеллигентскомъ сознаниі, въ которомъ элементы субъективизма, вѣры, ожиданія—играли огромную—и именно синтезирующую роль. При свѣтѣ и въ свѣтѣ этого синтеза рождалось и росло все лучшее, что мы имѣемъ въ современной литературѣ. Жестокой и тяжкой провѣркѣ подвергся, однако, этотъ идеологическій синтезъ въ революціонные дни, а затѣмъ—въ эпоху контръ-революціи, въ эпоху «успокоенія»... Недостатокъ элементовъ реалистическихъ, элементовъ дѣйствительности, элементовъ быта—вотъ, что обнаружилось въ годы трагической провѣрки, въ годы испытаній. И именно сюда то—къ *быту*, къ *дѣйствительности* и устремляется сейчасъ эта струя нашей художественной литературы...

Я уже отмѣтилъ, что процессъ этотъ еще въ зародышѣ. Сейчасъ мы, главнымъ образомъ, переживаемъ моментъ *оглядки*. Этотъ моментъ я считаю самой характерной чертой истекшаго года. Здѣсь вижу причину того, что прошлый годъ былъ *годомъ молчанія*. Если мой діагнозъ вѣренъ,—остается только привѣтствовать это молчаніе и помянуть добромъ истекшій годъ.

Это молчаніе—во много разъ почтенинѣ истерическихъ выкриковъ и пошлаго гомона предшествующихъ лѣтъ. Это молчаніе—быть можетъ—та минута, когда ораторъ собирается съ мыслями, чтобы затѣмъ точно и внятно ихъ формулировать. Я убѣжденъ, что вскорѣ „ораторъ“ заговоритъ, что *годъ молчанія* смѣнится годомъ развѣта серьезнаго художества, какъ долгіе годы унынія смѣнятся годами бодрого жизнестроительства, и борьбы, очищающей для него почву... Атмосфера литературной фальсификаціи, какъ и атмосфера общественной простраціи—надоѣли до тошноты самимъ унывавшимъ и фальсифицировавшимъ, о прочихъ же, о читателяхъ и слушателяхъ и говорить нечего!..

Въ заключеніе своего бѣглаго обзора, упомяну о тѣхъ „поминкахъ“, которыми такъ необычайно былъ богатъ истекшій годъ... Шевченко, Вѣлинскій, Никитинъ, Ломоносовъ, Добролюбовъ, Левъ Толстой—вотъ кого поминать и о комъ вспоминать насъ заставила въ этомъ году судьба... Доказывать-ли, что повышенный интересъ къ этимъ великимъ покойникамъ, вызванный ихъ „*юбилеями*“ и *годовщинами*, не можетъ пропасть втугнѣ, не можетъ не сказаться?

Эти поминки дали, конечно, огромный толчекъ въ томъ же направленіи, которое и такъ, само собою, начинаетъ обозначаться въ общественной психологіи. Истекшій годъ—это мертвая точка, на которой остановилось совершавшее свой оборотъ колесо исторіи. Теперь эта точка пройдена: за нисхожденіемъ слѣдуетъ

подъемъ. Къ этому подъему, къ живой, дѣятельной думѣ о жизни зовутъ живыхъ людей всѣ эти великіе отцы и дѣды русской интеллигенціи, которыхъ мы поминали въ этомъ столь богатомъ поминками году... И если не „поминальная“ литература о нихъ, весьма обѣдная и блѣдная—истинное дѣтище момента пространства, момента „мертвой точки“,—то новыя изданія произведеній самихъ этихъ страстотерпцевъ мысли, распространенныя среди *новаго* читателя,—это такой огромный фактъ, влияніе котораго, конечно, должно быть учтено и будетъ учтено ближайшимъ будущимъ.

Послѣдній мѣсяць года „поминокъ“—унесъ въ могилу послѣдняго яркаго представителя народнической полосы нашей беллетристики Н. Н. Златовратскаго. Златовратскій — народникъ-лирикъ, народникъ-романтикъ, съ особенной яркостью выразившій именно романтическую надоплеку этого направленія, такъ долго царившаго въ умахъ и сердцахъ нашей интеллигенціи. Это былъ пѣвецъ «общины», пѣвецъ деревенскихъ «устоевъ», пѣвецъ тѣхъ фикцій, которыя лежали въ основѣ народнической идеологіи. Но иллюзіи и фикціи развѣнчаны, сданы въ архивъ исторіи, а тотъ демократическій пылъ, которымъ преисполнены произведенія Златовратскаго, тотъ духъ революціоннаго демократизма, который велъ на подвиги все его поколѣніе, всю его эпоху,—вотъ что осталось, и останется, и смерть стараго народника-романтика была опять напоминаніемъ о той преемственности, которая связываетъ демократію нашихъ дней съ ея пионерами, со старшимъ ея поколѣніемъ, поднимавшимъ новъ русскаго демократизма...

Къ концу же года пріурочила судьба и другое напоминаніе: главное литературное событіе нашихъ дней — появленіе двухъ томовъ посмертныхъ произведеній Льва Толстого,—какъ бы завершило картину этого года — года, когда живые молчали, а говорили—*великіе покойники*. И тутъ опять—могучее надоминаніе, глубокая борозда въ общественномъ самосознаніи. Не столько художественными достоинствами, которыхъ, конечно, не мало разбросано въ этихъ двухъ томахъ незаконченыхъ произведеній гиганта нашего художества, но самымъ тонкомъ, самымъ духомъ своимъ—духомъ вѣчныхъ, безпокойныхъ исканій, духомъ безстрашно послѣдовательной мысли, безмѣрной думы о человѣкѣ и человѣчествѣ,—эти посмертныя страницы дѣйствуютъ, съ силой необычайной: онѣ будятъ стыдъ, въ томъ, кто еще не разучился стыдиться, зовутъ къ подвигу тѣхъ, кто способенъ помышлять о подвигахъ...

Г. Мережковскій, въ стилѣ ему свойственномъ, заявилъ въ новогоднемъ номерѣ газеты „Рѣчь“, будто „со Л. Толстымъ умерла совѣсть Россіи“. Статья г. Мережковскаго адресована къ братьямъ по перу, къ русскимъ писателямъ. Онъ пишетъ:

„Никогда еще, кажется, даже въ самыя темныя времена, не были *мы* такъ безобщественны, а слѣдовательно, безответственны и, чего ужъ грѣха таить, безсовѣстны“...

Если подчеркнутое мною „мы“ и обнаруживаетъ несомнѣнное христіанское смиреніе (авторъ сопричисляетъ себя къ грѣшникамъ), если съ другой стороны, есть несомнѣнная гипербола въ этомъ стремленіи обобщить фактъ, не столь уже об-

щаго характера; то все же къ этой проснувшейся совѣсти надлежитъ отнестись снисходительно. Пусть просится на уста естественная реплика: „parlez pour vous messieurs“, мы все же готовы присоединиться къ „новогодней“ мысли г. Мережковского:

„Намъ слѣдуетъ пожелать себѣ, прежде всего, пробужденія и усиленія чувства общности“...

Да будетъ такъ. Да пробуждается въ томъ, у кого оно отсутствуетъ, и да усиляется въ томъ, у кого оно имѣется,—„чувство общности“. Это хорошая вещь...

Обратившаяся вновь къ *дѣйствительности*—согласно завѣту Бѣлинскаго!—литература наша; этотъ годъ молчанія живыхъ и громкихъ *напоминающихъ* рѣчей великихъ покойниковъ; эта *оглядка* и *остановка*, которыя являются основными чертами современнаго момента,—все это побуждаетъ вѣрить, что новый годъ будетъ отличаться отъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, что наше съ г. Мережковскимъ пожеланіе—сбудется...

М. Невдомскій.

Къ характеристикѣ русской крупной буржуазіи.

(По поводу новаго фактическаго матеріала объ организаціяхъ капитала въ Россіи).

I.

Крупной буржуазіи въ Россіи не везетъ. Мы имѣемъ тутъ въ виду, конечно, не практическое преуспѣяніе въ области экономической и социальнo-политической жизни страны, а степень теоретическаго интереса, который проявляетъ къ представителямъ крупнаго капитала наша научная мысль и литература. Если со стороны практическаго преуспѣянія, какъ мы увидимъ ниже, можно сказать о торгово-промышленной буржуазіи безъ преувеличенія, что она въ счастливой сорочкѣ родилась, то, съ другой стороны, этотъ классъ имѣлъ-бы всѣ основанія жаловаться на полное невниманіе къ нему нашей экономической литературы.

Этотъ фактъ тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза, что онъ рѣзко контрастируетъ съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, которое русская литература всегда удѣляла дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія, какъ проявленію жизни другого господствующаго класса—помѣстнo-землевладѣльческаго. Тутъ мы имѣемъ и рядъ обоб-

щающихъ работъ, и особенно богатый ассортиментъ систематизированныхъ матеріаловъ, сборниковъ, монографій и т. д. Это такое литературное богатство, которое, по своей цѣнности, съ успѣхомъ можетъ поспорить съ соотвѣтствующей литературой любой западно-европейской страны. Съ нашей земскою литературой могутъ конкурировать развѣ только знаменитые отчеты фабричныхъ инспекторовъ въ Англіи.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится дѣло изученія дѣятельности торгово-промышленнаго класса. Тутъ попытки синтетическихъ работъ начали дѣлаться лишь за самое послѣднее время и количество такихъ попытокъ прямо ничтожно. Но даже въ области собиранія сырого фактическаго матеріала и его систематизаціи почти ничего до сихъ поръ не сдѣлано. Еще меньше заботъ приложено къ тому, чтобъ извлечь на свѣтъ Божій многочисленныя фактическія данныя о дѣятельности представителей капитала, содержащіяся въ малодоступныхъ отчетахъ, уставахъ, запискахъ, докладахъ и пр. различныхъ организацій торгово-промышленной буржуазіи.

Правда, за послѣдніе 2—3 года на страницахъ періодическихъ изданій можно встрѣтить немало статей и замѣтокъ, трактующихъ вопросъ о роли крупной буржуазіи въ настоящемъ и даже въ будущемъ; но огромнѣйшему большинству этихъ статей нельзя придать серьезнаго значенія уже потому, что ихъ зданіе возведено на песокъ отдѣльныхъ, иногда непровѣренныхъ, данныхъ и совершенно чуждо элементарнаго знакомства съ первоисточниками, съ основнымъ фактическимъ матеріаломъ о положеніи и роли торгово-промышленнаго класса и его организацій.

Существуютъ еще органы печати, издаваемые самими промышленными организаціями. Но они занимаются, главнымъ образомъ защитой интересовъ промышленниковъ въ данный моментъ, отстаиваніемъ ихъ позиціи по различнымъ текущимъ вопросамъ социально-политической практики. Съ этой стороны органы промышленныхъ организацій являются не больше какъ—весьма цѣннымъ—сырымъ матеріаломъ, который только подлежитъ систематическому изученію, чтобы получить въ результатъ болѣе или менѣе обоснованное представленіе по вопросу о положеніи и роли дѣятелей Россійскаго капитала. Иногда—весьма рѣдко—эти органы пытаются сами касаться этого вопроса; но, ужъ не говоря о томъ, что они вообще не любятъ пускаться въ эту область, вступая въ нее лишь загоняемые туда рѣзкой критикой,—даже когда они говорятъ о положеніи и роли защищаемыхъ ими организацій, они отличаются такой беззастѣнчивостью, такъ отважно замаскировываютъ дѣйствительное положеніе вещей, что даютъ матеріалъ не для характеристики послѣдняго, а—скорѣе—для иллюстраціи того, какъ можно пользоваться языкомъ для того, чтобы скрывать свои мысли.

Для систематическаго же и критическаго изученія періодической литературы промышленныхъ организацій, какъ и вообще для изученія матеріаловъ о дѣятеляхъ торговли и промышленности сдѣлано чрезвычайно мало,—особенно по сравненію съ изученіемъ земскихъ учрежденій.

Въ чемъ причина этого страннаго на первый взглядъ явленія? Какъ это случилось, что тотъ классъ, который и въ экономической области, и въ государственномъ строѣ занялъ, можно сказать, красный уголъ въ зданіи Россійской дѣйствительности, такъ основательно заброшенъ научной общественной литературой?

Среди причинъ, обусловившихъ данное явленіе, самое видное мѣсто занимало, надо думать, своеобразное сочетаніе преобладающихъ чертъ хозяйственного строя Россіи, съ одной стороны, и особенностей культурно-политическихъ тенденцій представителей обоихъ господствующихъ классовъ—съ другой.

При всей интенсивности процесса капиталистическаго развитія Россіи въ пореформенный періодъ, она, по формамъ хозяйственной жизни преобладающаго большинства населенія, оставалась, да и сейчасъ остается страной аграрной. И значительное большинство интеллигенціи—представителей науки и вообще либеральныхъ профессій—долгое время являлось социальнo связаннымъ съ аграрнымъ кругомъ интересовъ или, во всякомъ случаѣ, съ нимъ соприкасалось тѣснѣ всего. Особенно это относится къ численно сильному контингенту представителей земскаго „третьяго элемента“.

Съ другой стороны, рядъ обстоятельствъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, обусловилъ собою то, совершенно исключительное, явленіе россійской дѣйствительности, что носителемъ идей буржуазнаго культурно-политическаго либерализма долгое время являлась въ Россіи наиболѣе активная и самодѣтельная часть именно землевладѣльческаго класса. Такимъ образомъ, буржуазный либерализмъ, основой возникновенія котораго служило развитіе и упроченіе капиталистическихъ формъ въ нѣдрахъ аграрной Россіи, по особой діалектикѣ нашего историческаго развитія, принималъ форму либерализма аграрнаго, вѣрнѣе—либерализма захваченныхъ процессомъ буржуазнаго развитія слоевъ аграрнаго класса.

При такой своеобразной комбинаціи условій, неудивительно, что въ центрѣ кругозора большинства интеллигенціи,—не исключая и той ея части, которая разрабатывала вопросы экономическаго и социальнo-политическаго характера—стояли передовые слои землевладѣльческаго класса. Ихъ борьба за элементарное культурно-политическаго обновленіе страны—борьба, которой оставались совершенно чуждыми непосредственные представители русскаго капитализма,—не могла не служить притягательнымъ моментомъ для мысли представителей либеральной интеллигенціи.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе тѣсно связанныхъ социальными нитями съ землевладѣльческимъ классомъ, неизбѣжный болѣе или менѣе бессознательный антагонизмъ къ капиталистической индустрии долженъ былъ принимать форму пренебрежительнаго отношенія къ торгово-промышленному классу. Наконецъ, вспыхивавшіе по временамъ конфликты между помѣщиками-земцами и обслуживавшимъ ихъ организаціи третьимъ элементомъ не ослабляли, а—скорѣе, наоборотъ—усиливали интересъ литературы къ этой области жизни.

Такимъ образомъ и создалось то положеніе, что судьбы одного изъ господствующихъ классовъ—землевладѣльческаго—заняли (наряду съ интересами крестьянства) чуть не весь кругозоръ экономической литературы, не оставивши почти мѣста судьбамъ другого класса—торгово-промышленнаго.

Правда, возникло и скоро укрѣпилось вліятельное общественное теченіе—марксизмъ, сразу поставившій въ центрѣ общественно-политическихъ перспективъ развитіе индустриальныхъ формъ жизни въ Россіи. Но, во-первыхъ, марксизмъ—продуктъ лишь послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій. Во-вторыхъ, что важнѣе, марксизмъ на первыхъ порахъ былъ занятъ болѣе вопросомъ о промышленности, чѣмъ о промышленникахъ, его болѣе интересовалъ ходъ экономи-

ческой эволюціи Россіи, чѣмъ судьбы того господствующаго класса, который все больше складывался въ крупную силу на почвѣ этой эволюціи.

Конечно, марксизмъ, какъ теорія классовой борьбы *par excellence*, не могъ игнорировать тѣхъ классовъ, которые выдвинуты процессомъ капиталистическаго развитія Россіи. Но и здѣсь вниманіе марксистской литературы было цѣликомъ поглощено судьбами лишь одного изъ этихъ классовъ—пролетаріата. Въ области творчества общественныхъ идеаловъ, въ области социальной и политической борьбы пролетаріатъ, естественно, приобрѣлъ такое огромное значеніе въ глазахъ марксистовъ, что интересъ къ этому классу заполнилъ весь горизонтъ ихъ мысли, не оставляя почти мѣста научному вниманію къ представителямъ капитала.

Этому еще больше способствовали специфическія особенности политической эволюціи торгово-промышленнаго класса Россіи. Приобрѣтая все болѣе видное положеніе въ смыслѣ экономической мощи, умножая и укрѣпляя свои организаціи, приобретаая съ каждымъ десятилѣтіемъ все больше вліянія на направленіе дѣятельности органовъ государственной власти, становясь все въ большей мѣрѣ фактически господствующимъ классомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя-бы и безъ формально-правовыхъ гарантій своего господства,—этотъ классъ, въ то же время, неизмѣнно держался въ сторонѣ отъ оформляющагося общественно-политическаго движенія, а то и стоялъ совсѣмъ повернувшись спиною ко всѣмъ тѣмъ, кого жизнь толкала на путь отстаиванія очередной задачи момента—культурно-политическаго раскрѣпощенія Россіи.

Въ то время какъ борьба другихъ общественныхъ элементовъ до извѣстной степени отвоевывала условія, необходимыя, между прочимъ, и для болѣе или менѣе нормальнаго развитія промышленности,—сами промышленники, замкнувшись въ свои организаціи, въ тѣсномъ взаимодействіи съ органами государственной власти, незамѣтно, но систематически и энергично извлекали для себя групповыя выгоды изъ всей конфигураціи общественныхъ отношеній, держась въ сторонѣ отъ широкаго русла народнаго политическаго движенія все время, если не считать короткій періодъ исключительно мощнаго подъема волны этого движенія въ серединѣ 1905 года.

Въ отдѣльные моменты—особенно при конфликтахъ въ сферѣ рабочаго вопроса (напримѣръ, въ вопросѣ объ институтѣ рабочихъ старостъ)—представители крупнопромышленной буржуазіи становились даже активно на сторону абсолютизма. Но и эта, какъ и вся вообще ихъ дѣятельность протекала въ тиши правительственныхъ канцелярій, въ тѣсномъ кругу междувѣдомственныхъ совѣщаній, т. е. опять таки оставалась незамѣтной для посторонняго глаза.

Особенно незамѣтной эта дѣятельность должна была, естественно, проходить для дѣятелей марксистской литературы. Выдвинутый крахомъ социалнополитическаго народничества, тѣсно связанный съ прогрессомъ капиталистической эволюціи Россіи, открывавшей перспективы общественной борьбы, и съ культурно-экономическимъ ростомъ рабочаго класса, выдвигавшимъ активную силу этой борьбы,—марксизмъ скоро проникся боевыми тенденціями, сталъ складываться въ силу не столько теоретизирующую, сколько борющуюся. Энергичный ростъ рабочаго движенія, съ быстрой смѣной его послѣдовательныхъ фазисовъ, захвативъ всецѣло дѣятелей марксистскаго лагеря, еще болѣе приковалъ ихъ вниманіе къ пролетаріату, еще болѣе окрасилъ ихъ выступленія

въ дѣятъ боевой практики. Теоретическая и историческая научная мысль, поскольку она проявлялась, работала больше въ сферѣ критики и народничества, эпигоны котораго дѣлали попытки реставрировать это теченіе, да еще въ сферѣ разработки тактических проблемъ все усложнявшейся борьбы партіи пролетаріата, съ ея фракціонными теченіями.

Если, при такихъ условіяхъ, научная марксистская мысль вообще мало могла проявить себя въ области самостоятельнаго изученія исторіи различныхъ общественныхъ силъ современной Россіи, если серьезнаго критическаго изученія не дождалась даже исторія возникновенія россійскаго пролетаріата, поскольку она существенно разнится отъ соответствующихъ чертъ исторіи большинства западно-европейскихъ странъ, то это наблюдалось, конечно, еще больше въ отношеніи научнаго изученія эволюціи нашей крупнопромышленной буржуазіи.

Ужъ она въ социально-интеллектуальномъ отношеніи замѣтно измѣнила свою фізіономію, успѣвши совлечь съ себя ветхаго Адама, знакомаго намъ по типамъ Островскаго и Щедрина, и выработать европеизированный типъ современнаго торгово-промышленнаго дѣятеля; ужъ она наложила печать своихъ классовыхъ интересовъ на огромную область законодательства, на всю экономическую финансовую, таможенную, налоговую, желѣзнодорожную и пр. политику государства, — а русская научная литература, въ общемъ, все еще продолжаетъ пренебрежительно относиться къ торгово-промышленному классу, все еще не удѣляетъ серьезнаго вниманія направленію его работы и — особенно — дѣятельности его организацій.

II.

При указанныхъ условіяхъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность всякая попытка собранія и изученія фактическаго матеріала относительно крупной буржуазіи въ Россіи. Одну изъ такихъ попытокъ представляетъ произведенная Техническимъ Обществомъ анкета о представительныхъ организаціяхъ торгово-промышленнаго класса въ Россіи. Матеріалъ анкеты обработанъ инженеромъ А. О. Гушка, прочитавшимъ объ этомъ предметѣ докладъ на двухъ общихъ собраніяхъ Техническаго Общества. Докладъ печатается Техническимъ Обществомъ въ его журналѣ и отдѣльнымъ изданіемъ.

Мы здѣсь не станемъ приводить цифръ и фактовъ обширнаго доклада, — сообщимъ только его главныя положенія и нѣкоторыя дополнительныя соображенія, иллюстрируя ихъ лишь немногими цифрами изъ доклада, а также нѣкоторыми данными, не фигурирующими въ докладѣ, но позаимствованными изъ анкетныхъ матеріаловъ, съ которыми намъ удалось познакомиться.

Анкета посвящена представительнымъ организаціямъ капитала, т. е. тѣмъ, задачей которыхъ является представительство интересовъ капитала, защита ихъ передъ органами власти — правительствомъ, законодательными и исполнительными органами, наконецъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ. Другая крупная категория организацій торгово-промышленнаго класса — синдикаты, тресты и пр. — дѣйствующая въ сферѣ регулированія сбыта и производства, т. е. въ сферѣ коммерческихъ операцій, совершенно незатронута, какъ таковая, данной анкетой. Наконецъ, третья важная группа — союзы работодателей — включена въ анкету, лишь поскольку эти союзы, помимо своихъ непосредствен-

ных функций, отпора организованной экономической борьбѣ рабочихъ, выполняютъ еще и такія-же функции представительства интересовъ, какъ и организаціи первой изъ названныхъ категорій.

Такимъ образомъ, анкета охватываетъ организаціи, выступающія подъ названіями Биржевыхъ Комитетовъ, Совѣтовъ и Бюро Свѣздовъ (напримѣръ, горно-промышленниковъ, нефте-промышленниковъ, мукомоловъ, судо-владѣльцевъ и пр.), Совѣщательныхъ Конторъ, Обществъ (наприм., льно-промышленниковъ и др.), Союзовъ (дѣсо-промышленниковъ и др.) и т. д. Изъ общаго числа 143 существующихъ (въ 1910 г., къ которому приуровнена была анкета) организацій этого рода, откликнулись на анкету 62 организаціи, преимущественно наиболѣе вліятельныхъ. Онѣ прислали заполненные анкетные бланки (съ 45 вопросами) и, въ качествѣ приложения къ нимъ, различные печатные свои матеріалы, (въ количествѣ 288 томовъ).

Таблицы доклада, иллюстрирующія развитіе организацій во времени, показываютъ, что всѣ группы разсматриваемой категоріи организацій проявили усиленный процессъ роста подъ вліяніемъ толчка, даннаго имъ революціоннымъ движеніемъ 1905 г.

Тѣ же таблицы обнаруживаютъ, однако, существованіе значительнаго количества организацій (больше $\frac{1}{3}$), которыя возникли и развились до 1906 года. Докладъ обращаетъ вниманіе на послѣднее обстоятельство потому, что нерѣдко приходится встрѣчаться съ предразсудкомъ, будто организаціи капитала въ Россіи вообще существуютъ лишь съ 1906 г. Происходитъ это оттого, что у всѣхъ на виду „Невскій 100“, т. е. центральная организація капитала, дѣйствительно возникшая въ 1905 году, но лишь объединившая 46 изъ существовавшихъ до того представительныхъ организацій капитала, работа которыхъ оставалась неизвѣстной большинству читающей публики. Къ этимъ организаціямъ относится много видныхъ и вліятельныхъ: организаціи горно-промышленниковъ юга Россіи (съ 1874 года), Урала (съ 1880 года), Царства Польскаго (съ 1883 г.), бакинскихъ нефте-промышленниковъ (съ 1884 г.) мукомоловъ (съ 1888 г.) и т. д. и т. д., наконецъ, рядъ вліятельныхъ Биржевыхъ организацій.

Изъ числа послѣднихъ нѣкоторыя имѣютъ даже весьма почтенный возрастъ. Петербургская биржа основана Петромъ I въ 1703 г., т. е. одновременно съ основаніемъ самого города Петербурга. Любопытно, что въ то время существовали биржи лишь въ немногихъ столицахъ западной Европы (Англія и Голландія): Парижская биржа была признана лишь въ 1724, Вѣнская была учреждена въ 1771 г., а Бернская лишь въ 1805 году, т. е. позже не только Петербургской, но и Московской,

Отмѣчая этотъ любопытный фактъ, докладъ толкуетъ его, конечно, не въ смыслѣ предположенія, будто въ 18-омъ столѣтіи торговый капиталъ въ Россіи представлялъ болѣшую сумму оборотовъ или проявлялъ болѣшую организованность и активность, чѣмъ въ западной Европѣ. Тутъ сказывается другая сторона: въ силу извѣстныхъ особенностей, отличавшихъ исторію развитія Россіи, государственная власть еще у колыбели русскаго капитализма, по необходимости, окружала его представителей особенными заботами.

Дѣйствительно, тотъ-же Петръ I тогда же формулировалъ знаменитый лозунгъ — „собрать разсыпанную хранину купечества“. Съ своей стороны онъ много сдѣлалъ для реализаціи этого лозунга. Когда умеръ Петръ I, въ средѣ купечества возникли

опасенія насчетъ возможной переменѣны въ отношеніяхъ къ нему новаго правительства. Послѣднее сочло нужнымъ поспѣшить успокоить представителей капитала; президентъ коммерцъ-Коллегіи Шафировъ получилъ 23 іюля 1725 г. указъ, гдѣ говорилось: „Ея Величество Всемилоствѣйшая Государыня Императрица изволяла указать, дабы, какъ ему, господину президенту, такъ и всей Коммерцъ-Коллегіи въ произведеніи и умноженіи коммерціи имѣть конечное стараніе и по возможности купечество приласкать, а не озлоблять“.

Эти два яркихъ лозунга первой четверти 18-го вѣка, въ сущности, формулируютъ дѣйствительныя отношенія государственной власти къ капиталу, продиктованныя ей силою обстоятельствъ еще въ то время и впоследствии сложившіяся въ прочную вѣковую связь этихъ двухъ силъ въ Россіи. Съ проявленіями этой связи мы еще будемъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ. Теперь укажемъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ конкретныхъ проявленій ея, взятая изъ анкетныхъ матеріаловъ и относящаяся къ зарѣ русскаго капитализма.

Въ царствованіе Екатерины I была утверждена предположенная еще при Петрѣ I привиллегія, по которой купцы, „дабы имъ въ торгу помѣшательства не было“, во время биржевыхъ собраній не могли быть взяты подъ стражу ни по какимъ дѣламъ, „кромѣ криминальных“. Вотъ когда мы встрѣчаемся съ первымъ звеномъ „Habeas corpus“—акта русской буржуазіи.

Въ 1804 г. особымъ рескриптомъ на имя министра коммерціи, графа Румянцева, повелѣно приступить къ постройкѣ новаго зданія петербургской биржи; смѣта была составлена въ суммѣ 1.939,138 руб. 50 коп. Торжество закладки состоялось 23 іюня 1805 г. въ присутствіи императора Александра I, императрицы и особъ царской фамилии. Въ закладкѣ первый камень былъ положенъ митрополитомъ. Затѣмъ,—какъ повѣствуетъ строитель биржи, Томонъ,—„купечество, черезъ графа Румянцева, просило его Величество удостоить принять отъ нихъ обѣдъ по окончаніи торжества. Его Величество... не только оказалъ эту милость, но и пожелалъ, чтобы именитѣйшіе купцы также были приглашены къ столу?... Его Величество осыпалъ знаками благоволенія коммерсантовъ, которые имѣли честь представиться ему въ этотъ день?“..

Постройка новой биржи была закончена въ 1810 г. Стоимость ея превысила смѣту: зданіе обошлось казнѣ въ 2 милліона 331 тыс. рублей. Освященіе новой биржи митрополитомъ новгородскомъ, Амвросіемъ, состоялось, опять таки, въ присутствіи императора Александра I и всей царской фамилии, которые присутствовали затѣмъ на обѣдѣ въ биржевомъ залѣ, вмѣстѣ съ членами святѣйшаго синода, знатными вельможами и членами биржевой комиссіи; обѣдъ прошелъ подъ звуки музыки и пушечной пальбы.

Посѣщеніе императорами биржи наблюдается неоднократно и позже. Иногда такіа посѣщенія имѣли мѣсто въ самомъ началѣ новаго царствованія, почти непосредственно по вступленіи на престолъ. Наприм., Николай I (вмѣстѣ съ императрицей) 4-го января 1826 г. посѣтилъ Петерб. Биржу, гдѣ бесѣдовалъ съ купечествомъ.

Въ ноябрѣ 1844 г. депутація биржевого купечества была приглашена для присутствованія при свидѣтельствovanіи капиталовъ кредитной экспедиціи и депозитной кассы по случаю перевозки монеты и слитковъ на сумму около 80 милліоновъ рублей для храненія въ Петропавловской крѣпости. Дѣлая объ этомъ распоряженіе, Николай I пи-

саль: „Это есть новое доказательство Моего довѣрія и уваженія къ здѣшнему купеческому сословію“.

Государственная власть съ давнихъ поръ не только старалась „приласкать“ формирующійся торгово-промышленный классъ, но всячески толкала его на путь организаци и *самостоятельности*. Это проявлялось изо дня въ день въ тысячахъ случаевъ. Изъ многочисленныхъ фактовъ этого рода, содержащихся въ анкетныхъ матеріалахъ, приведемъ одинъ-другой.

Въ 1846 г. Департаментъ Внѣшней Торговли обратился къ Московскому Биржевому Комитету съ запросомъ, въ которомъ предлагалъ перейти къ самостоятельному выбору собственного предсѣдателя (въ то время предсѣдателемъ Биржевого Комитета состоялъ городской голова). Въ 1864 г. московское биржевое купечество, принявъ определенное рѣшеніе о распредѣленіи часовъ занятій биржи и о ценахъ за нарушение этого постановленія, представилъ это рѣшеніе на утвержденіе правительства: на это Департаментъ Торговли и Мануфактуръ отвѣтилъ, что по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ рѣшеніе Биржевого Комитета не нуждается въ утвержденіи. Въ 1871 г. московскій Биржевой Комитетъ представилъ на утвержденіе избраннаго впервые по новому уставу (1870 г.) предсѣдателя, Т. С. Морозова. На это Департаментъ Торг. и Мануфактуръ отвѣтилъ, что утвержденіе предсѣдателя Биржевого Комитета министромъ не требуется.

Толчкомъ къ организаци представителей капитала служила и упомянутая уже постройка новаго почти 2½ миллионнаго зданія петербургской биржи за казенный счетъ. Зданіе, переданное въ 1816 г. въ распоряженіе биржевого купечества, послужило для него ферментирующимъ элементомъ: чтобъ управлять зданіемъ, надо было организоваться, выбрать комитетъ, сноситься съ властями. Такимъ образомъ, изъ нѣдръ биржи, бывшей до того лишь мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ, возникаетъ Биржевой Комитетъ, представляющій биржевое купечество, защищающій его интересы. И, дѣйствительно, такой выборный органъ представительства былъ учрежденъ въ томъ-же 1816 г., а уставъ 1832 г. уже формально признаетъ за Биржевымъ Комитетомъ функціи представительства торгово-промышленнаго класса Петербурга.

Много аналогичнаго представляетъ и исторія Московской Биржевой организаци. И здѣсь правительство затратило въ 1831 г. 500.000 рублей на постройку зданія биржи. Биржевой Комитетъ въ Москвѣ учрежденъ въ 1837 г.

Отмѣтивъ эти интересныя черты, характеризующія условія развитія организаци російскаго капитала даже въ дореформенный періодъ, слѣдуетъ, однако, сказать, что, какъ это показываютъ хронологическія таблицы упомянутаго доклада, почти все представительныя организаци капитала возникли и развились лишь послѣ крестьянской реформы, открывшей эпоху усиленнаго роста капитализма въ Россіи. До 1861 года существовали лишь 3 организаци изъ вошедшихъ въ анкету 62: Биржевые Комитеты Петербургскій, Московскій и Нижегородскій ярмарочный („Всероссійскаго купечества“).

Тѣ-же таблицы доклада вскрываютъ еще одну весьма любопытную сторону исторіи организаци капитала въ Россіи: многія изъ нихъ получали утвержденные уставы лишь многіе годы спустя послѣ возникновенія организаци и открытія ихъ дѣятельности. Изъ 62 органи-

зацій такихъ оказывается 21, т. е. цѣлая треть. Тутъ, кромѣ упомянутыхъ 3 Биржевыхъ Комитетовъ, мы встрѣчаемъ рядъ крупнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ организацій торговаго и промышленнаго капитала, какъ напримѣръ: организаціи южныхъ горнопромышленниковъ, мукомоловъ, уральскихъ горнопромышленниковъ, Биржевые Комитеты Вилдавскій, Тифлисскій и др. Всѣ они дѣйствовали безъ уставовъ продолжительные періоды (до 11 лѣтъ).

Если вспомнить, что здѣсь идетъ рѣчь объ организаціяхъ, изъ которыхъ небольшая часть возникла и дѣйствовала въ крѣпостной Россіи, а остальные, хотя и въ пореформенный періодъ, но въ то время (70-ые, 80-ые и 90-ые годы), когда у насъ не могло быть и рѣчи о коалиціонномъ правѣ, когда государственная власть враждебно относилась ко всякой малѣйшей попыткѣ части населенія создать свою организацію, когда многія просвѣтительныя и даже благотворительныя организаціи не могли открыть свои дѣйствія, дожидаясь иногда десятилѣтіе утвержденія ихъ уставовъ, когда хлопоты учредителей такихъ организацій нерѣдко напоминали „хождение по мукамъ“, — то отмѣченная черта исторіи представительныхъ организацій капитала въ Россіи пріобрѣтаетъ значеніе знаменательнаго факта. Поскольку организаціонный просторъ, которымъ пользуется опредѣленный классъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ его политическое положеніе въ государствѣ, а также фактическое социальное содержаніе „конституціи“ этого государства, — отмѣченное явленіе бросаетъ яркій свѣтъ на отношеніе капитала и государственной власти, господствовавшее въ Россіи задолго до 1905 года.

Отмѣченная черта дополняется тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя организаціи торговопромышленнаго класса въ Россіи и созданы-то по инициативѣ самого правительства. Помимо того, что приводилось уже выше, этотъ фактъ вскрывается отвѣтами многихъ организацій на соответствующій вопросъ анкетнаго бланка.

III.

Рядъ таблицъ доклада посвященъ вопросу о составѣ организацій въ различныхъ отношеніяхъ.

Въ отношеніи распредѣленія организацій между обоими главными видами капитала — торговымъ и промышленнымъ — оказывается въ настоящее время огромный перевѣсъ послѣдняго надъ первымъ, въ отличіе отъ первыхъ фазисовъ развитія капитализма, когда существовали лишь Биржевые Комитеты — цитадели торговаго капитала по преимуществу. Процессъ индустриализаціи Россіи привелъ къ тому, что и въ Биржевые Комитеты проникъ въ замѣтныхъ размѣрахъ промышленный капиталъ, а въ общемъ итогѣ всѣхъ 62 организацій анкеты промышленный капиталъ царствуетъ въ 63.4%, а торговый лишь въ 36.6% организацій.

Таблицы, иллюстрирующія распредѣленіе организацій по отраслямъ, показываютъ, прежде всего, что сельско-хозяйственная промышленность вовсе не представлена въ рассматриваемыхъ организаціяхъ. Фигурируютъ представители торговли сельско-хозяйственными продуктами (комитеты хлѣбныхъ биржъ), а также представители промышленности, обрабатывающей продукты сельскихъ хозяевъ, но стоящіе внѣ ихъ рядовъ (льнопромышленники, мукомолы). Есть, впрочемъ, одна организація, хотя и промышленнаго типа, но состоящая

въ значительной своей части изъ сельскихъ хозяевъ (помѣщиковъ)—Россійское Общество Винокуренныхъ Заводчиковъ (Общество Сахарозаводчиковъ, не отвѣтившее на вопросный бланкъ—вѣроятно, въ силу своего синдикатскаго характера,—не включено въ анкету). Въ общемъ же представительныя организациа капитала, хотя и охватываютъ извѣстное количество землевладѣльцевъ, но лишь посколку они занимаются той или иной отраслю торговли или индустри.

Если среди организаций торговаго капитала наиболѣе сильно представлена отрасль сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, то среди организаций промышленнаго капитала первое мѣсто и по численности, и по удѣльному вѣсу занимаютъ организациа горнозаводской и металлической отраслей. Эти отрасли докладъ и характеризуетъ, какъ экономической базисъ „гвардii“ торгово-промышленнаго класса въ Россii.

Тѣ же таблицы вскрываютъ фактъ весьма, наоборотъ, слабой организованности представителей текстильной промышленности. Объясненiя этого факта, рѣзко контрастирующаго съ компактною организованностью горно-заводской промышленности, слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельстве, что послѣдняя работаетъ въ значительной мѣрѣ на казну, которая, какъ мы видѣли, столь сильно содѣйствовала организациа представителей капитала, между тѣмъ какъ экономическая связь текстильной промышленности, работающей на потребителя изъ народа, съ правительствомъ гораздо слабѣе. Въ слабой организованности до настоящаго времени текстильной промышленности кроется, между прочимъ, причина того факта, что именно Московскiй Биржевой Комитетъ—представитель текстильиковъ всего центрального района—выдвинулъ такой проектъ введенiя Торгово-Промышленныхъ Палатъ, который имѣетъ тенденцию кореннымъ образомъ перестроить всю систему существующихъ представительныхъ организаций капитала, въ то время какъ остальные организациа отстаиваютъ свою нынѣшнюю форму. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить фактъ рѣзкой обособленности представителей транспортной, особенно желѣзнодорожной промышленности. Причина ясна: антагонизмъ экономическихъ интересовъ между транспортными предпрiятiями, съ одной стороны, и остальными отраслями промышленности и торговли, для которыхъ расходъ на транспортъ составляетъ часть издержекъ производства—съ другой.

Таблицы, освѣщающiя вопросъ о распредѣленii организаций по категориямъ крупнаго и мелкаго (вѣрнѣе—средняго) капитала, и сдѣланный въ докладѣ анализъ этихъ таблицъ, не оставляютъ сомнѣнiя въ томъ, что въ разсматриваемыя организациа объединены представители оптовой торговли и крупной промышленности. Въ тѣхъ организацияхъ, для которыхъ имѣются данныя о размѣрѣ торговаго оборота или стоимости производства одного предпрiятiя, эта сумма оказывается заключенной между 258 000 р. и 1.200.000 р. въ годъ, составляя въ среднемъ 358.000 р. въ годъ на 1 предпрiятiе; среднее число рабочихъ на одно предпрiятiе составляетъ 465 человекъ.

Въ нѣкоторыхъ организацияхъ, гдѣ участвуютъ и представители сравнительно мелкаго капитала (наприм., въ Сѣздахъ Бакинскихъ Нефтепромышленниковъ, гдѣ одинъ голосъ предоставляется предпрiятiю, добывающему отъ 100.000 до 500.000 пудовъ нефти), участiе представителей мелкаго капитала—чисто номинальное. Дѣло въ томъ, что въ

этихъ организаційхъ, кромѣ минимальнаго размѣра производства, который требуется отъ предпріятія для предоставленія ему голоса, принята еще плюральная система голосованія. А такъ какъ въ соответствующихъ отрасляхъ (хотя-бы, напримѣръ, въ той-же нефтепромышленности) концентрація производства достигла колоссальныхъ размѣровъ, то плюральная система обезпечиваетъ за представителями самой крупной промышленности безусловное преобладаніе: въ организаціи, напримѣръ, нефтепромышленниковъ 7 крупнѣйшихъ фирмъ располагаютъ большинствомъ голосовъ.

При такихъ условіяхъ участіе представителей мелкаго—вѣрнѣе, средняго—капитала сводится фактически лишь къ ихъ обязательному участию въ расходахъ на содержаніе всей организаціи. (Говоримъ объ обязательности участія въ расходахъ, ибо эти организаціи получили право принудительнаго обложенія всей соответствующей отрасли промышленности). Распоряжаются-же дѣлами представительныхъ организацій почти исключительно крупные и крупнѣйшіе торговцы и промышленники.

Такъ какъ представители мелкаго капитала своихъ собственныхъ организацій *) до сихъ поръ въ Россіи не имѣютъ, то ихъ интересы остаются воеще не представленными. Кстати, отмѣтимъ, что въ это положеніе вещей не внесетъ никакого измѣненія и проектируемое введеніе Торгово-Промышленныхъ Палатъ, какой бы проектъ этихъ палатъ ни былъ осуществленъ—Московскаго Биржеваго Комитета или правительственный проектъ. И тотъ, и другой, дѣлая участіе въ расходахъ на содержаніе Палатъ обязательнымъ и для мелкаго капитала, конечно, вводятъ и его представителей въ Палаты, но предупредительно принявъ мѣры къ тому, чтобъ они никакого тамъ вліянія на ходъ дѣлъ не могли имѣть: для этого число представителей мелкаго капитала ограничивается извѣстной долей ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$) всѣхъ членовъ Палаты.

Такія Палаты создали-бы въ Россіи положеніе, аналогичное тому, которое наблюдается во многихъ западно-европейскихъ странахъ (въ Австро-Венгріи и др.), гдѣ мелкій капиталъ также допущенъ къ участию въ Торговыхъ Палатахъ и также безнадежно осужденъ на безсиліе въ нихъ. Разница, однако, въ томъ, что въ Западной Европѣ существуютъ (наприм., въ Германіи) и отдѣльныя *ремесленные* Палаты. Въ Россіи такихъ организацій мелкой промышленности нѣтъ и долго еще не будетъ. Тутъ характерно именно то обстоятельство, что на междувѣдомственномъ совѣщаніи ни промышленники, ни правительство и не думаютъ объ обезпеченіи представительства мелкаго капитала: вся поддержка правительства, вся сила организаціи на сторонѣ только крупнаго капитала.

Наконецъ, данныя анкеты даютъ матеріалъ для характеристики организацій со стороны ихъ классоваго самоопредѣленія. Изъ числа 62 представительныхъ организацій лишь 2 маловліятельныхъ Купеческихъ Управы построены по сословному принципу, остальные—по классово-экономическому. Лишь 3 организаціи (обѣ Купеческія Управы и

*) Мы имѣемъ въ виду исключительно организаціи представительнаго типа; что касается союзовъ работодателей, то въ этой области мелкій капиталъ проявилъ большую организаціонную активность, да и государственная власть ему не чинила препятствій, такъ какъ этими своими организаціями мелкій капиталъ не нарушалъ интересовъ крупнаго, скорѣе—наоборотъ.

Комитетъ Нижегородской Ярмарочной Биржи) обязаны своимъ возникновениемъ не доброй волѣ своихъ членовъ. Всѣ-же остальные организаціи не только чужды сословной структуры, но олицетворяютъ въ полной мѣрѣ торжество классовой самодѣятельности.

IV.

По вопросу о степени организованности тѣхъ районовъ и отраслей, которые представлены въ рассматриваемыхъ организаціяхъ, собранныя анкетой данныя покоятся на двухъ критеріяхъ: 1) количествѣ рабочихъ и 2) суммѣ оборота или стоимости производства. По обоимъ критеріямъ сопоставлялись тѣ предприятия, которыя входятъ въ опредѣленную организацію, со всеми предприятиями района или отрасли, гдѣ дѣйствуетъ данная организація. Полученный такимъ образомъ коэффициентъ организованности оказывается колеблющимся для разныхъ организацій между 40% и 100% и въ среднемъ равнымъ 84%—для критерія суммы оборота и 80%—для критерія количества рабочихъ.

По отношенію ко всему числу существующихъ въ Россіи представительныхъ организацій капитала можно съ большою долей вѣроты сказать, что, объединяя лишь небольшой процентъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий (но самыя крупныя изъ нихъ), онѣ въ то же время, охватываютъ значительное большинство оперирующаго въ Россіи торгово-промышленнаго капитала.

Сколько именно—этого анкетѣ не удалось выяснитъ не только въ отношеніи всѣхъ 143 организацій, но даже въ отношеніи тѣхъ 62 организацій, которыя отвѣтили на вопросные бланки *). Достаточно характерно, впрочемъ, и то, что опредѣленная по даннымъ анкеты лишь для 13 организацій, сумма торговаго оборота или стоимости производства ихъ членовъ дала итогъ въ 1.422.561.871 р. Уже по этой солидной цифрѣ можно заключить, что не только степень организованности торгово-промышленнаго капитала въ Россіи высока, но и мощность капитала, представляемаго рассматриваемыми организаціями, весьма внушительна.

На ряду съ высокою степенью организованности, обращаетъ на себя вниманіе сильная централизація представительныхъ организацій капитала. Общій итогъ соответствующей таблицы анкеты—тогъ, что 81% организацій объединены около общероссійскихъ центровъ. Нецентрализованныхъ организацій имѣется всего 10 изъ 62. Организаціи группируются около двухъ центровъ, изъ которыхъ въ Совѣтѣ Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли, въ качествѣ членовъ, преобладаютъ организаціи промышленнаго капитала, а въ Совѣтѣ Съѣздовъ Представителей Биржевой Торговли и Сельскаго Хозяйства **) членами состоятъ организаціи торговаго капитала.

Наконецъ, отмѣтимъ, что не только представители капитала каждый въ отдѣльности слѣдуютъ принципу „ubi bene, ibi patria“, но и организаціи капитала охотно идутъ на *путь интернаціонализма*, кото-

*) На данный вопросъ многія организаціи не отвѣтили, да, пожалуй, и не могли отвѣтить, такъ какъ и не располагали соответствующими цифрами.

**) Представители сельско-хозяйственной промышленности вовсе сюда не входятъ,—вопреки названію.

рый онъ считаютъ, конечно, преступнымъ, когда на него выступаетъ ихъ антиподъ. Между прочими формами причастности къ капиталистическому интернационалу слѣдуетъ въ особенности отмѣтить участіе Совѣта Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли (а слѣдовательно входящихъ въ его составъ 47 организацій) въ регулярно дѣйствующихъ Международныхъ Конгрессахъ Торговыхъ Палатъ и Торгово-Промышленныхъ Организацій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Ерманскій.

Иностранное обозрѣніе.

Германская побѣда.

I.

Буржуазная пресса передовыхъ, по сравненію съ Германіей, странъ видитъ главное значеніе январскихъ выборовъ въ ударѣ, нанесенномъ германскому имперіализму, отождествляемому съ черно-голубымъ блокомъ, который потерялъ большинство въ рейхстагѣ. Англійская и частью французская радикальная печать видитъ въ этомъ пораженіи новую гарантію для столь угрожаемаго въ послѣднее время международнаго мира. Ея патриотическая ограниченность частью искренно, частью лицемѣрно приписываетъ германскому—на юнкерскѣмъ господствѣ основанному—милитаризму главную отвѣтственность за непрочность вооруженнаго мира. Эту точку зрѣнія наивно усваиваютъ не только русскія кадетскія газеты, но и французская синдикалистская печать, рѣшительно отказывающаяся видѣть въ результатахъ германскихъ выборовъ побѣду социализма, но все же привѣтствующая ихъ, какъ день пораженія милитаризма. Изъ чего только лишній разъ слѣдуетъ, что сама синдикалистская борьба съ милитаризмомъ покоится на идеологическихъ представленіяхъ, заимствованныхъ у буржуазной демократіи.

На самомъ дѣлѣ, разумѣется, германское юнкерство по существу своихъ стремленій не болѣе опасно для международнаго мира, чѣмъ германскіе же угольные и желѣзные бароны, чѣмъ миллиардеры американскихъ трэстовъ, французскіе универсальные ростовщики и англійскіе фабриканты. Сказка о томъ, будто бы именно Германія постоянно грозитъ нарушить тишину и спокойствіе, оберегаемую „европейскимъ концертомъ“, опровергается уже однимъ тѣмъ фактомъ, что изъ великихъ дер-

жавъ одна лишь Германія и ея союзница Австро-Венгрія не вели ни одной завоевательной войны (если не считать китайскаго похода 1900 г., въ которомъ участвовали всѣ державы), тогда какъ за это время Англія воевала въ Трансваалѣ, Франція—въ Марокко, Тонкинѣ и Мадагаскарѣ, Италія—въ Триполи и Абиссиніи, Россія—на Балканахъ, въ Манджуріи и Персіи. Легенда о специфическихъ взрывчатыхъ свойствахъ германскаго патріотизма служить лишь идеологическимъ покровомъ англо-русско-французскаго тройственнаго согласія, не менѣе вреднаго въ настоящее время для дѣла культуры и не менѣе опаснаго для дѣла мира, чѣмъ была въ свое время юнкерская реакція, руководимая Бисмаркомъ.

Само по себѣ, поэтому, политическое поражение прусско-германскаго юнкерства не увеличиваетъ шансовъ на миръ. Идущая на смѣну юнкерства въ роли правящаго класса, германская буржуазія съумѣетъ вести дѣло колониальнаго бандитизма менѣе, быть можетъ, шумно, чѣмъ ведетъ ее германское дворянство, но не менѣе дѣловито и успѣшно, чѣмъ буржуазія французская и англійская. И въ новомъ рейхстагѣ—утверждаютъ съ полнымъ основаніемъ какъ правыя, такъ и либеральныя, германскія газеты—всегда, во всякомъ случаѣ, найдется „патріотическое“ большинство для одобренія новыхъ расходовъ на армію и флотъ. Съ этой стороны современному Молоху бояться рѣшительно нечего. И если ему въ Германіи все же нанесено поражение, то не самимъ фактомъ разгрома черно-голубого блока, а тѣмъ, что этотъ разгромъ явился результатомъ колоссальнаго роста и грандіозной избирательной побѣды рабочей партіи.

Страна, въ которой треть избирателей стоитъ въ принципиальномъ и осознанномъ противорѣчьи съ основами общественнаго и политическаго режима; въ которой эта громадная армія мастерски организована и дисциплинирована и, сосредоточенная въ главной своей части, въ крупныхъ центрахъ экономической и политической жизни, имѣетъ свои гарнизоны во всѣхъ городахъ, свои партизанскіе отряды во всѣхъ провинціяхъ; въ которой, наконецъ, въ теченіе добрыхъ трехъ десятилѣтій ростъ этой арміи перегоняетъ естественный приростъ населенія,—такая страна каково бы ни было ея правительство, почти обезпечена отъ политики авантюръ. Но эта гарантія пріобрѣтается цѣной нарастанія и обостренія политическихъ противорѣчій въ Германіи, разрѣшеніе которыхъ неизбѣжно должно явиться началомъ процесса революціонной перестройки всего цивилизованнаго міра. Вынужденное, вопреки своей неприязни къ социализму, привѣтствовать безкровныя избирательныя побѣды германскаго народа, буржуазное общественное мнѣніе Европы тѣмъ самымъ утверждаетъ міровую демократическую гегемонію партіи нѣмецкихъ рабочихъ, ставшей передовой творческой силой всемірно-историческаго прогресса.

II

Эта міровая, демократическая гегемонія, завоеванная германской социаль-демократіей, имѣетъ, конечно, своей предпосылкой политическое банкротство европейскаго и въ особенности германскаго либерализма. Социализмъ завоевываетъ политиче-

скую гегемонію постольку, поскольку становится — вследствие банкротства либерализма и его измѣнъ—единственнымъ послѣдовательнымъ борцомъ противъ феодализма и бюрократическаго абсолютизма, противъ клерикализма и духовной реакціи, противъ милитаризма и завоевательнаго империализма, противъ тираніи помѣщичьей усадьбы надъ городомъ и финансовой олигархіи надъ всѣмъ обществомъ. Словомъ, поскольку онъ одинъ только стойко и послѣдовательно борется за свободу общественнаго развитія, совпадающую съ интересами народныхъ массъ, противъ привилегій отдѣльныхъ группъ. Въ этой борьбѣ онъ повсюду на Западѣ долженъ былъ преодолевать значительное вліяніе, прибрѣтенное буржуазнымъ либерализмомъ на народныя и, въ частности, на пролетарскія массы. Причемъ именно эти массы—наиболѣе подвижныя и оторвавшіяся отъ вѣковаго духовнаго сна ремесленныя и фабрично-заводскія массы—представляли собою ту среду въ которой прежде всего—и именно на почвѣ разочарованія въ либерализмъ—зародилась потребность въ самостоятельномъ классовомъ движеніи и въ которой, слѣдовательно, всего ранѣе социализмъ пустилъ корни. Поэтому борьба за самое существованіе и развитіе самостоятельной партіи пролетаріата была въ значительной своей части борьбой социализма противъ либеральной демократіи за вліяніе на пролетарскія и полупролетарскія массы. А это обстоятельство, въ свою очередь, ускоряло развитіе внутреннихъ противорѣчій въ самомъ либерализмѣ, усиливало его готовность опереться въ борьбѣ съ врагомъ слѣва на поддержку реакціонныхъ силъ, а, слѣдовательно, ослабить свою, исторически незакончившуюся, борьбу съ ними. Дѣйствительная борьба съ реакціей все болѣе становилась почетной миссіей одной социалдемократіи.

На извѣстной стадіи развитія современнаго капитализма въ его центрѣ—въ Германіи—создалось такое положеніе, когда союзъ абсолютизма, аграріевъ и наиболѣе могущественной части крупной буржуазіи для совмѣстной эксплуатаціи народа и наступательной борьбы противъ рабочаго движенія являлся господствующимъ факторомъ политической жизни, налагавшимъ свою печать на всѣ ея проявленія. Не участвовавшія въ этомъ блокѣ массы средней буржуазіи, все болѣе отрывавшіяся отъ пролетаріата въ силу роста профессиональнаго движенія и успѣховъ социалдемократіи, охотно прекращали всякую серьезную борьбу съ милитаристской, протекціонистской и политически-реакціонной его политикой всякій разъ, какъ замѣчали, что такая борьба усиливаетъ социалдемократію. Могло получаться впечатлѣніе, что не только уже сыграна роль буржуазнаго либерализма, какъ застрѣльщика и авангарда политическаго прогресса, но и что ему отнынѣ суждено играть роль простаго придатка къ соединеннымъ силамъ общественной реакціи. Уже при первомъ возникновеніи политической рабочей партіи въ Германіи противодѣйствіе либерализма ея демократическимъ требованіямъ побудило лассальянцевъ выставить положеніе о „сплошной реакціонной массѣ“, какою-де является уже всѣ партіи имущихъ и построить всю свою тактику на этомъ, казалось, „безошибочномъ положеніи. Но въ то время—въ 60-ыхъ годахъ—фактически гегемонія въ борьбѣ за ликвидацію дво-

рянско-абсолютистскаго режима еще принадлежала либеральной демократіи—хотя эта миссія выполнялась ею все хуже и хуже. И международное положеніе, и относительная слабость экономического развитія и соответственная слабость рабочаго движенія дѣлали борьбу буржуазіи съ юнкерствомъ, при всей ея половинчатости, крупной движущей силой общественнаго развитія. Поэтому, тактика, основанная на принципиальномъ безразличіи къ этой борьбѣ, должна была приводить или подводить лассальянцевъ къ такому положенію, при которомъ социалдемократія, выполняя свой долгъ освобожденія народныхъ массъ изъ-подъ идейной опеки либераловъ, оказывала косвенныя услуги политической реакціи. Противъ этой тактики, какъ извѣстно, рѣшительно выступили и Марксъ, и Бебель, и Либкнехтъ, и въ борьбѣ за преодоленіе этой тактической односторонности, можно сказать, состоялъ, главнымъ образомъ, процессъ подготовленія германской рабочей партіи къ единству. На самомъ договорѣ единенія—на Готской программѣ 1875 года—сохранилась еще печать этой „дѣтской болѣзни“—тезисъ о „сплошной реакціонной массѣ“, вновь жестоко раскритикованный Марксомъ и Энгельсомъ и явно противорѣчившій уже установившейся тактикѣ идейно руководимой марксистами партіи. Но не совсѣмъ случайно этотъ лассальянскій тезисъ уцѣлѣлъ въ Готской программѣ. Ибо объединеніе партіи совершалось въ періодъ, когда замѣтно складывалась экономическая и политическая конъюнктура, долженствовавшая приостановить почти совершенно борьбу между аграрными и буржуазными элементами имущихъ классовъ Германіи. Хотя и впредь, во всѣхъ случаяхъ практики, германская партія, когда только либерализмъ дѣлалъ какую-нибудь попытку честно бороться съ реакціей, поддерживала его, но случаи эти за послѣдніе 30—35 лѣтъ были столь рѣдки, что противорѣчіе этой практики съ словами Готской программы не кололо глазъ. И это тѣмъ болѣе, что германской социалдемократіи не менѣе часто, чѣмъ либераловъ, приходилось поддерживать социальнореакціонную партію клерикальнаго центра, который, опираясь на католическихъ крестьянъ и рабочихъ и отстаивая интересы нѣскольکو угнетеннаго католическаго духовенства, вынужденъ былъ держаться оппозиціонной линіи и, прученный горькимъ опытомъ либераловъ, довольно долго старался угождать шедшимъ за нимъ неимущимъ массамъ выставленіемъ демократическихъ требованій и защитой социальныхъ реформъ.

Создавшеяся, такимъ образомъ, положеніе казалось столь прочнымъ, что въ концѣ 90-ыхъ гг. Вильгельмъ Либкнехтъ, полемизируя съ Э. Бернштейномъ по поводу его ревизионистскихъ предложеній, категорически утверждалъ, что въ Германіи, помимо и вплоть до завоеванія власти рабочимъ классомъ, невозможно будетъ добиться никакой политической реформы, которая бы ослабила владычество юнкеровъ и бюрократіи.

Только тогда, когда сближеніе имущихъ классовъ подъ реакціоннымъ флагомъ дошло до своего логическаго конца и канцлеръ фонъ Бюловъ образовалъ въ 1907 году оформленный блокъ между аграріями и всѣми либералами, начали вырисовываться новыя перспективы. Мировой процессъ вздорожанія жизни и мощное сопротивленіе организованныхъ рабочей партіи народныхъ массъ сдѣлали невозможнымъ полюбовный раздѣлъ до-

бычи между пайщиками блока: при противорѣчіи экономическихъ интересовъ между промышленниками и аграріями тѣ и другіе могли вести согласно политику имперіализма только при условіи, что ея издержки будутъ цѣликомъ свалены на плечи рабочихъ массъ. Разъ это оказывалось невозможнымъ, блокъ долженъ былъ распасться. И въ то же время сама активная внѣшняя политика въ наступившей эрѣ международныхъ конфликтовъ и потрясеній усиливала заинтересованность буржуазіи въ прямомъ вліяніи на государственную власть, которая по прежнему остается въ рукахъ дворянства и, благодаря этому, именно въ сферѣ сложныхъ отношеній внѣшней политики постоянно наступаетъ на ноги общимъ интересомъ капиталистической буржуазіи. Такимъ образомъ, и экономическія и политическія противорѣчія внутри имущихъ классовъ—несмотря на ростъ враждебнаго имъ всѣмъ рабочаго движенія—обострились и бюловскій консервативно-либеральный блокъ смѣнился въ 1909 году „черно-голубымъ“ блокомъ, объединившимъ всѣ аграрные элементы страны противъ и буржуазіи, и пролетаріата. Пятилѣтнее господство этого черно-голубого блока, обостривъ противоположность интересовъ между аграрной и торгово-промышленной частью имущихъ классовъ, влило новую кровь въ жилы анемичной буржуазной демократіи. Для рабочей партіи создалось новое политическое положеніе.

Если въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій ея роль борца за демократическое развитіе Германіи выполнялась ею въ процессѣ неустанной борьбы съ плохими и непослѣдовательными представителями буржуазной демократіи, въ процессѣ дискредитированія ея передъ народными массами и отрыванія отъ нея послѣднихъ, то теперь социалдемократіи приходилось, дѣлая тоже самое дѣло, которое косвенно способствуетъ толканію буржуазной демократіи влѣво, сочетать его съ прямымъ воздействием на буржуазную демократію, съ планомѣрнымъ толганіемъ ея къ борьбѣ за власть съ ея аграрными соперниками. Начиная съ внесенія въ прошломъ рейхстагѣ законопроекта объ отвѣтственномъ министерствѣ и кончая выборной тактикой въ январскіе дни, германская рабочая партія примѣняется къ новому положенію.

Это приспособленіе тактики къ измѣнившимся условіямъ вызвало въ партіи кое-какія тренія. На лѣвомъ флангѣ сдѣлана была (Розой Люксембургъ) попытка реставрировать тезисъ о „сплошной реакціонной массѣ“, какъ точно выражающей политическія соотношенія въ современной Германіи. Съ этой точки зрѣнія конституціонные конфликты и столкновеніе экономическихъ интересовъ между аграріями и буржуазіей должны, конечно, использоваться для социалистической агитаціи и для завоеванія рабочимъ классомъ новыхъ правъ, но на нихъ отнюдь нельзя строить какихъ нибудь серьезныхъ надеждъ, ибо разлагаящаяся, тающая и внутренне безнадежно реакціонная буржуазная демократія абсолютно не способна при какихъ бы то ни было условіяхъ помочь рабочей партіи въ рѣшительной борьбѣ съ реакціей. Отсюда на крайнемъ лѣвомъ флангѣ партіи—недовѣрчивое отношеніе къ тѣмъ политическимъ шагамъ партійныхъ учреждений, которые могли быть объяснены стремленіемъ этихъ

учрежденій непосредственно вліять на настроеніе и поведеніе буржуазной демократіи (такъ было во время конфликта съ парламентской фракціей изъ-за ея предложеній о сокращеніи вооруженій и во время конфликта съ правленіемъ партіи по поводу его поведенія въ лѣтнемъ франко-германскомъ кризисѣ; то же было и во время дебатовъ въ партіи по поводу борьбы за всеоб. изб. право въ Пруссіи, когда „верхи“ обвинялись въ увлеченіи парламентаризмомъ). Съ другой стороны, на правомъ крылѣ создававшаяся конъюнктура воскресила надежды на возможность измѣненія принципіальнаго отношенія партіи къ буржуазной демократіи, что, въ свою очередь, должно было усилить подозрительность на лѣвомъ флангѣ.

Успѣшно миновавъ Сциллу оппортунизма и Харибду ультра-радикализма, партія отдала себѣ ясный отчетъ въ основныхъ чертахъ политическаго положенія: является возможность разбить парламентское господство дворянско-бюрократической реакціи и разбить его при такихъ условіяхъ, когда возстановленіе какой нибудь другой столь же или приблизительно столь же реакціонной комбинаціи представляется невѣроятнымъ. Является возможность вырвать изъ рукъ абсолютизма рейхстагъ и толкнуть послѣдній на путь борьбы за парламентаризмъ. Является возможность использовать политическое броженіе, возникшее въ находящихся внѣ вліянія социалдемократіи массахъ, для нанесенія чувствительнаго удара клерикально-аграрной реакціи. Для выполненія этой задачи социалдемократіи нужно было, во-первыхъ, выдвинуть на первый планъ въ предвыборной кампаніи тѣ вопросы дня, вокругъ которыхъ сосредоточивается борьба между аграрной олигархіей и другими классами населенія (дороговизна жизни, таможенная и налоговая политика и пр.); во-вторыхъ, сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы въ борьбѣ съ аграрной реакціей буржуазная демократія и буржуазный либерализмъ шли въ извѣстныхъ предѣлахъ солидарно съ пролетаріатомъ. Трудность достиженія этой цѣли при выработавшихся десятилѣтіями традиціяхъ нѣмецкаго либерализма — была для всѣхъ очевидна. Именно поэтому, рѣшая вопросъ о поддержкѣ либерализма на выборахъ (въ формѣ голосованія на перебаллотировкахъ за либеральныхъ кандидатовъ), социалдемократія должна была, съ одной стороны, требовать отъ ищущаго въ поддержкѣ кандидата подписанія опредѣленныхъ условій; съ другой стороны, формулировать эти условія такъ, чтобы не исключить возможности принятія ихъ либералами. Какъ указываетъ „Vorwärts“ въ статьѣ, посвященной итогамъ выборовъ, (27 янв.), эти условія „были формулированы такъ, что являлись пріемлемыми для всякаго хотя бы полу-либерала“. Дѣйствительно, рѣшеніемъ Іенскаго партейтага отъ либеральныхъ кандидатовъ, ищущихъ поддержки рабочей партіи на перебаллотировкахъ, требовалось только обязательство бороться противъ усиленія податнаго бремени и таможеннаго протекціонизма и противъ новыхъ репрессивныхъ мѣръ въ области коалиціоннаго безправія и новыхъ ухудшеній избирательнаго права. Бросается въ глаза, что въ числѣ этихъ условій отсутствуетъ то, которое на прежнихъ выборахъ иногда ставилось во главу подобныхъ требованій, предъявляемыхъ къ буржуазнымъ кандидатамъ,—

именно требованіе отклоненія всяких законопроектвъ, усиливających милитаризмъ. Это упущеніе не случайно. Политическій опытъ показалъ партіи, что въ этомъ пунктѣ буржуазный либерализмъ вынужденъ быть непримиримымъ, ибо въ современной стадіи развитія мірового капитализма пріостановка вооруженій не соотвѣтствуетъ интересамъ ни одной изъ фракцій буржуазіи и не совмѣстима съ продолженіемъ существованія классоваго государства. Вслѣдъ за англійскимъ либерализмомъ и французскимъ радикализмомъ, и германское „свободомысліе“ склонило знамя передъ милитаризмомъ и империализмомъ. Но изъ этого факта германская социалдемократія не сдѣлала вывода о бесполезности для нея поддержки стремящагося къ власти либерализма. „Либералы“, читаемъ мы въ той же статьѣ „Vorwärts“, могутъ достигнуть власти, только модернизировавъ Германію и добившись большей свободы для развитія политическихъ силъ, но это лежитъ въ интересахъ и рабочаго класса“. Нѣмецкіе марксисты не боятся „сдѣлки“ либераловъ съ монархіей, если эта «сдѣлка» явится сдѣлкой о передачѣ доли власти наиболѣе прогрессивной части буржуазіи.

Болѣе того, „Vorwärts“ также констатируетъ, что это, сопровождающее приближеніе либеральной буржуазіи къ власти, проникновеніе ее милитаристскими и империалистскими тенденціями не только не затрудняетъ, но до извѣстной степени облегчаетъ ея отказъ отъ реакціонной тактики на выборахъ по отношенію къ социалдемократіи. До сихъ поръ и уже давно свободомыслящіе (не говоря уже о національ-либералахъ) на перебаллотировкахъ въ большинствѣ случаевъ позорно проводили реакціонеровъ, лишь бы не поддержать социалистовъ, чѣмъ способствовали сохраненію юнкерскаго господства въ рейхстагѣ. Нынѣ и партійные центры, и либеральная пресса и особенно массы либеральныхъ избирателей вели себя, въ общемъ, болѣе соотвѣтственно той цѣли, которую ставилъ себѣ либерализмъ—цѣли борьбы прежде всего за низверженіе черно-голубого блока. Конечно, и теперь національ-либеральный центръ далъ лозунгъ—не поддерживать социаль-демократовъ, а прогрессистскій, запретивъ своимъ сторонникамъ поддерживать на перебаллотировкахъ правыхъ и клерикаловъ, не сдѣлалъ отсюда логическаго вывода о поддержкѣ социалистовъ. Но прогрессистскія массы, часть мѣстныхъ организацій и прогрессистская печать этотъ выводъ сдѣлала и, за исключеніемъ 15—20 округовъ, въ которыхъ поддержаніе прогрессистскихъ избирателей помогло провалу социаль-демократовъ, послѣдніе могли констатировать относительно-пристойное поведеніе этой партіи на перебаллотировкахъ. Националь-либералы, въ общемъ, дальше нейтралитета при борьбѣ между правыми и социалистами не шли, а мѣстами ихъ организаціи рѣшительно поддерживали на перебаллотировкахъ кличъ правыхъ о блокѣ бюргерскихъ партій противъ социалистовъ; однако, ихъ массы подчасъ спасали положеніе, голосуя за социалдемократовъ, благодаря чему послѣдними, между прочимъ, были взяты обѣ твердыни центра Кельнъ и Дюсельдорфъ; въ Баваріи же и Баденѣ сама національ-либеральная партія на перебаллотировкахъ официально поддерживала социалистовъ. „Не радикализацией либераловъ, говоритъ, „Vorwärts“, а, напро-

тивъ, ихъ уклономъ въ сторону имперіализма и великодержавной политики... объясняется острота, съ которой на этотъ разъ либералы выступили противъ консерваторовъ и клерикаловъ. Только потому, что полуабсолютистская система ихъ отталкиваетъ отъ власти, они не встали на этотъ разъ (или, по крайней мѣрѣ, не встали вполне) на путь избирательной поддержки реакціонеровъ“.

Какъ мы видѣли, германская социалдемократія, съ своей стороны, постаралась облегчить или не старалась затруднить либераламъ этотъ поворотъ къ болѣе послѣдовательной выборной тактикѣ. Обусловивъ свою поддержку вышеуказанными скромными условіями, она какъ бы сама взяла на себя починъ заключенія того неоформленнаго боевого соглашения между либеральной буржуазіей и пролетаріатомъ, которое было необходимо для сверженія юнкерскаго большинства въ Палатѣ. Нечего, кажется, прибавлять, что нѣмецкимъ марксистамъ эта тактика отнюдь не представляется оппортунистскимъ уклономъ отъ борьбы съ буржуазіей въ цѣломъ. Конечно, замѣчаетъ „Vorwärts“, классовыя противорѣчія обостряются и различія между имущими партіями сглаживаются. Но „отнюдь не можетъ быть задачей социалдемократической тактики *ускорить это сплоченіе (буржуазіи) искусственными средствами*. Когда оно происходитъ благодаря социальному развитію, когда либеральныя партіи, въ угоду классовымъ интересамъ капиталистовъ, колеблются и сами переходятъ въ лагерь реакціи, это событіе дѣйствуетъ просвѣтляющимъ образомъ на сознаніе и доставляетъ намъ новыхъ послѣдователей. Если бъ же либералы могли сослаться на то, что мы не поддержали ихъ, когда они были готовы бороться съ реакціей, и что, лишь повинувшись необходимости и спасая свое представительство въ рейхстагѣ, они были вынуждены принять выборное соглашеніе съ консерваторами, то мы бы несли за это отвѣтственность въ глазахъ еще не завоеванныхъ нами пролетарскихъ и близкихъ къ пролетаріату слоевъ“.

III

По общему признанію, главнымъ побѣдителемъ на выборахъ является социалдемократическій пролетаріатъ. Его партія собрала 4.250.000 голосовъ—34,8% всего числа голосовавшихъ, на миллионъ больше, чѣмъ въ 1907 году. Она на первыхъ же выборахъ завоевала себѣ 64 мандата (въ 1907 году всего 29). Въ результатѣ перебаллотировокъ с.-д. фракція насчитываетъ 110 членовъ (вмѣсто 43 въ 1907 году) и является самой многочисленной фракціей рейхстага.

Приростъ поданныхъ за партію голосовъ приблизительно равенъ приросту числа избирателей за истекшее пятилѣтіе. Въ 1907 году изъ 100 голосовавшихъ 29 высказались за социалдемократію, въ 1912 году—35. Число сторонниковъ социалдемократіи выросло за этотъ промежутокъ времени на 30%.

Напротивъ, партіи реакціонныя потеряли около 300.000 голосовъ (4.638.000 въ 1907 и 4.333.000 въ 1912 г.) или 7% своего состава. Въ 1907 году изъ 100 голосовавшихъ на ихъ долю приходилось 42, въ 1912—всего 36. Всѣ вмѣстѣ,—кои-

серваторы, имперская партія, центръ, антисемиты и пр.,—теперь достигаютъ лишь численной силы социалдемократіи. При этомъ половина общей потери досталась на долю „несокрушимаго“ католическаго центра: онъ потерялъ 167.000 голосовъ изъ 2.179.000, собранныхъ въ 1907 году.

Либеральныя партіи выиграли отъ разгрома реакціи, хотя и не далеко такъ много, какъ социалдемократы (последніе, какъ мы видѣли, возрасли на 30%, первые—на 13%). Въ 1907 году имъ принадлежало 26 избирателей изъ 100, нынѣ—29. При этомъ сила націонал-либераловъ осталась почти безъ перемѣнъ (1.637.000—1.671.000) и почти весь либеральный приростъ выпалъ на долю прогрессивовъ (1.234.000—1.556.000).

Этотъ ростъ силы либерализма объясняется его болѣе прежняго рѣшительнымъ выступленіемъ противъ господствующей реакціи, создавшей въ Германіи за 5 лѣтъ до 1½ милліона новыхъ, недовольныхъ избирателей. Часть этого прироста недовольныхъ вступила въ „чистилище“ либерализма вмѣсто того, чтобы прямо переходить подъ знамя социалдемократіи. Очевидно, германскому либерализму предстоитъ пережить еще нѣкоторый періодъ подъема его популярности. Менѣе всего, поэтому, проницательности проявилъ авторъ статьи въ № 1 „Звѣзды“ (П. Салинъ), когда попытался извлечь урокъ изъ данныхъ о выборахъ 12 января.

Тѣ изъ нѣмецкихъ марксистовъ, говоритъ П. Салинъ, „кто все еще вѣритъ въ существованіе либеральной, прогрессивной и оппозиціонной буржуазіи, тѣ переживаютъ разочарованіе. Такой буржуазіи, какъ показали выборы, не существуетъ. Прогрессивная буржуазія, будучи со всѣхъ сторонъ прижата юнкерами и клерикалами, имѣла всѣ данныя для того, чтобы съ ними порвать и реабилитировать себя демократическими реформами. Оптимисты думали, что организація ганзейскаго союза и какъ будто полная реорганизація партіи свободомыслящихъ—суть показатели того, что партія пошла влѣво. Такъ думали они... А жизнь показала другое. Лѣвые либералы тоже втянулись въ политику имперіализма, протекціонизма, косвенныхъ налоговъ и политическихъ репрессій и, наконецъ, превратились въ просто ненужный и безгласный придатокъ коалиціи юнкеровъ... Такъ безславно и безцвѣтно умеръ нѣмецкій либерализмъ. И, конечно, навсегда. Ибо развитіе капитализма все болѣе и болѣе увеличивая и обостряя классовыя противорѣчія“ и т. д.

Сдается, что П. Салинъ свои собственные „переживанія“ приписываетъ „нѣмецкимъ марксистамъ“. Мы, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не встрѣчали свидѣтельства о томъ, чтобы они „разочаровались“ въ выборахъ съ этой стороны. Изъ статьи „Vortwärts“ а читатель уже видѣлъ, что нѣмецкіе марксисты далеки отъ мысли считать 12-ое января 1912 года днемъ „смерти“ германскаго либерализма и считать его роль въ послѣднихъ выборахъ ролью „ненужнаго придатка коалиціи юнкеровъ“. Каутскій же въ статьѣ въ № 17 „Neue Zeit“ констатируетъ на основаніи выше приведенныхъ цифръ, что лѣвое крыло либерализма (прогрессивисты) проявило на этихъ выборахъ нѣкото-

рую „пропагандистскую силу“—способность вербовать себѣ новыя массы.

Вліяніе либерализма на опредѣленные слои народа не ослабѣло, благодаря развитію социальныхъ противорѣчій, а, напротивъ, усилилось, какъ явствуетъ изъ итоговъ выборовъ—именно потому, что за результаты этого развитія отвѣтственность въ глазахъ народныхъ массъ падаетъ на юнкерство, держащее въ рукахъ своихъ государственную власть. Лишь „модернизироваіііе“ Германіи, поставивъ у власти буржуазію, какъ классъ, сдѣлаетъ то, что каждый шагъ въ дальнѣйшемъ обостреніи общественныхъ противорѣчій будетъ безповоротно разлагать буржуазную демократію.

На ближайшій же періодъ времени политическое положеніе нѣмецкаго либерализма стало очень выигрышнымъ, несмотря на постигшую его потерю части мандатовъ. Правительство теперь не можетъ управлять безъ помощи либераловъ, и отъ нихъ самихъ же зависитъ не дать ему этой помощи за безцѣнокъ.

„Мы достигли, замѣчаетъ Мерингъ (Neue Zeit, № 18), того что можно достичь на почвѣ буржуазнаго парламентаризма: низверженія опаснѣйшихъ враговъ и ихъ замѣны либеральными партіями, которыя должны проложить намъ путь или тѣмъ, что дѣйствительно, проведутъ демократизацію государства, или тѣмъ, что проявятъ свою неспособность къ этому и тѣмъ сами устроятся съ нашей дороги. Большаго мы на парламентской почвѣ достигнуть не можемъ, ибо послѣднее рѣшеніе лежитъ въ другой плоскости“.

IV

Самое минимальное, что либералы, завоевавъ съ помощью рабочихъ власть, должны будутъ провести въ области „демократизаціи государства“, это—избирательную реформу въ Пруссіи и новое, болѣе равномерное, распредѣленіе избирательныхъ округовъ при выборахъ въ рейхстагъ. То и другое они должны провести, чтобы обезпечить себѣ тылъ, чтобы сломить основы парламентскаго господства вытѣсняемаго буржуазіей, но цѣпляющагося за власть, класса юнкеровъ. Но та и другая реформа приведутъ къ усиленному росту представительства социал-демократіи въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Неудержимый ростъ социалистическихъ голосовъ рисуется уже недалекую перспективу завоеванія партіей парламентскаго большинства. Если до наступленія этого момента какой-нибудь внѣшній толчокъ не ускоритъ развязку, она станетъ неизбежной тогда, когда существенныя политическія орудія современнаго государства окажутся въ рукахъ враждебнаго ему класса. И, разумѣется, рѣшеніе конфликта, въ конечномъ счетѣ, произойдетъ не на парламентской аренѣ.

Забвеніе этой истины уже диктуетъ, повидимому, нѣмецкимъ ревизионистамъ новые хитроумные планы обойти трудности предстоящаго пролетаріату пути посредствомъ тонкихъ парламентскихъ комбинацій. На партійномъ собраніи въ Штутгартѣ вновь избранный депутатъ Гильдебрандтъ говорилъ о вытекающей изъ избирательной побѣды лѣвыхъ необходимости

измѣнить отношеніе парламентской фракціи къ правительственнымъ предложеніямъ (очевидно, имѣются въ виду тѣ предложенія компромисснаго характера, которыми, какъ можно предвидѣть, правительство въ извѣстный моментъ попытается удовлетворить буржуазную оппозицію и которыя могли бы провалиться, при одновременномъ голосованіи противъ, крайнихъ правыхъ и социалистовъ). Однако, нѣмецкая социалдемократія всегда проявляла совершенно достаточно практическаго смысла, чтобы голосовать за всякую реформу, приносящую хотя бы небольшое улучшение трудящимся массамъ... если, конечно, такое улучшение не окупается одновременнымъ и большимъ ухудшеніемъ въ другой области или затрудненіемъ дальнѣйшей борьбы рабочаго класса. Приглашенія перейти эту границу въ дѣлѣ парламентской „положительной работы“ и своими голосованіями содѣйствовать тому, чтобы приближеніе либераловъ ко власти было куплено наиболѣе дешевой для послѣднихъ и для монархіи цѣной, были бы равносильны предложенію повторить въ Германіи французскій опытъ „сотрудничества классовъ“, итоги которому уже недвусмысленно подведены исторіей.

Вполнѣ естественно, что самая громадность избирательныхъ успѣховъ партіи и сильное впечатлѣніе, произведенное разгромомъ черно-голубого блока, должны въ нѣкоторыхъ кругахъ рабочихъ вызвать преувеличенныя надежды на возможность непосредственной реализаціи плодовъ одержанной побѣды. Отраженіемъ такого настроенія явится подъемъ ревизионистской активности. Предчувствуя его, Мерингъ въ упомянутой статьѣ считаетъ нужнымъ предостерегать отъ переоцѣнки значенія парламентской побѣды лѣвыхъ.

Тактическіе споры внутри партіи должны будутъ, по всей вѣроятности, возгорѣться съ новой силой. Гарантіей противъ того, что эти споры не ослабятъ партію политически и не собьютъ ея съ той дороги, по которой она до сихъ поръ шла отъ побѣды къ побѣдѣ, служить то обстоятельство, что ея организація растетъ и крѣпнетъ еще сильнѣе, чѣмъ ея избирательное могущество. Въ самомъ дѣлѣ: во время послѣднихъ выборовъ одинъ организованный приходился на 7 голосующихъ за партію, теперь же число членовъ партіи составляетъ всего одну пятую ихъ.

Политическая организація такого объема (до 800 тыс. членовъ) не можетъ быть не только уничтожена механическимъ давленіемъ, она не можетъ быть и сбита съ пути отстаиванія интересовъ представляемаго ею класса.

Л. Мартовъ.

Р. S. Первые же битвы въ новомъ рейхстагѣ дали яркое подтвержденіе коренной перемѣны, происшедшей въ политическомъ положеніи. Не только разбитъ правый аграрно-клерикальный блокъ, но и создается дѣйствительная концентрація всѣхъ буржуазно-прогрессивныхъ элементовъ страны вокругъ рабочей пар-

ти. Эта концентрація еще только начавшийся процессъ она совершается въ борьбѣ враждебныхъ тенденцій и противоположныхъ вліяній, ея развитие можетъ и, навѣрное, будетъ обрывать моменты попятнаго движенія; но почва для такого политическаго процесса имѣется и въ теченіе опредѣленнаго историческаго періода подъ ея знакомъ будетъ развиваться политическая жизнь Германіи. Внимательное изученіе этой жизни и особенно того, какъ германская рабочая партія считается съ этимъ новымъ положеніемъ и примѣняетъ къ нему свою тактику является насущнымъ дѣломъ для социалистовъ, работающихъ на западѣ и на востокѣ отъ германской имперіи. Если первымъ представится случай научиться тому, какъ можно и должно „сотрудничать“ съ буржуазной демократіей и заниматься „положительной работой“, не покидая почвы классовой борьбы и не ограничивая политическую самостоятельность рабочей партіи, то вторые смогутъ, наконецъ, убѣдиться въ томъ, что тактика „толканія впередъ“ стремящейся ко власти буржуазіи въ странахъ, гдѣ завоеваніе ея власти есть еще нерѣшенная проблема, логически вытекаетъ изъ тѣхъ самыхъ „нѣмецкихъ“ методовъ и принциповъ, которые базируются на марксистской такъ называемой ортодоксіи.

Здѣсь мы пока остановимся лишь на эпизодѣ съ выборомъ президіума новаго рейхстага.

Соціалъ-демократы заявили съ самаго начала, что они готовы вступить въ соглашеніе со всѣми оппозиціонными партіями при составленіи бюро. Далѣе, они заявили, что отказываются отъ формально принадлежащаго имъ права получить, въ качествѣ наиболѣе многочисленной изъ оппозиціонныхъ партій, мѣсто президента рейхстага. Ибо, заявили они, въ качествѣ партіи анти-буржуазной, они составляютъ лишь меньшинство рейхстага, а потому социалъ-демократъ не могъ бы представлять это учрежденіе, какъ цѣлое. Такая мотивировка отказа отъ кандидатуры на постъ президента ярко подчеркивала классовую обособленность партіи.

Но, отказываясь стоять во главѣ президіума, социалъ-демократы согласились войти въ его составъ на правахъ меньшинства и требовали себѣ мѣсто перваго вице-президента, причемъ заявили, что, если буржуазная оппозиція обязуется голосовать за выставленнаго ими кандидата, то они, въ свою очередь, будутъ голосовать за національ-либерала при выборахъ президента и за свободомыслящаго (прогрессиста) при выборахъ 2-го вице-президента.

До сихъ поръ социалдемократія своихъ представителей въ бюро рейхстага не имѣла. Но не потому, чтобы она считала для себя невозможнымъ участвовать въ президіумѣ. Напротивъ. Еще въ 1903 г. она требовала для себя мѣста въ бюро, а въ рядѣ ландтаговъ (напр., въ Саксонскомъ) ея представители уже являлись вице-президентами. Но до сихъ поръ всѣ буржуазныя партіи рейхстага ставили условіемъ избранія социалъ-демократа обязательство съ его стороны участвовать во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ обычно полагается парадировать бюрократизованному представительству рейхстага. Социалъ-демократы неизмѣнно отвѣчали, что ихъ представитель будетъ уча-

ствовать во всѣхъ актахъ, предписанныхъ конституціею, но только въ нихъ; слѣдовательно, не будетъ являться на „пріемы“. Буржуазныя партіи, въ виду этого, отказывались выбирать социаль-демократа.

Совершенно тоже заявили социаль-демократы въ новомъ рейхстагѣ, и прямую неправду, поэтому, утверждала „Рѣчь“, когда рассказывала своимъ читателямъ, будто бы социаль-демократы подчинились „церемониальнымъ“ условіямъ буржуазныхъ партій и видѣла въ этомъ якобы-фактѣ якобы-доказательство якобы-начавшагося и несомнѣнно „предсказаннаго“ русскими либералами торжества ревизионизма въ германской партіи.

Прогрессисты на этотъ разъ удовлетворились отвѣтомъ с.-д. У національ-либераловъ сразу же обнаружилось разногласіе. Лѣвое крыло готово было послѣдовать примѣру прогрессистовъ. Правое упорствовало въ старомъ требованіи. Но съ самаго же начала было видно, что „не въ шитьѣ тутъ сила“ для національ-либераловъ праваго крыла. Ибо, логикѣ вопреки, они предлагали, тѣмъ не менѣе, социаль-демократамъ мѣсто второго вице-президента. Мѣсто же перваго предлагали дать представителю центра или консерваторовъ. Суть, слѣдовательно, была въ томъ, чтобы не было лѣваго президіума, чтобы была въ составѣ бюро вновь восстановлена связь между всѣми буржуазными партіями. Националь-либералы къ соглашенію не пришли и отвѣта на запросъ не дали. Тогда социаль-демократы съ чисто демонстративной цѣлью выставили на постъ президента кандидатуру Бебеля. Прогрессисты и національ-либералы голосовали за нац. либерала Шейнаха Каролата, правый блокъ—за Шпана (клерикаль). Либеральный кандидатъ, получивъ всего 88 голосовъ и проманифестировавъ безнадежную слабость либерализма, когда онъ выступаетъ противъ социаль-демократіи, выпалъ изъ перебаллотировки, которая должна была происходить между Шпаномъ и Бебелемъ, Либералы были поставлены передъ роковой дилеммой выбирать между политической гегемоніей реакціи и политической гегемоніей социаль-демократіи. Къ всеобщему изумленію, 65 либераловъ изъ 90—т. е. всѣ прогрессисты и большая половина національ-либераловъ—голосовали за Бебеля, получившаго 176 голосовъ, всего на 22 меньше, чѣмъ Шпанъ.

Избраніе Шпана, вождя реакціи на постъ президента вновь толкнуло національ-либераловъ влѣво. При выборахъ перваго вице-президента они уже всѣ голосовали за с.-д. Шейдемана и онъ былъ избранъ. Вторымъ вице-президентомъ избранъ былъ Пааше національ-либераль.

Тогда реакціонеры сдѣлали удачную попытку оказать давленіе на либераловъ. Шпанъ заявилъ, что отказывается засѣдать въ бюро съ социаль-демократомъ, да еще такимъ, который однажды въ парламентской рѣчи говорилъ о „традицїи клятвеннопреступленийъ въ династіи Гогенцоллерновъ“. Отставкой Шпана реакціонеры и правительство форсировали процессъ броженія въ національ-либеральной партіи, среди вліятельныхъ круговъ которой уже началась тревога по поводу подчиненія фракціи социаль-демократической гегемоніи. Фракція, дѣйствительно струсила и заставила подать въ отставку Пааше, который, къ чести его, не хотѣлъ совершить этого акта политическаго самоубійства, озна-

чавшаго, что національ-либералы не хотят принимать на себя ответственности за исключеніе аграріевъ изъ парламентскаго большинства.

Въ результатѣ создавшагося кризиса прогрессистамъ пришлось взять на себя посты и президента, и второго вице-президента, а національ-либераламъ—съ новымъ нарушеніемъ логики—голосовать за обоихъ прогрессистскихъ кандидатовъ. Получилось совершенно лѣвое бюро, но, такъ какъ это бюро считается лишь временнымъ и черезъ мѣсяцъ предстоитъ перевыборы для окончательнаго конституирования президіума, то національ-либералы еще имѣютъ время и возможность „исправить“ дѣло и, проваливъ Шейдемана, создать бюро вмѣстѣ съ правительственными партіями. Правые и правительство всячески ихъ къ этому поощряютъ, дѣйствуя подчасъ даже черезчуръ грубо, а потому неловко. Крупно-капиталистическія національ-либеральныя сферы ведутъ ожесточенную агитацію за соглашеніе съ правыми. Но послѣднее слово во всей этой исторіи еще не сказано, ибо недостаточно „выкинуть“ социаль-демократію изъ президіума, надо еще примириться съ тѣмъ, что въ благонамѣренномъ бюро должны будутъ отказаться участвовать прогрессисты и, слѣд., бюро будетъ въ большинствѣ аграрно-реакціоннымъ. На такую сдѣлку многіе національ-либералы въ данный моментъ пойти не рѣшатся.

Социаль-демократія проявила въ теченіи всей этой исторіи громадную выдержку и хладнокровіе. Иронически констатируя вліянія и измѣны національ-либераловъ, она всячески приветствовала каждый либеральный шагъ свидѣтельствовавшій о готовности прогрессистовъ или національ-либераловъ вести на дѣлѣ борьбу съ реакціей. Не скрывая того, что на будущихъ выборахъ президіума Шейдеманъ, вѣроятно, будетъ забалотированъ, она продолжала твердо стоять на своемъ пониманіи права члена президіума уклоняться отъ противорѣчащихъ его убѣжденіямъ актовъ. Какъ извѣстно, Шейдеманъ отказался явиться „представиться“ ко двору вмѣстѣ съ президентомъ Кемпомъ и вторымъ вице-президентомъ Дове, и въ отвѣтъ на этотъ актъ императоръ отказался вовсе принять бюро.

Это спокойное и достойное поведеніе партіи не только не привело къ ея изоляціи, но, напротивъ, подняло ея престижъ и укрѣпило ея положеніе среди оппозиціи рейхстага, поскольку, конечно, оно сопровождалось активной дѣятельностью фракціи въ дѣлѣ выработки той ближайшей платформы политическихъ требованій, на почвѣ которой она можетъ рассчитывать собрать вокругъ себя всю демократію, чтобы дать бой черно-голубой реакціи. Но объ этой сторонѣ ея тактики—въ другой разъ.

Л. М.

Изъ жизни.

Пѣтушномъ, пѣтушномъ...

Посѣтивъ въ Москвѣ университетъ и Третьяковскую галерею, англійскіе гости побывали и на ипподромѣ. Здѣсь членъ скакового общества Д. Д. Левшинъ произнесъ прочувствованную рѣчь, которая была покрыта восторженными криками „ура“. — „Здѣсь, въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, — говорилъ ораторъ, — сильно бьется пульсъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, между прочимъ, и въ конскомъ дѣлѣ. Онъ подсказываетъ историческія параллели сходства мыслей и стремленій съ дорогими гостями-англичанами“.

Это сказано не совсѣмъ грамотно. Но во-первыхъ, конское дѣло въ особенной грамотности и не нуждается. А во-вторыхъ, быть можетъ, вина лежитъ на не совсѣмъ грамотномъ репортерѣ „Русскаго Слова“. Во всякомъ случаѣ „историческая параллель сходства мыслей и стремленій“ заключается въ слѣдующемъ:

„Когда гениальный коннозаводчикъ гр. И. Г. Орловъ-Чесменскій задумалъ образовать свою новую породу рысака, впоследствии сдѣлавшагося также всемірно-извѣстнымъ и получившаго названіе „орловскаго“, — онъ пошелъ по стопамъ великихъ коннозаводчиковъ Англійи и обратился къ тому же первоисточнику, къ какому въ свое время обращались и они, — къ арабской лошади. Кромѣ того, *въ основѣ орловскаго рысака, въ самомъ началѣ образованія его и впоследствии, не разъ была благородная кровь англійской лошади.* Здѣсь же, въ Москвѣ, гр. Орловъ, идя вслѣдъ за создателями англійской лошади, положилъ за главу угла усовершенствованіе своего рысака испытаніями“.

Это весьма отрадно, хотя, между прочимъ, въ разрѣзъ съ господствующимъ національнымъ курсомъ, открывается семитическое происхожденіе отечественной породы рысака. Но присутствующіе гости пришли въ восторгъ не столько потому, что въ жилахъ орловскихъ жеребцовъ течетъ англійская кровь, сколько потому, что „сближеніе, начатое между двумя народами, будетъ дѣлаться всестороннимъ и всеобщающимъ“. Тутъ то, въ этомъ мѣстѣ, рѣчь и была покрыта криками „ура“.

Сдѣлать переходъ отъ сближенія рысаковъ къ сближенію народовъ не такъ то легко, но когда это требуется по условіямъ времени, то сдѣлать это можно. Когда пріѣзжала къ намъ американская эскадра, то петербургскимъ Подхалимовымъ надо было сблизить русскій народъ и американскій. У г. Левшина,

дѣятеля на конскомъ поприщѣ, была, по крайней мѣрѣ, „историческая параллель“ жеребцовъ, но у Подхалимовыхъ и жеребцовъ не было. Тѣмъ не менѣе, въ оно время, „Петербургская Газета“ не смутилась и писала: „Вѣдь недаромъ указываютъ на многія національныя черты, общія русскимъ и американцамъ. Тѣхъ и другихъ роднитъ демократическій строй понятій, уваженіе къ практическому труду, живущая въ душѣ ширина захвата, мистическія стремленія, рядомъ съ выносливой дѣловитостью, и тяготѣніе къ землѣ рядомъ съ быстротой промышленнаго прогресса“. Всякому, однако, видно, что эта тирада есть чистѣйшее блудословіе, и если закажутъ Подхалимову статью о сближеніи съ нѣмцами, французами или испанцами, онъ у всѣхъ безъ труда отыщетъ „общія“ мистическія и иныя черты... Другое дѣло, историческая, конская параллель. Здѣсь не „мистическія“ черты, а факты. Еще у всѣхъ насъ на памяти талантливый англійскій рысакъ Гальтиморъ, который премного способствовалъ увеличенію русскаго лошадинаго потомства, еще не забыта печальная судьба талантливаго гальтиморова сына, который тоже много потрудился, но будучи опоенъ дошингомъ, сошелъ съ пути истиннаго. Это даетъ, дѣйствительно, основаніе полагать, что „сближеніе, начатое между двумя народами, будетъ дѣлаться всестороннимъ и всеобъемлющимъ“.

Изъ тысячи и одной рѣчи, произнесенной въ честь англійскихъ гостей, я выбралъ конскую рѣчь не потому, что она самая краснорѣчивая, а потому, что она наиболѣе типична. Предъ всѣми ораторами стояла задача: доказать, что у Россіи и Англій имѣются общіе культурные интересы, и что теперь самый подходящий моментъ для объясненія во взаимной любви. Одни ораторы говорили объ уваженіи къ традиціоннымъ основамъ политической жизни: англичане, молъ, уважаютъ, и мы уважаемъ. Другіе ораторы указывали на искусство, третьи на литературу, четвертые на самоуправленіе... Но припѣвъ у нихъ былъ одинъ и тотъ же: пора англичанамъ сблизиться съ русскими. И во всѣхъ рѣчахъ была нѣкоторая искусственность. Нѣмцы тоже уважаютъ традиціи, и наши собственные реакціонеры нарадоваться не могутъ на нѣмцевъ. У нѣмцевъ тоже есть искусство и литература, изъ которыхъ мы позаимствовали. Жеребцовъ, общихъ съ Германіей, у насъ правда, не было, но наши холмогорскія коровы тоже могутъ сослаться на нѣкоторую „историческую параллель“. За всѣмъ тѣмъ дружбы съ Германіей у насъ сейчасъ нѣтъ, а для дружбы съ англичанами назрѣлъ почему то самый подходящий моментъ... Почему? Вотъ отвѣта на этотъ вопросъ вы и не найдете въ тысячѣ и одной рѣчи, произнесенныхъ въ честь англичанъ, и поэтому чувствуется искусственность въ переходѣ отъ литературы, искусства и святыхъ традицій англійскаго народа къ необходимости русско-англійскаго сближенія. И въ конской рѣчи въ силу ея конскаго неприкрашеннаго содержанія всего яснѣе выступаетъ эта искусственность. Какъ ни отраднo, что въ жилахъ орловскаго рысака течетъ англійская благородная кровь, это, какъ хотите, еще недостаточное основаніе для сближенія народовъ.

Между тѣмъ такое основаніе, дѣйствительно, имѣется. Ко-

гда въ Тавризѣ доблестные русскіе казаки пороли нагайками редакторовъ либеральныхъ персидскихъ газетъ, а доблестные англійскіе офицеры и дипломаты взирали на это доброжелательно и невозмутимо, то создавалась естественная почва для взаимнаго сближенія и пониманія. Конечно, ни англійское искусство, ни англійская литература въ этомъ дѣлѣ не участвовали. Народы англійскій и русскій равнымъ образомъ имѣли къ этому дѣлу лишь то косвенное отношеніе, что дипломаты, офицеры и казаки вышли изъ народа, что нагайки и невѣжливое обращеніе съ редакторами суть плоды народной культуры. Можно оставить народы, искусство и литературу въ покоѣ. Но сближеніе, начатое между правительствами двухъ народовъ, дѣйствительно, можетъ сдѣлаться всестороннимъ и всеобъемлющимъ. Персидскія звѣрства только виѣшнее выраженіе общности нѣкоторыхъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, связывающихъ воинственную буржуазію Англій съ бюрократіей Россіи, и Персія „очищается“ для того, чтобы подготовить трансперсидскую дорогу. Какъ кричатъ и корчатся отъ боли персидскіе непокорные люди, пока лепечутъ вздорныя слова благочестивые англійскіе епископы и наглые русскіе октябристы, пока упиваются краснорѣчіемъ одураченные русскіе либералы и гордые коннозаводчики—подъ шумъ и звонъ трескучихъ фразъ идутъ потихоньку дѣловые разговоры о способахъ наилучшаго заграбастанія аппетитныхъ азіатскихъ кусковъ. Въ этомъ вся суть, для этого дѣла, сближающаго „народы“, созрѣлъ моментъ, и между общностью народовъ надо поставить трансперсидскую дорогу. Пока кричатъ и корчатся отъ боли персидскіе непокорные люди, почему пріѣхали англійскіе гости, почему пламенно вспыхнула любовь къ Англій даже въ полицейскомъ сердцѣ П. Дурново. Но, конечно, если поставить точку надъ і, и назвать своимъ именемъ истинныя причины англо-русскаго сближенія, то отпадетъ необходимость въ общности искусства, литературы, государственныхъ традицій и государственныхъ рысаковъ. Если англійскому капиталу нужны въ Персіи услуги русскихъ штыковъ, то дружба, конечно, наладится, хотя бы орловскіе жеребцы происходили отъ голландскихъ коровъ. Однако, какъ опера прежнихъ временъ немислима была безъ балета, такъ современный международный капиталистическій разбой немислимъ безъ хорошо поставленнаго балета „дружбы народовъ“. Пока за кулисами происходитъ сдѣлка, на сценѣ пейзажи и пейзажки пляшутъ и радостно „покрикиваютъ рѣчи“ криками „ура“. И чѣмъ громче вопятъ несчастные персидскіе или иные люди, пострадавшіе по случаю дружбы народовъ, тѣмъ громче и торжественнѣе должно звучать это народное „ура“....

Все это не ново, и все это прекрасно извѣстно. Въ частности, балетный характеръ англо-русской дружбы народовъ и истинная подкладка ея были подчеркнуты въ Англій на митингахъ и отказомъ лѣвыхъ элементовъ участвовать въ делегации. Тѣмъ не менѣе англійскіе епископы, придворные кавалеры, благородные лорды и свѣтскія дамы отправились въ Россію, чтобы засвидѣтельствовать ей свою любовь, всѣ такіе чистые, гуман-

ные, культурные и образованные, что наиболѣе скептическіе умы должны были забыть и персидскіе ужасы, и персидскіе интересы. Совершенно естественно, что и у насъ нашлось достаточное количество лицъ, желающихъ инсценировать дружбу народовъ. Октябристы и націоналисты влюбились въ Англію не только потому, что это соответствовало видамъ начальства. Это соответствовало и ихъ собственнымъ видамъ, такъ какъ открывало дорогу этимъ господамъ въ „лучшій домъ“ Европы, давало признаніе конституціонализму и культурности гг. Родзянко, Балашева и Гучкова.

Такъ бы это дѣло и могло остаться семейнымъ дѣломъ. Англійскіе благородные сэры ѣздили бы съ визитами къ благороднымъ русскимъ сэрамъ, произносились бы рѣчи на обѣдахъ, и до всего этого словоизліянія никакого дѣла не было бы русскому прогрессивному обществу. Народъ все равно безмолвствуетъ по усвоенной традиціи... Случилось, однако, не такъ. Случилось нѣчто, въ высокой степени нелѣпое. Къ восторгамъ благородныхъ сэровъ присоединились восторги буржуазной интеллигенціи и учащейся молодежи. Въ балетѣ „дружба народовъ“ приняли добровольно участіе прогрессивные элементы общества, сбитые съ толку кадетской печатью. Въ университетѣ и на женскихъ высшихъ курсахъ студенты и курсистки „покрывали криками“ рѣчи объ единствѣ искусства и науки и о сближеніи народовъ, рѣчи, построенныя по типу приведенной выше конской рѣчи. Хотя у студентовъ и курсистокъ нѣтъ основаній любить англичанъ больше, чѣмъ нѣмцевъ, французовъ и испанцевъ, но эта счастливая учащаяся молодежь, находящаяся нынѣ почти всецѣло на рукахъ дядекъ-кадетскихъ профессоровъ, и не задавалась вопросомъ, почему именно англичанъ полагается сейчасъ любить, и въ какомъ отношеніи эта страстная любовь находится къ событіямъ въ Персіи.

Есть у кадетовъ стиличныхъ и, въ частности, у „Рѣчи“, знакомая страстишка—къ приему иностранныхъ гостей. Отнюдь не къ кадетамъ эти гости пріѣзжаютъ, и когда они пріѣзжаютъ, не всегда Милюковъ къ обѣду бываетъ приглашенъ. Но хотя и въ затрапезномъ ходятъ кадеты одѣянніи, хотя за столомъ у нихъ больше по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ, хотя обносятъ ихъ блюдами,—но не могутъ они не сіять, когда пріѣзжаютъ иностранные гости. Такая ужъ это рабья натура. Вѣдь, вотъ, не къ Бобчинскому пріѣзжалъ въ гости ревизоръ. Бобчинскому, собственно, никакого дѣла не было до ревизора. Бобчинскій—помѣщикъ, быть можетъ, дворянинъ, независимое лицо... Однако, въ какое волненіе пришелъ Бобчинскій, когда узналъ о пріѣздѣ ревизора... „Ничего, ничего, а такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелку-то, въ дверь этакъ посмотреть“. И бѣжалъ за дрожками, и за дверью стоялъ, подслушивалъ.

Еще когда пріѣзжалъ въ Петербургъ германскій кронпринцъ, „Рѣчь“ величественно заявила: „Петербургъ приметъ гостей въ позѣ, достойной великаго народа“. И тогда многіе удивлялись, откуда у „Рѣчи“ такое знаніе достойныхъ позъ. Гдѣ и когда успѣли кадеты научиться приему кронпринцевъ?

Впрочемъ, тогда же выяснилось, что на дрожкахъ Миллюкову мѣста не нашлось, и онъ пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣгалъ за дрожками. Потомъ пріѣзжала американская эскадра, и снова „Рѣчь“, ставъ у дверей, широкимъ гостепрѣимнымъ жестомъ пригласила моряковъ:

— Добро пожаловать!

Но это только „Рѣчи“ казалось, будто у нея очень красивая и достойная поза. А со стороны посмотрѣть, это былъ все тотъ же пѣтушокъ, пѣтушокъ...

Нынѣ, едва переѣхали границу англійскіе гости, „Рѣчь“ пришла въ чрезвычайное волненіе, какъ будто гости ѣхали не къ октябристамъ и націоналистамъ, а къ кадетамъ. По чловѣчеству понятно, и, если хотите, извинительно такое волненіе. Поймите, какъ изстрадались, какъ истосковались по хорошему, фультурному обращенію наши кадеты. Октябристы держатъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, ихъ, которые привыкли именовать „друзьями“ лучшихъ людей англійской буржуазіи. И вдругъ, эти друзья появляются здѣсь, и есть возможность пережить хотя бы временно, хотя бы только во время обѣда, иллюзію политической власти, дипломатическаго вліянія. Чтобы показаться передъ гостями въ наилучшемъ видѣ, и октябристы какъ-то мягче относятся къ кадетамъ. Надо же показать, что не варвары руководители господствующей партіи... Словомъ, у кадетовъ были основанія думать, что на этотъ разъ для нихъ найдется мѣсто на дрожкахъ, и не придется бѣгать пѣтушкомъ, пѣтушкомъ...

Увы, они ошиблись! И на этотъ разъ они бѣгали за дрожками, и пога гости посѣщали національный клубъ, редакцію „Новаго Времени“, кадеты стояли за дверями на манеръ Бобчинскаго. Въ балетѣ „дружба народовъ“, разыгранномъ англичанами какъ по нотамъ, кадетамъ выпала смѣшная и жалкая роль. Они были, кажется, единственные, которые пытались серьезно принять балетную жизнь за дѣйствительную, серьезно пили вино изъ бутафорскихъ кубковъ, размахивали деревянными мечами. Въ общей массѣ дѣйствующихъ лицъ они терялись. Еще до пріѣзда делегации они обѣщали, что внесутъ въ пріемъ „свое“. Но, конечно, ничего не внесли своего, а единственное выступленіе, при которомъ они проявили себя замѣтнымъ образомъ,— было самымъ жалкимъ и смѣшнымъ моментомъ пріема.

Этому обѣду „Рѣчь“ придавала значеніе чрезвычайное. Для рѣчей, произнесенныхъ тамъ, была отведена цѣлая страница газеты, и—Боже мой!—какъ беззащитно лгали и хозяева и гости на этомъ обѣдѣ. Изъ ста тысячъ звонкихъ и пустыхъ словъ трудно найти тысячу словъ простыхъ, глубокихъ и искреннихъ. Это была демонстрація пацифизма и конституціонализма, при чемъ октябристы, почти въ тотъ же день отвергнушіе запросъ о дѣлѣ втородумцевъ с. д., клялись въ вѣрности конституціонализму, а посланцы имперіалистической буржуазіи распинались въ своей преданности международному миру. Сыпались пошлые афоризмы, изъ которыхъ такой: „всѣ націи—единое сердце міра“—былъ еще не самымъ пошлымъ. О Персіи не было сказано почти ни единого слова... Нѣтъ, хуже! Было сказано слово, которое должно было больнѣе всякой пощечины ударить либе-

ральныхъ говоруновъ. „Много сомнѣній и огорченій вызвали событія въ Персіи, — говорилъ прогрессистъ И. Н. Ефремовъ, — многое происходило тамъ не такъ, какъ бы мы того хотѣли; и здѣсь намъ остается только высказать надежду, что дружныя усилія обоихъ нашихъ правительствъ, если они будутъ прислушиваться къ общественному мнѣнію обѣихъ странъ, приведутъ въ концѣ концовъ къ восстановленію въ конституціонной Персіи порядка и свободы, равно необходимыхъ въ интересахъ какъ Англій, такъ и Россіи“. Этими казенными, пустыми и лицемѣрными словами господа пацифисты отдѣлались отъ Персіи. Память о ней больше не омрачала дружескаго обѣда.

Истинную цѣну всей этой словесной дребедени показали простыя, грубыя, но искреннія слова генерала Витона. На слѣдующій день вся печаль трубила объ этихъ невзначай брошенныхъ словахъ съ военной угрозой Германіи, и самымъ безжалостнымъ образомъ была забыта колоссальная куча пацифистскихъ словъ. Участники обѣда, впрочемъ, остались весьма довольны другъ другомъ, и даже „Свѣтъ“ остался доволенъ Милоковымъ. „Свѣтъ“ нашелъ, что Милоковъ „исправился и заговорилъ какъ добрый русскій патріотъ“. Можно сказать, съ другой стороны, что г. Родзянко и Дурново говорили почти какъ добрые русскіе кадеты. Это былъ свѣтлый и радостный моментъ, когда Милоковъ сидѣлъ на дрожкахъ рядомъ съ Родзянко, сидѣлъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто никогда ему не приходилось бѣгать пѣтушкомъ-пѣтушкомъ.

Но это былъ и единственный такой моментъ. Все прочее время „Рѣчь“ пробавлялась тѣмъ, что старалась въ конституціонномъ смыслѣ истолковывать рѣчи и замѣчанія гостей. Ахъ, какъ она трудилась во славу русской свободы, и какой это былъ большой трудъ! Англичане помнили, что пріѣхали они въ гости къ націоналистамъ и держали себя осторожно. „Рѣчь“ ловила отдѣльные выраженія и намеки, и часто ея препирательства по этому поводу съ „Новымъ Временемъ“ напоминали діалогъ Марьи Антоновны и Анны Андреевны.

— Я, однако жъ, гостямъ очень понравилась, — говорила „Рѣчь“. — Я замѣтила — все на меня поглядывали.

— Ахъ, дорогой г. Милоковъ, — возражало насмѣшливо „Новое Время“, — они на меня глядѣли!

— Право, на меня смотрѣли! — настаивала „Рѣчь“. — И какъ начали говорить о литературѣ, то взглянули на меня, и потомъ, когда предлагали смягчить полицейскія ограниченія въ промышленности, и тогда посмотрѣли на меня.

— Ну, можетъ быть, одинъ какой нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А“, говорятъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!“

Увы, правда на сторонѣ „Новаго Времени“. Но на добросовѣстности кадетовъ это пренебрежительное отношеніе англичанъ не сказывалось. Усердно бѣгали пѣтушкомъ, пѣтушкомъ либеральные депутаты и профессора, видя въ этомъ особую политическую миссію, олицетворяя единеніе народа безъ различія партій. И слѣдомъ за профессорами и депутатами забѣгала прогрес-

сивная интеллигенція и учащаяся молодежь, забѣгала радостно, оживляя своими юношескими голосами казенный балетъ „дружба народовъ“ ...

И стояли, вѣроятно, за кулисами дипломаты, дѣльцы и авантюристы, въ чьихъ интересахъ затѣяна была комедія, и насмѣшливо улыбались, наблюдая радостную возню одураченного русскаго либерализма.

А. ЛЮТОВЪ.

Политическое обозрѣніе.

„Обструкція“ нашей верхней палаты.

Одно изъ первыхъ засѣданій Государственнаго Совѣта въ 1912 г. закончилось такимъ краснорѣчивымъ заявленіемъ его предсѣдателя: „Что касается слѣдующаго засѣданія, господа, то опредѣлить день его я не въ состояннн, такъ какъ не имѣю въ своемъ распоряженнн ни одного дѣла, готоваго къ слушанню въ общемъ собраннн Гос. Совѣта“. Нашей верхней палатѣ, такимъ образомъ, просто нечего дѣлать! Приняли финляндскій законопроектъ, который, кстати сказать, на слѣдующій-же день удостоился утвержденія, признали послѣ долгихъ колебаній отмѣну наказанія рабочнхъ за самовольный отказъ отъ работы—и забастовали. Посидѣли день-другой—и нѣтъ уже ни одного дѣла, готоваго къ слушанню въ общемъ собраннн. И это—несмотря на то, что отмѣнены были рождественскіе каникулы, чтобы дать возможность Совѣту подогнать свои работы!

Такою исключительною продуктивностью отличалась дѣятельность Совѣта за все время его существованія. Если вообще верхняя палата имѣютъ цѣлью сдерживать реформаторскій пылъ нижнихъ палатъ и охранять по возможности неприкосновенность существующаго соціально-политическаго строя, то нашъ Госуд. Совѣтъ можетъ выполнить эту задачу въ совершенствѣ. Составленный въ одной половинѣ изъ духовенства и старыхъ бюрократовъ—членовъ по назначенню, а въ другой изъ выборныхъ представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнн и промышленности, онъ собралъ въ себѣ элементы, какъ разъ наиболѣе пригодные для противодѣйствія всякимъ реформаторскимъ стремленнямъ, въ томъ числѣ даже преобразовательнымъ потугамъ третьей Думы. Въ его составѣ счастливо сочетались служилое поземельное дворянство съ неслужилымъ дворянствомъ же

и съ представительствомъ торгово-промышленныхъ организацій, отражающихъ интересы крупнаго торговаго и промышленнаго капитала, т. е. тѣ группы, съ которыми старый порядокъ всего охотнѣе соглашается подѣлить свою власть. Если говорить о русской „конституціи“, то начало „представительства“ нужно видѣть скорѣе въ Госуд. Совѣтѣ, обладающемъ извѣстной властью, чѣмъ въ безвластной думѣ. Именно потому, что въ Совѣтѣ собраны реакціонные элементы, готовые охранять устои стараго режима, онъ надѣленъ властью и власть эта чувствуется, въ то время, какъ Дума, даже въ рамкахъ третьейюньскаго избирательнаго закона, остается подъ подозрѣніемъ, какъ построенная на представительствѣ противорѣчивыхъ интересовъ, не всегда совпадающихъ, и, чѣмъ дальше, тѣмъ все менѣе совпадающихъ съ интересами правящаго блока. Соответственно съ этимъ и тактика Госуд. Совѣта не всегда остается постоянной, и, во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя сказать, что онъ „неработоспособенъ“ по своей натурѣ и негоденъ для скорого прохожденія законопроектовъ. Финляндскіе законопроекты, проектъ о выкупѣ варшаво-вѣнской дороги, законъ 9 ноября, проектъ землеустройства прошли черезъ Совѣтъ сравнительно быстро и подчасъ даже быстрѣе, чѣмъ черезъ Думу. Но эта участь постигла тѣ законопроекты, въ которыхъ отразилась сущность боеваго правительственнаго курса, поскольку онъ идетъ по линіи интересовъ реакціонныхъ элементовъ, представленныхъ въ Совѣтѣ, или поскольку съ нимъ можно примириться, не поступаая серьезно этими интересами. Напротивъ, даже жалкіе намеки на реформаторство, исходящіе отъ Думы, встрѣчаютъ въ Совѣтѣ сильнѣйшее противодѣйствіе. Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое принятъ Совѣтомъ съ такими существенными измѣненіями, что едва ли окажется пріемлемымъ для Думы. Такая-же судьба постигла проектъ о расширеніи бюджетныхъ правъ законодательныхъ учрежденій. Проектъ объ отпускѣ 3-хъ милліоновъ на школьное строительство Совѣтомъ былъ отклоненъ. Законопроекты о введеніи всеобщаго обученія, о высшихъ начальныхъ училищахъ, о преобразованіи мѣстнаго суда, о волостномъ земствѣ, о страхованіи рабочихъ и о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ кастрируются въ комиссіяхъ или возвращены въ комиссіи послѣ кастраціи въ общемъ собраніи Совѣта.

Но выступая противъ думы, отвергая и передѣлывая ея законопроекты или вообще оттягивая ихъ разсмотрѣніе, Госуд. Совѣтъ становится иногда въ оппозицію и къ правительству. Чаще всего это бываетъ въ отношеніи старыхъ законопроектовъ, наслѣдіи первыхъ двухъ думъ, но нерѣдко случалось, что Совѣтъ не соглашался съ правительствомъ и по другимъ вопросамъ. Реакціонные элементы Совѣта вовсе не намѣрены изображать собою украшеніе „обновленнаго“ строя. Охраняя свои сословные и классовые интересы, они требуютъ самостоятельности и власти, готовые для укрѣпленія послѣдней использовать права, которыя имъ принадлежатъ по третьейюньской конституціи. Наиболѣе ярко это сказалось на инцидентѣ съ проектомъ западнаго земства, когда Госуд. Совѣтъ не остановился передъ конфликтомъ, чтобы укротить диктаторскія замашки Столыпина. Но менѣе замѣтно это сказывается на всей дѣятельности совѣта, на томъ

упорствѣ, съ какимъ онъ отказывается признать все, что только угодно правительству и Думѣ, и на тѣхъ уступкахъ, которыя онъ дѣлаетъ, добившись, въ свою очередь, уступокъ отъ Думы или правительства. Если въ конфликтѣ со Столыпиннымъ Совѣтъмъ сталъ на защиту „конституціонныхъ“ правъ, то это, конечно, не значить, что въ такого рода цвѣтъ окрашена вся его дѣятельность. Напротивъ, онъ рѣшительно отвергаетъ всякое распиреніе правъ народнаго представительства, какъ и сколько-нибудь существенныя преобразованія, въ какой либо иной области, ибо въ томъ и заключается его задача, чтобы, раздѣливъ власть съ носителями стараго порядка, не допустить никакой другой конкурирующей власти.

За послѣднее время дѣятельность Совѣта стала еще болѣе увѣренной и тѣхъ скачковъ, которые замѣтны были раньше, теперь больше не видно. Преемникъ Столыпина отказался отъ тактики „волевыхъ импульсовъ“ и менѣе всего склоненъ раздражать гусей Гос. Совѣта. Сохранивъ по отношенію къ Думѣ прежнюю настойчивость, онъ въ обращеніи съ Совѣтомъ корректенъ и милъ, предполагая, очевидно, что сговорчивость обѣихъ сторонъ можетъ лучше помочь дѣлу, чѣмъ стремительный натискъ съ одной стороны и упорное противодѣйствіе другой. Столь же очевидно, что въ „обструкціи“ госуд. совѣта бюрократія не видитъ пока ничего опаснаго. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени“ нѣкій видный сановникъ на вопросъ, не думаетъ ли онъ, что тактика Совѣта можетъ отрицательно вліять на успѣхъ выборовъ, отвѣтилъ: „я не думаю, чтобы это отразилось на выборахъ“, — и перевелъ разговоръ на другую тему. Сановникъ не безпокоился. Онъ правильно разсудилъ, что интересы власти скорѣе всего примиримы съ интересами группъ, господствующихъ въ Совѣтѣ, и что здѣсь легче всего прийти къ согласію. Если Совѣтъ отвергнетъ или радикально переработаетъ думскіе проекты — это вовсе не столь скверно, потому что никто, вѣдь, не заставляетъ сѣбѣ хотя бы съ частными преобразованіями и компромиссными реформами. Но зато согласіе съ Совѣтомъ даетъ большую возможность воздѣйствія на Думу и позволяетъ заставить ее пойти, въ свою очередь, на уступки. А что касается вліянія на выборы, то извѣстно, что изъ всѣхъ вліяній самое дѣйствительное — административное и его можно будетъ съ успѣхомъ примѣнить даже въ томъ случаѣ, если Совѣтъ похоронитъ всѣ до единаго думскіе проекты.

Однако, миръ и согласіе царятъ только на одной сторонѣ. Обструкція Госуд. Совѣта, къ которой думское большинство до сихъ поръ относилось терпѣливо, начинаетъ не на шутку раздражать тѣхъ, кого она ближе всего касается. Первыми исполнились правые крестьянскіе депутаты, которымъ, дѣйствительно, есть отъ чего потерять душевное равновѣсіе. Хотя бы и рѣдко, но имъ приходится бывать въ родной деревнѣ и поневолѣ знакомиться съ настроеніемъ крестьянства. Деревня въ темнотѣ своей никакъ не предполагала, что депутаты возвратятся съ пустыми руками и просидятъ пять лѣтъ въ Думѣ совершенно бесплодно. До крестьянства доходятъ смутныя слухи, оно знаетъ, что въ думѣ обещаются какіе-то законы, но законовъ этихъ оно не увидитъ. Что могутъ предъявить крестьянскіе депутаты сво-

имъ избирателямъ? Въмѣсто земельной реформы имъ приходится удовлетвориться закономъ 9 ноября, который проведенъ былъ въ жизнь правительствомъ раньше, чѣмъ его приняла Дума. Даже реформой волостного управленія или замѣной земскихъ начальниковъ волостными судьями депутаты не могутъ похвалиться. Въ той грудѣ большихъ и мелкихъ законопроектовъ, которые по волѣ Госуд. Думы и Совѣта стали законами, нѣтъ ничего, что могло бы удовлетворить нужды крестьянства. И правые депутаты, пять лѣтъ тянувшіеся за дворянами и помѣщиками, потянулись теперь къ министрамъ и сановникамъ, чтобы вымолить законы, которыхъ они сами, какъ законодатели, не могли дать. Въ министерскихъ приемныхъ и въ кабинетѣ председателя Гос. Совѣта ихъ встрѣтилъ сухой и суровый приемъ. Все имѣетъ свое движеніе и не депутатскимъ ходакамъ повернуть колесо государственной машины! Тогда депутаты пригрозили тѣмъ, что перейдутъ къ лѣвымъ. Это, конечно, шутка. Никуда Андрейчуки не перейдутъ и, во всякомъ случаѣ, недалеко отойдутъ отъ своихъ думскихъ покровителей. Но не шуткой можетъ оказаться настроеніе крестьянской массы въ результатѣ безплодной работы Думы. Сотрудникъ «Нов. Вр.», обслуживающій Думу, увѣряетъ, что „на возвращеніе нынѣшнихъ крестьянскихъ депутатовъ въ четвертую Думу надежды очень слабыя“ и нѣкоторые изъ нихъ „вовсе не рассчитываютъ вернуться въ деревню и стали приобретать себѣ земли по близости отъ Петербурга“. Но „бѣда“, какъ соглашается сотрудникъ „Нов. Вр.“, не въ этомъ, а въ „учитываемой тактикѣ крестьянъ на предстоящихъ выборахъ“. Со словъ людей, „искусившихся на прошлыхъ выборныхъ кампаніяхъ“, онъ утверждаетъ, что „крестьяне или будутъ всѣмъ класть налѣво, или будутъ входить въ самыя естественныя блоки“, подъ которыми разумѣется соглашенія съ оппозиціей. А это не можетъ не увеличивать еще болѣе безпокойство крестьянскихъ депутатовъ. Хорошо, конечно, приобрести землю по близости отъ Петербурга, но еще лучше скупать ее у обнищавшихъ односельчанъ и стать богатымъ у себя на родинѣ! И въ крѣпкой думѣ своей депутаты замышляютъ новые шаги по пути того же ходатайства и просьбъ о милости...

Это настроеніе крестьянскихъ депутатовъ передается и думскому большинству. Больше другихъ заинтересованное въ благопріятныхъ результатахъ работъ Думы и обезпокоенное, также больше другихъ, исходомъ выборовъ, оно пытается сломить упорство Госуд. Совѣта и этимъ хотя бы нѣсколько скрасить печальные итоги своего пятилѣтняго сидѣнья въ Думѣ. Расчетъ правильный. Если Госуд. Совѣтъ сдастся и пропуститъ думскій законопроектъ, думское большинство пропоетъ хвалу патриотической и работоспособной Думѣ. Если Совѣтъ отвергнетъ миръ и предпочтетъ остаться на боевой позиціи, большинство сниметъ съ себя отвѣтственность и переложитъ ее на „реакціонную“ верхнюю палату. Какъ и крестьянскимъ депутатамъ, думскому большинству нечего предъявить избирателямъ. Боевые націоналистическіе законопроекты, которые одни пока удостоились одобренія Гос. Совѣта, массового избирателя восхитить не могутъ, а всему прочему законодательному суррогату, на которомъ отыгаться также трудно, но который, по крайней мѣрѣ, могъ бы свидѣтель-

ствовать о кропотливой работоспособности думы, направленной къ частичному и компромиссному удовлетворенію интересовъ имущихъ классовъ, не суждено увидѣть свѣта. Какъ и крестьянскіе депутаты, думское большинство въ своей тактикѣ предпочитаетъ закулисные ходы и давленіе при посредствѣ вліятельной печати. Съ этой точки зрѣнія особенно характерно фронда по отношенію къ Гос. Совѣту нововременскаго изданія, этого испытаннаго флюгера, хорошо знающаго, откуда дуетъ благопріятный вѣтеръ. Цитированный выше сотрудникъ «Нов. Времени» посѣтилъ нѣсколькихъ сановниковъ и всѣмъ имъ твердилъ, что „лѣвыя партіи изберутъ въ своей агитаціи думскій центръ и, казалось бы, нападки ихъ можно смягчить, доведя до конца пропущенныя народнымъ представительствомъ реформы“. „Нов. Время“ публикуетъ также мнѣніе депутатовъ, которые „увѣрены, что отъ успѣха или неуспѣха думскихъ реформъ, залежавшихся въ верхней палатѣ, будутъ сильно зависѣть и результаты выборовъ“. „Главный вопросъ, по мнѣнію газеты, въ томъ, какъ правительство используетъ оставшееся до выборовъ время въ смыслѣ созданія того или иного настроенія въ странѣ“. „Нов. Время“ пытается убѣдить правительство въ необходимости создать настроеніе, благопріятное для думскаго большинства, и послѣдить съ проведениемъ до конца реформъ, пропущенныхъ Думой. А болѣе строптивое и менѣ связанное съ нововременскими традиціями „Вечернее Время“ ставитъ вопросъ болѣе остро. Вся дѣятельность Госуд. Совѣта — „сказка про бѣлаго бычка, скучнѣйшая изъ сказокъ. Ею можно довести до бѣлаго каленія самаго добродушнаго человѣка. Инсценированная передъ страной гос. совѣтомъ, она имѣетъ трагическій и опасный характеръ“. Реформы Госуд. Совѣтомъ „не то что тормозятся, онѣ прямо брошены на полъ. Возможно, что четвертая дума ихъ подниметъ и пылъ отъ хартий отряхнетъ, но вѣдь и она будетъ работать съ Гос. Совѣтомъ, т. е. встрѣтится съ тѣми же смертоубійственными приемами“. Это уже похоже на угрозу. Смертоубійственные приемы будутъ поражать и четвертую, и пятую, и прочія думы, ибо сказка про бѣлаго бычка, скучнѣйшая изъ сказокъ, конца не знаетъ. Добродушные люди могутъ быть, въ самомъ дѣлѣ, доведены до бѣлаго каленія и прійти къ заключенію, что закулисная борьба безцѣльна и что необходимо обезвредить смертоубійственные приемы. Игра въ сказки можетъ надобѣть и острые интересы могутъ потребовать реальнаго удовлетворенія въ обстановкѣ, совѣмъ не похожей на глупую готовность въ любой моментъ рассказать сказку про бѣлаго бычка.

Что же изъ всего этого выйдетъ, покажетъ близкое будущее. Но шумиха, поднятая вокругъ „обструкціи“ нашей верхней палаты, намѣчаетъ ясныя слѣды начавшагося разложенія третьейюнъскаго блока. Трещины замѣтны по всѣмъ направленіямъ и всякая попытка союзниковъ перестроиться, занять болѣе удобное мѣсто только разстраиваетъ ряды и порождаетъ еще большее замѣшательство. Соправительствующее реакціонное большинство Гос. Совѣта требуетъ безграничнаго вліянія и реализаціи признаннаго въ принципѣ раздѣла власти. Столыпинъ, слишкомъ далеко зашедшій въ своей диктатурѣ и склонный помыкать властвующими группами, какъ чиновникамъ, подвергается

атакъ и едва не падаетъ жертвой «конституціоннаго кризиса». Смерть Столыпина на первыхъ порахъ приводитъ какъ будто къ усиленію блока и къ укрѣпленію націоналистическаго курса. Между правительствомъ и госуд. совѣтомъ устанавливается доброе согласіе. Въ думѣ октябристы объединяются съ націоналистами и образуется компактное націоналистическое большинство, еще болѣе рѣзко противопоставленное немногочисленной оппозиціи. Но миръ, заключенный между правительствомъ и госуд. совѣтомъ, только подогрѣлъ обструкціонное настроеніе верхней палаты, а послѣдовавшее перваго января частичное обновленіе Совѣта имѣло специальной цѣлью усилить его правое крыло. Продолжающаяся обструкція Совѣта, въ свою очередь, не даетъ отвердѣть націоналистическому большинству Думы и толкаетъ его на путь раскола съ одной стороны и расхожденія съ Совѣтомъ съ другой. Крестьянскіе депутаты уже не надѣются попасть въ четвертую Думу и дѣлаютъ послѣднія попытки спасти свое положеніе. Думское большинство также не увѣрено въ исходѣ выборовъ и молить правительство поскорѣе пропустить реформы, чтобы создать въ странѣ „настроеніе“, а въ будущемъ грозить перейти въ открытую фронту. Чтобы спасти себя, думскому большинству придется жертвовать даже своими покровителями; чтобы отстаивать свои интересы, ему приходится требовать и для себя частицу власти. Такъ прорывается противорѣчіе строя, который спекулируетъ на подавленіи интересовъ будущаго общества въ угоду интересамъ отживающихъ реакціонно-сословныхъ группъ. Такъ намѣчается сдвигъ, который показываетъ, что концентрируются интересы, враждебные господствующему блоку и тѣмъ болѣе для него опасные, что они зрѣютъ въ средѣ, къ нему близкой. Возможно, конечно, что выступающее противорѣчіе не углубится теперь-же до своего логическаго конца. Возможно, что Гос. Совѣтъ пойдетъ на нѣкоторыя уступки и на «реформахъ» какъ-нибудь согласится, но это только отстрочитъ обостреніе кризиса, котораго нельзя ничѣмъ предупредить, потому что онъ неизбѣженъ

М. Б.—оуб.

У послѣдней черты

1. Гермогенъ-Иллѣодоровское дѣло.

Если даже Столыпинскій режимъ, на которомъ, какъ-ни-какъ, лежала печать усмирителя революціи, такъ и не въ состояніи былъ создать „сильной власти“, то тѣмъ болѣе къ этому неспособнымъ приходится признать теперешній „курсъ“ г. Коковцова. Хотя съ 1-го сентября прошло ужъ не такъ много времени, но

положеніе, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, можно считать вполне выяснившимся. Да и трудно было-бы ожидать какихъ-либо перемѣнъ, разъ самыя основы власти не претерпѣли за это время никакихъ измѣненій. Признаки общественнаго оживленія въ странѣ — этотъ главнѣйшій факторъ, способный радикально измѣнить соотношеніе силъ—если и продолжаютъ нарастать, то нарастаютъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно медленно.

Центробѣжныя силы, въ которыхъ сказалась водворившаяся послѣ 1905 г. дворянская олигархія, не смотря на громадную власть, пріобрѣтенную Столыпинымъ, чувствительно давали себя знать и при его управленіи. Какъ-бы Столыпинъ не накладывалъ своего лица на контрреволюціонную политику 1906—1911 г.г., все же это его управленіе едва-ли можно было назвать централизованнымъ, въ старомъ до-революціонномъ смыслѣ этого слова, единовластіемъ.

Иллѣодоръ, за которымъ стоялъ тотъ или иной дворянско-бюрократическій кружокъ, и тогда безнаказанно выкидывалъ свои фокусы. Гермогенъ, не смотря на явное противодѣйствіе главнаго руководителя политики, и тогда одерживалъ свои побѣды. Толмачевъ и Думбадзе, за которыми укрывались свои кружки, свои покровители оставались самодержавными и неприкосновенными властелинами отдѣльныхъ областей, безнаказанно нарушая и дискредитируя „единство управленія“ *).

Съ уходомъ со сцены Столыпина этотъ процессъ децентрализаціи власти, разумѣется, не только не остановился, но получилъ новый толчокъ. Полновластіе или многовластіе премьера контрреволюціи по временамъ могло еще оказывать нѣкоторое давленіе на господствующія дворянскія сферы, власть-же г. Коковцева—типичнаго заслуженнаго чиновника, сростагося съ бюрократически-дворянской средой,—можетъ конечно, импонировать этимъ кругамъ еще менѣе.

Поэтому почти тотчасъ-же, какъ только 1-е сентября отошло въ прошлое и перестало быть для реакціи боевымъ объединяющимъ лозунгомъ, междуусобная борьба за власть внутри сановныхъ верховъ обнаружилась съ особенной выразительностью. На авансценѣ оказались опять—и теперь уже не сдерживаемые ничѣмъ и никѣмъ — Иллѣодоръ и Гермогенъ, и противъ нихъ уже не Столыпинъ, а родственный имъ Синодъ во главѣ съ оберъ-прокуроромъ... Иначе говоря: на сценѣ оказались духовенство и свѣтская власть.

Этимъ, впрочемъ, я вовсе не хочу сказать, что въ гермогеновско-иллѣодоровскомъ скандалѣ отразились столкновенія духовной власти со свѣтской или отразились сословные интересы хотя-бы только высшаго духовенства. Нашу высшую духовную власть едва-ли можно назвать сословіемъ съ ясно выраженными и особенными сословными интересами. Вѣрнѣе: это та же самая бюрократія, то же самое чиновничество, только другого вѣдом-

*) Если Толмачевъ теперь „паль“, то, конечно, не потому, что подулъ какой-нибудь свѣжій вѣтеръ, какъ ласкаетъ себя надеждой октябристскій „Гол. Москвы“, а потому что тотъ или иной случайный шахматный ходъ его противниковъ въ сферахъ, заставилъ его оступиться и упасть. Сегодня Толмачевъ зачисленъ въ „пѣшее ополченіе“, завтра — да здравствуетъ новый Толмачевъ!

ства, подчиненное и связанное въ каждый данный моментъ съ тѣмъ-же самымъ источникомъ власти, съ которымъ связано и которымъ питается и всякая иная бюрократія.

Когда при Столыпинѣ—въ Гос. Думѣ—произошло любопытное столкновение думскаго большинства съ представителями высшего духовенства по поводу церковно-приходскихъ школъ, даже и тогда едва-ли можно было усмотрѣть въ этомъ—столкновении интересовъ собственно духовенства и свѣтской власти. И тогда дѣло было значительно проще. За спиной думскаго сановнаго духовенства стояли одни дворянско-бюрократическія группы и кружки, за спиной думскаго большинства, поскольку это большинство дѣйствовало по-Столыпину, стояли другіе такіе-же кружки. Правда эти кружки еще обнаруживали тогда (или считали нужнымъ обнаруживать) различныя тенденціи, именно поэтому одни изъ нихъ орудіемъ своей борьбы сдѣлали церковно-духовные вопросы или „автономію“ церкви, другіе—отстаивали преобладаніе надъ церковью свѣтской власти. Такимъ образомъ, между ними была нѣкоторая принципиальная разница. Послѣ-же 1 Сентября—въ гермогеновско-иллюдоровскомъ скандалѣ—стерлись всякіе контуры, раздѣляющіе одну борющуюся дворянскую группу отъ другой, перепутались всѣ групповые флаги, исчезла всякая принципиальность или всякія принципиальныя прикрытія.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть попробуетъ кто-нибудь опредѣлить—кто реакціоннѣе или кто прогрессивнѣе: Гермогенъ-ли съ Иллюдоромъ или оберъ-прокуроръ Саблеръ съ синодскими епископами!? Впрочемъ, можно поставить вопросъ значительно проще и конкретнѣе: какая разница между стремленіями г. Саблера хотя-бы въ той-же церковной области и стремленіями (если таковыя существуютъ у нихъ) Иллюдора и Гермогена? Едва-ли на эти вопросы возможно найти и дать совершенно простые отвѣты.

Въ гермогеновско-иллюдоровской исторіи стремленіе къ защитѣ тѣмъ или инымъ способомъ общихъ интересовъ дворянскаго сословія исчезло совершенно. На сцену выступили интересы частные, даже личные, началась конкуренція за власть не между группами, внутри бюрократическихъ и дворянскихъ сферъ, имѣющими различныя др. отъ друга интересы, а слѣдовательно и взгляды на цѣли и методы контрреволюціи, а между кружками и лицами, ничѣмъ въ своихъ взглядахъ и групповыхъ интересахъ не отличающимися между собою. Скандалы Толмачевскіе, Думбадзевскіе и т. п.—при Столыпинѣ—какъ они не походятъ по внѣшности на иллюдоровщину „новаго курса“ все же обнаруживали одну, довольно опредѣленную линію: потворствуя властолюбію отдѣльныхъ администраторовъ, будировать противъ Столыпинскаго „конституціонализма“. Въ этихъ стремленіяхъ къ децентрализаціи власти сказывалась присутствующая по-революціонной дворянской диктатурѣ приверженность къ многовластію и боязнь бюрократическаго единовластія. Поэтому-то въ борьбѣ противъ Столыпина можно было еще отличать контуры отдѣльныхъ группировокъ, и различить разные групповые интересы.

Правда, и вокругъ гермогенъ-иллюдоровской исторіи въ реакціонной прессѣ поднятъ былъ цѣлый рядъ принципиальныхъ вопросовъ: о патріаршествѣ, о соборѣ и т. д., однимъ словомъ—

вопросы о независимости духовства, правильнѣе, высшей духовной іерархіи отъ свѣтской власти, но всѣ эти вопросы оказались привязаны какъ-то извнѣ, по-поводу, а не вытекали изъ гермогенъ-илліодоровскаго столкновенія съ Синодомъ.

Такъ-какъ обѣ стороны въ этой междуусобицѣ были одинаково сильны и близки къ источникамъ власти, то и рѣшительность и размахъ дерзновения въ этой схваткѣ достигъ небывалыхъ до сихъ поръ размѣровъ.

— „Это вліяніе (вліяніе на Синодъ) я считаю вліяніемъ Сатаны—говорилъ въ своемъ газетномъ интервью еп. Гермогенъ,— а потому и рѣшеніе Синода (о его выѣздѣ изъ Петербурга) согласное съ этимъ вліяніемъ, считаю рѣшеніемъ Сатаны и, какъ таковому, я не подчиняюсь“...

Это была борьба власти какъ-бы самой съ собой. Она поставила въ туникъ чуткость даже такого освѣдомленнаго и чувствительнаго флюгера, какъ новременскій Меньшиковъ, всегда легко ориентирующагося и безошибочно занимающаго ту самую позицію, которая выгоднѣе. Въ дѣлѣ Иліодоръ-Гермогена и онъ оказался въ весьма затруднительномъ и даже комическомъ положеніи.

Сначала всей тяжестью своихъ многословныхъ писаній онъ ударилъ на „старца“ Распутина, а про Гермогена философствовалъ такъ, какъ будто этотъ епископъ являлся самымъ подходящимъ кандидатомъ на постъ всероссійскаго патріарха.

„Да, — онъ очень неудобенъ, какъ простой епископъ, какъ членъ Синода, — разглагольствовалъ Меньшиковъ, — но можетъ быть потому именно и неудобенъ, что въ немъ говоритъ настоящій хозяинъ церкви, настоящій ея кормчій“... А черезъ нѣсколько дней тотъ-же Меньшиковъ писалъ: „Обѣ стороны ведутъ себя не вполне по-христіански... Я глубоко одобряю жаркую ревность къ чистотѣ вѣры и мужество исповѣданія ея со стороны епископа Гермогена. Это не только право его, но и священнѣйшій долгъ. Но я не совсѣмъ одобряю рѣзкостей по отношенію къ Синоду, допущенныхъ епископомъ въ телеграммѣ на Высочайшее имя. Еще болѣе не одобряю крайнихъ рѣзкостей еп. Гермогена, допущенныхъ имъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Свѣта“. И уже совсѣмъ не одобряю крикливыхъ и мятежныхъ заявленій іеромонаха Иліодора въ защиту еп. Гермогена“... И дальше: „Откровенно говоря, протесты въ печати самого епископа Гермогена, а въ особенности скандальнаго о. Иліодора производятъ очень жалкое впечатлѣніе. Пусть уважаемый іерархъ оскорбленъ чрезмѣрно,—но (и тутъ уже идетъ чистѣйшее издѣвательство!) личное оскорбленіе, изгнаніе, поношеніе и т. п. суть вещи, вполне естественныя для христіанина. Все это вѣдь обѣщано апостоламъ, и обѣщано какъ условіе блаженства“... А еще черезъ нѣсколько дней Меньшиковъ оказался вновь охваченнымъ любовью къ тому-же Гермогену и, впадая въ конституціонный, даже въ парламентскій паѳосъ, писалъ слѣдующее: „Семь лѣтъ назадъ мы думали, что мечта наша достигнута, что конституція—какая тамъ ни на есть—дана, что „права человѣка“ обезпечены и ограждены. И вдругъ въ дѣлѣ епископа Гермогена что-же мы видимъ: безъ слѣдствія и суда, чисто административнымъ порядкомъ, епископъ, нелішенный сана, лишается свободы.

Точно насмѣшкой судьбы, какъ нарочно принесло къ намъ Англичанъ-парламентаріевъ, и между ними даже такихъ, которые отлично читаютъ по русски“...

Я привелъ эту длинную выписку изъ „Нов. Времени“ не для того, конечно, чтобы показать хорошо известную всемъ іезуитскую изворотливость нововременскаго премьера, а чтобы на примѣръ его замѣчательной „между двухъ стульевъ“ позиціи лишній разъ характеризовать гермогенъ-иліодоровскую „церковную“ распрю. Междуусобная борьба въ сферахъ приняла такой характеръ, что даже Меньшиковъ, обладающій тонкимъ и оффиціознымъ нюхомъ, не можетъ дать себѣ сразу отчета: гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона!

Дворянская контрреволюція, абсолютно оторвавшая власть отъ страны и ея интересовъ и оттолкнувшая страну отъ власти, достигнувъ единственной своей цѣли—„успокоенія“, замкнулась сама въ себѣ и изъ стадиі внутреннихъ групповыхъ, имѣющихъ хоть какой-нибудь смыслъ столкновеній, перешла въ стадію борьбы всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Это тотъ фазисъ разложенія властвующаго меньшинства, лишеннаго всякой связи съ большинствомъ страны, когда таинственные проходимцы, чудодѣйственные „старцы“, разные маги и знахари, вдругъ оказывающіеся у власти, становятся не только нормальнымъ, но неизбѣжнымъ сопутствующимъ явленіемъ.

Кромѣ пресловутаго и ставшаго притчей во языцѣхъ „старца“ Распутина, свергнувшаго (на долго или коротко?) Гермогена и Иліодора, „Свѣтъ“ рассказываетъ, напр., еще о какомъ-то Митѣ—„блаженномъ“.

„За послѣдніе годы Митя до такой степени сталъ популяренъ, что попалъ въ петербургскіе салоны.

„Митѣ было оказано очень большое вниманіе. Ему даже приказано выдать годовой бесплатный билетъ для проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ въ Россіи...

„Митя находился во время пребыванія епископа Гермогена въ Петербургѣ почти постоянно при немъ.

„Митя предсказалъ епископу Гермогену и іеромонаху Иліодору скорую ихъ высылку изъ Петербурга. Свое предсказаніе Митя облекъ въ форму сна...

„Митя предсказалъ въ свое время и епископу Теофану, что онъ чрезъ „Пришу“ (Распутина) получитъ непріятность, будетъ высланъ изъ Петербурга. Всѣ предсказанія Мити „блаженнаго“ сбылись до мельчайшихъ подробностей“...

Только у насъ въ Россіи—при своеобразно сложившемся отчасти внутреннемъ, отчасти международнымъ положеніи могла создаться такая странно-причудливая амальгама: изъ элементовъ полувосточной деспотіи и изъ полоевропейской конституціи. Но то, что въ старыхъ восточныхъ странахъ не выходило за высокія стѣны замковъ или крѣпостей, въ худшемъ случаѣ передавалось въ народъ на ухо другъ другу, то при нашемъ, какимъ-бы то ни было, но все же представительномъ строѣ—получаетъ моментальную, громовую и всесвѣтную гласность. Такимъ образомъ, даже III-я Дума обращается въ колоссальный костеръ, ежедневно получающій для себя обильную пищу и бросаетъ свои лучи (хотя она этого и не желаетъ) въ самыя отдаленныя и въ самыя

темные уголки... Гермогенъ-иллиодоровское дѣло, развернувшееся, самопроизвольно, безъ всякаго участія оппозиціонныхъ общественныхъ силъ, накануне выборовъ въ 4-ю Думу, когда чуть-ли не главныя надежды реакціи обращены на избирательную помощь и вліятельность православнаго духовенства—великолѣпный этому примѣръ...

„Разсказывая о вообще благопріятномъ настроеніи въ отношеніи предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу,—ишутъ „Московскія Вѣдомости“—пріѣзжіе оговариваются, что, „къ сожалѣнію, случай съ еп. Гермогеномъ и о. Иллиодоромъ во многомъ испортилъ мѣстами это настроеніе, настроилъ даже умѣреннѣйшихъ обывателей оппозиціонно и въ особенности тяжело отозвался на духовенствѣ, создавъ благопріятную почву для кадетской агитаціи“. Это сообщеніе въ высшей степени серьезно»...

„Мы боимся въ данномъ случаѣ не тѣхъ толкованій, не той критики, которые появляются въ органахъ печати или съ думской кафедрой. То, что проникаетъ въ печать, составляетъ лишь незначительную долю того, что шевелится въ широкихъ кругахъ населенія. Да притомъ, критика печати все-таки болѣе сдержанна, отчасти по общимъ условіямъ положенія печати... Но никакихъ такого рода стѣсненій нѣтъ въ частныхъ разговорахъ, которые слышатся повсюду, охватывая все болѣе широкіе круги населенія. Тутъ порицаніе несравненно болѣе рѣзко, тутъ разбираются самыя скандальныя догадки, назрѣваютъ настроенія впрямую хотя бы и „лѣвымъ“...

Такъ говорить никто другой, какъ благопріятно расположенныя къ Гермогену и Иллиодору, „Московскія Вѣдомости“!

Спрашивается: что значить передъ этой саморазвертывающейся агитаціей, прямо и рѣзко направленной противъ господствующаго порядка, тѣ жалкія, поражающія своей небрежной аляповатостью и грубостью попытки контръ-агитаціи, подобныя удивительному по своей откровенности и получившему почти оффиціозный характеръ, дѣлу Ющинскаго?

II. Дѣло Гололобова-Кузнецова.

Такой характерный симптомъ разложенія власти оторванной отъ всего, замкнутой въ себѣ и не испытывающей почти никакого активнаго воздѣйствія страны, какъ дѣло Гермогена—Иллиодора—Распутина, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что путь для дворянской реакціи все еще остается открытымъ. Создавшееся соотношеніе общественныхъ силъ таково, что фактъ разложенія власти—носителя и агента реакціи—ничуть не ослабляетъ, однако, хода этой реакціи. Факты, подобные Гермогену-Иллиодоровскому скандалу, показываютъ прежде всего огромную пока-что неподготовленность населенія къ какому-либо реагированію на общественно-политическую жизнь. И если даже дальнѣйшему ходу реакціи, свободной внутри страны, уже положенъ предѣлъ иными, внѣшними, международными условіями, все-же наличность Гермогеновъ или Распутиныхъ говорить за то, что при такихъ условіяхъ попытки власти къ дальнѣйшей реставраціи исполнѣ нормальны и совершенно неизбежны.

И мы это видимъ на дѣлѣ.

Гололобовское покушеніе на думскую гласность, о первомъ фазисѣ котораго намъ уже пришлось говорить въ прошлой (12-й) книжкѣ, теперь пышно разрослось, украсилось предвыборными

орнаментами и получило довольно законченный видъ. Давъ ходъ гололобовской жалобѣ на с.-д. Кузнецова, правительство установило этимъ нужный и полезный для себя прецедентъ. Этотъ шагъ его не встрѣтилъ со стороны думскаго большинства никакого сопротивленія, напротивъ, онъ прошелъ въ атмосферѣ явнаго хотя и пассивнаго сочувствія съ его стороны. Поэтому, когда г. Гололобовъ—направляемый и воодушевляемый чьей-то невидимой рукой—вслѣдъ за этимъ подалъ новую жалобу уже о привлеченіи 34 депутатовъ, подписавшихъ запросъ объ убійствѣ Караваева, этой новой жалобѣ былъ данъ „механическій ходъ“, говоря проще: она была направлена, куда слѣдуетъ, уже безъ всякихъ разсужденій.

— Свобода слова, но не свобода клеветы!—вотъ тотъ иезуитскій, лицемѣрный флагъ, которымъ попытались тѣ, кто стоитъ за спиной Гололобова, прикрыть свое злостное контрреволюціонное нападеніе.

— Свободу мнѣній и сужденій стѣснять, конечно, нельзя—писалъ, выполняя свою высокую миссію, г. Гололобовъ въ „Нов. Времени“—но „сужденія и мнѣнія никакъ нельзя смѣшивать съ клеветой“...

...„Понятіе о клеветѣ вполне опредѣленное: клеветой, по 1535 ст. и по многочисленнымъ разъясненіямъ Сената, называется завѣдомо лживое обвиненіе кого-либо въ преступномъ или противномъ правиламъ чести дѣяніи. Неотъемлемые признаки клеветы—завѣдомая лживость обвиненія и указаніе опредѣленнаго позорящаго дѣянія, факта; безъ этого нѣтъ клеветы. Если кто либо обвиняетъ въ преступномъ дѣяніи, не зная, что оно лживо, будучи увѣренъ въ его правдивости, то здѣтъ нѣтъ клеветы и его нельзя привлечь къ ответственности“...

Казалось-бы, ясно: такой защитой жалобы уничтожалась всякая тѣнь ея основательности... Чѣмъ-же, спрашивается, господа, начавшіе кампанію противъ свободы думскаго слова, могутъ доказать, что Кузнецовъ или подписавшіе запросъ 34 депутата „завѣдомо“ знали, что г. Гололобовъ чистъ, какъ голубь, по отношенію къ Караваевскому дѣлу? Какими филерскими выслѣживаніями возможно установить, что интерпелянты, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Гололобовъ, „ни на юту не вѣрили заявленію Казакова“? Развѣ показанія Казакова—по убѣжденіямъ бывшаго гололобовскаго товарища—не поражаютъ всякаго своей бросающейся въ глаза искренностью, и еще болѣе убѣдительною—детальностью?! И такъ, при томъ, говорилъ тотъ самый г. Гололобовъ, думскіе товарищи котораго сдѣлали клевету, клевету уже въ полномъ смыслѣ этого слова—на учащуюся молодежь, на иновѣрцевъ, на еврейство, на представителей демократическихъ партій и особенно на движеніе 1905 г.—своей „парламентской“ специальностью!.. Цѣль жалобы такъ-же грубо откровенна, такъ-же не прикрыта, какъ все то, что послѣ 3 іюня предпринимается и дѣлается реакціей..

Для 3-іюньскаго режима, въ активѣ котораго числятся такія откровенныя дѣла, какъ дѣло с.-д. депутатовъ II Думы, какъ дѣло Лопухина, какъ, наконецъ, болѣе года тянувшееся дѣло Ющинскаго, нуженъ, конечно, только поводъ, зацѣпка. Октябристское большинство наладило рельсы, локомотивъ уже самъ покатится подъ откосъ...

Но та самая гучковская партія, которая своимъ демонстративнымъ отверженіемъ Караваевского запроса, сама какъ-бы пригласила Гололобова сдѣлать его провокаціонный шагъ, теперь, когда имъ,—и совершенно послѣдовательно,—были привлечены 34 депутата, вдругъ всполошилась и подняла шумъ. Здѣсь логика вполнѣ была на сторонѣ Гололобова и тѣхъ, кто стоитъ за его спиной; на сторонѣ октябристскаго большинства—было полное ея отсутствіе. Такъ и должно было быть. Когда привлеченъ былъ одинъ Кузнецовъ—допустить соц.-демократической фракціи—это было совершенно въ порядкѣ вещей. Октябристы хорошо запомнили борьбу предпринятую с.-д. за судьбу своихъ втородумскихъ товарищей! Они еще полны были раздраженія противъ с.-д. фракціи, поставившей ихъ, во главѣ съ г. Капустинимъ, въ нелѣпое, глупѣйшее положеніе и разоблачившей передъ всѣмъ свѣтомъ истинное происхожденіе третейскаго октябристскаго большинства! Когда-же правительство дало ходъ жалобѣ о 34-хъ депутатахъ, это оказалось уже сверхъ намѣченной октябристами программы, это былъ ударъ, направленный не только на соц.-демократовъ, которыхъ больше и прежде всего имѣла въ виду гучковская партія, этотъ ударъ задвѣвалъ уже всѣ думскія партіи. Не приходится сомнѣваться въ томъ, что думское большинство безъ особенной печали предало-бы и всю лѣвую половину Думы, если бъ это предательство, развязавъ окончательно руки правительства, не угрожало лишить его самого и того послѣдняго вѣса въ политикѣ, который обезпечиваетъ за нимъ его лакейскую роль... Имѣется, конечно, и другая причина его сдержанности: приближающіеся выборы въ 4-ю Думу.

Что гучковская партія, не на шутку встревоженная и обозленная работой соц.-демократовъ, лелѣяла мечту создать своего рода исключительные законы для думскаго соц.-демократическаго представительства, это вполнѣ подтверждается хотя бы такими характерными для третейскаго большинства писаніями, какъ, напр. предвыборныя писанія г. А. Еропкина.

„Нѣтъ, борьба, и притомъ—жестокая, въ буквальномъ смыслѣ не на живое, а на смерть,—пишетъ по поводу предстоящей избир. кампаніи этотъ Еропкинъ въ „Пет. Вѣд.“—идеть между двумя классами: между буржуазіей и пролетаріатомъ.

„Въ этой смертельной борьбѣ защитниковъ существующаго правопорядка съ идолопоклонниками феерическаго „государства будущаго“—уже не до такихъ политическихъ тонкостей и нюансовъ, а лишь бы общими усилиями спасти существующій государственный строй. Здѣсь и консерваторы, и либералы, и октябристы, и націоналисты, и крайніе правые, и поляки,—всѣ въ одномъ строю противъ натиска социализма.

„Иначе—крушеніе государственнаго строя, крушеніе гражданскаго правопорядка, крушеніе семьи, религіи, крушеніе границъ государства, крушеніе всего цивилизованнаго міра, крушеніе всего того, чему доселѣ міръ поклонялся и чѣмъ жилъ“...

И хотя эти разсужденія г. Еропкина имѣютъ въ виду не только социалистовъ, но и к.-д. оппозицію, будто бы ихъ поддерживающую, въ этихъ рѣчахъ слышенъ однако, если не искренній страхъ передъ социализмомъ, то по крайней мѣрѣ вполнѣ искреннее желаніе отдать въ жертву и натравить, кого слѣдуетъ, на этихъ носителей „крушенія государственнаго строя“...

Гололобовское покушение, таким образом, является прямым логическим выводом из этого боевого и враждебного к думской соц.-демократии настроения гучковского центра. Но правительство или—что правильнее—реакционные круги дворянства, стоящие за ним, попытались сдѣлать услужливого Гололобова орудием своих цѣлей, и октябристское покушение, специально предназначавшееся для демократии, использовавъ, обратили въ покушение на права Думы въ ея цѣломъ. То, какъ какимъ способомъ, реагировало на этотъ неожиданный выпадъ правительства думское большинство, окончательно убѣждаетъ всякого въ томъ,—кого именно намѣтили октябристы своей искупительной предвыборной жертвой. Вѣдь, пожертвовать—подъ тѣмъ или инымъ соусомъ—правами социалистовъ, не значить ли при нашихъ условияхъ, не отпугнуть этимъ: и своего третьёюньюскаго умѣреннаго избирателя, и заслужить предвыборное расположение правительства? И волки сыты, и овцы цѣлы!.

Въ отвѣтъ на „механической ходъ“, данный гололобовской жалобѣ на 34 депутатовъ, октябристскій центръ выдвинулъ поэтому свой, обѣщанный ранѣе, въ нѣкоторомъ родѣ контрпроектъ: рѣшеніе комиссіи по наказу, лишаящее демократію и прежде всего соц.-демократію, больше и ярче другихъ пользовавшуюся этимъ,—существующаго до сихъ поръ права запросовъ. Это былъ тотъ самый ударъ, которымъ „гучковскіе молодцы“ во главѣ съ г. Шубинскимъ, грозились с.-д., въ отвѣтъ на ихъ смѣлую борьбу за гласность при запросѣ о провокаціи Бродзскаго. Рѣшеніе октябристской комиссіи, правда, не лишаетъ Думу—всю Думу въ цѣломъ—права запросовъ, оно лишаетъ фактически этого права только думскую демократію. Цѣль этого проекта—оставить третьедумскія права всецѣло въ веденіи большинства, окончательно лишивъ этихъ правъ демократическое меньшинство Думы.. Въ 99 случаяхъ изъ 100 думское большинство отвергало, какъ извѣстно, спѣшность запросовъ, вносимыхъ с.-д. фракціей. Иначе говоря: с.-д. запросы складывали подъ сукно, нерѣдко на долгіе года, лишая ихъ злободневности и тѣмъ уничтожая всякой политической цѣнности ихъ обсужденіе. Но это еще не лишало соц.-демократіи окончательно ея главнаго орудія—гласности, при самомъ внесеніи запросовъ. По думскому наказу вносящіе запросъ, раньше, чѣмъ будетъ принято то или иное рѣшеніе по нему, имѣютъ право защищать его спѣшность. Этимъ пользовалась малая числомъ с.-д. фракція, и хотя ея запросы думское большинство систематически признавало неспѣшными, но голосъ социаль-демократіи при этихъ запросахъ, освѣщеніе фактовъ, которые она хотѣла довести до свѣдѣнія страны,—доходили до тѣхъ, кто прислушивался къ думскимъ рѣчамъ. Это было то самое пользованіе Думой, какъ всероссійской агитаціонной трибуной, безъ котораго 3-іюньюское представительство не имѣло-бы для демократіи почти никакой цѣнности.

Проектъ измѣненія наказа, составленный и предложенный теперь октябристами, всей своей тяжестью направленъ именно въ эту сторону. Комиссія предлагаетъ такъ измѣнить думскія правила, чтобы всякій запросъ, почему-либо не нравящійся большинству, могъ быть положенъ имъ подъ сукно уже безъ всякихъ рѣчей, безгласно, не доходя до населенія.

Такимъ образомъ, на ряду съ т. сказ. официальнымъ, правительственнымъ пополозновеніемъ на права 3-ейюньской Думы посредствомъ гололобовской жалобы, организовано другое, покушение частное, октябристское, противопоставленное первому, какъ компромиссъ, какъ отступное, какъ тотъ минимумъ цѣны, за который дворянско-бюрократическіе круги еще могутъ отказаться отъ использованія Гололобова противъ самого, спровоцировавшаго его, третьедумскаго большинства. Это откровенное выступленіе октябристовъ на поприще отвратительнаго торга народными правами напередъ опредѣляетъ ихъ позицію въ этомъ спорѣ—не какъ политику, не какъ хотя бы гучковообразную оппозицію, а какъ обычное для этой третьейюньской партіи хожденіе и перешептываніе съ задняго крыльца... Какъ раньше, такъ и теперь, третьедумскій центръ—эта конституціонная побрякушка въ рукахъ правящихъ дворянскихъ сферъ—послужилъ реакціи тѣмъ мостомъ, на который она вступила и по которому двинулась дальше.

Нужно-ли говорить: чѣмъ кончится и чѣмъ должна кончиться вся эта торговля? Конечно, правительство очень желало бы обезсилить всю Думу въ ея цѣломъ, такъ какъ,—почемъ знать?—какое большинство принесутъ съ собой таинственные пока четвертые выборы? Съ другой стороны—использовать до конца гололобовское дѣло,—не значить-ли наканунѣ выборовъ возстановить всю страну противъ теперешняго послушнаго и полезнаго для него большинства? Но, такъ или иначе, опасность для демократіи, огромная опасность для гласности съ думской кафедры—встаетъ передъ страной во весь свой ростъ.

Спрашивается: какимъ-же именемъ послѣ всего совершеннаго октябристской партіей, можно назвать эту игру въ „благородство“ передъ выборами, какую въ интервью „Голоса Земли“ позволилъ себѣ недавно лѣвый октябристъ г. Глѣбовъ!?

„Я боюсь, что правительство сдѣлаетъ ошибку и будетъ мстить имъ (соц.-демократамъ) за ихъ гражданское мужество, которое они проявляютъ въ Думѣ—заявляетъ г. Глѣбовъ—они смѣло выступаютъ и отстаиваютъ свое мнѣніе до конца... Можно не раздѣлять ихъ взгляды, но не уважать ихъ за мужество нельзя. Надо надѣяться, что правительство воздержится отъ мести, ибо оно (тутъ уже „благородство“ немного измѣняетъ г. Глѣбову) увеличить моральный авторитетъ преслѣдуемыхъ и въ конечномъ результатѣ можетъ увеличить ихъ численность въ четвертой Думѣ“...

Та опасность, которую готовитъ демократіи правительственная реакція въ союзѣ съ октябристами, является, кромѣ того, опасностью не только для гласности съ думской кафедры, но (что самое важное) величайшей опасностью для всѣхъ тѣхъ остатковъ гласности внѣ Думы, которая такіе факты, какъ Гермогенъ-Иліодоровскіе или Распутинскіе, превращала и превращаетъ въ постоянный неугасаемый костеръ. Если вѣкоторая относительная широта устнаго и печатнаго обсужденія, не смотря на совершенно невозможныя условія печати и проч., упорно остается и не уничтожается послѣ 1905 г., если теперешній хотя бы и не очень широкій кругъ обсужденія, нужно признать же весьма далекимъ отъ того, что было до 1905 г., только потому, что на думской кафедрѣ, даже послѣ до сихъ поръ сохранялась свобода обсужденія. Д

свобода слова если не парализовала, то затрудняла самую грубую преслѣдованія печати; думское свободное слово, разносимое по всей странѣ, если не укрѣпляло, то, по крайней мѣрѣ не допущало до полного разрушенія эту относительную свободу. Эта именно сторона третьейуньскаго представительства постоянно съ особенной и неослабвѣвающей силой обостряла противорѣчія господствующаго строя, быстро толкая его къ роковой, послѣдней чертѣ и вызывала этимъ самую злобную ненависть со стороны реакціонеровъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ... Это было, быть можетъ, самое слабое мѣсто реакціи и въ то же время самое сильное орудіе для тѣхъ, кто хотѣлъ бороться и боролся съ нею...

Направляя свой ударъ противъ свободнаго пользованія правомъ запросовъ, октябристская партія, разумѣется, наноситъ ударъ и этой послѣдней гарантіи относительной свободы печатнаго и устнаго слова. Какова же, послѣ этого, цѣнность недавняго выступленія г. Гучкова, по случаю конфискаціи „Гол. Москвы“ и др. газетъ, въ защиту свободы печати, когда, наряду съ этимъ, тѣми-же самими октябристами усердно готовится разрушеніе самаго т. сказ. фундамента этой „свободы“?! Октябристскій лидеръ учелъ столкновеніе одной сановной группы, поддерживающей Гермогена и Иллѣодора, противъ другой, выдвинувшей Распутина, поддержалъ одну реакціонную группу противъ другой такой-же группы, и пожалъ дешевую, не политическую, а чисто-шахматную побѣду. Это была не политическая оппозиція, а политическое интригантство, не защита свободы и независимости печати, а защита своей собственной независимости, своей необходимости, персональное фигурированье интригана, всецѣло занятаго своей карьерой...

Такъ, октябристское большинство III Думы, накануне выборовъ въ IV Думу, остается тѣмъ-же самымъ привѣскомъ къ дворянской контрреволюціи, какимъ оно было и до сихъ поръ, въ теченіе 5 лѣтъ. Для правительственной власти, выполняющей волю реакціоннаго дворянства, оно было флагомъ—„конституціоннымъ“ флагомъ,—подъ которымъ въ теченіе 5 лѣтъ, контрабандно отъ Европы, правительство провозило реакціонный товаръ...

И какую нелѣпую, какую болѣе чѣмъ жалкую фигуру изображали—при такихъ условіяхъ—наши парламентскіе донъ-кихоты либерализма, когда они—передъ лицомъ „гостей“ англійской буржуазіи,—усердно скользили по паркету великосвѣтскихъ гостиныхъ, стараясь увѣрить себя и другихъ въ своей полноправной и конституціонной законнорожденности!?

Два факта: дѣло Иллѣодоръ—Гермогенъ—Распутина и дѣло Гололобова—Кузнецова...

Верхъ—гдѣ царитъ надзаконность, пресыщенность властью, абсолютная свобода дѣйствія и скандальный междуусобный шумъ и низъ—гдѣ господствуетъ полная безправность, полная связан-

ность дѣйствія, кажущаяся недвижность и тишина. Посрединѣ же пустота, или полупустота,—октябристское безсиліе, конституціонный флагъ, прикрывающій реакціонную контрабанду.

Вотъ это-то какъ-будто полное отсутствіе жизни—съ одной стороны и полная свобода дѣйствованія и своеобразной жизни—съ другой стороны, а посрединѣ, гдѣ долженъ бы быть политически-вліятельный буржуазный классъ—пустота, обусловливають самую характерную и самую замѣчательную черту нашего времени: откровенность режима.

Верхи перестали считаться съ низами, съ общественнымъ мнѣніемъ, скинули ихъ со своихъ счетовъ, потому что низы обратились въ пассивный объектъ ихъ воздѣйствія, въ противоположность тому, что можетъ называться общественнымъ мнѣніемъ.

Гласность хотя бы только 3-еіюньской конституціи сдѣлала невозможнымъ скрытность правительственнаго и всякаго иного общественнаго дѣйствія, сдѣлала немыслимой политику тайную и невидную. Столыпинское „успокоеніе“ и водворенная имъ тишина, давшая господствующему классу почувствовать твердую почву подъ ногами, уничтожили послѣднюю осторожность, послѣднюю сдержанность и расчетливость дѣйствующей реакціи. Даже тамъ, гдѣ еще возможно-бы было тотъ или иной контрреволюціонный актъ включить въ нѣкоторую видимость законныхъ рамокъ, реакція проходитъ мимо него, не желая утруждать себя пустяками, и дѣлаетъ свое дѣло съ поразительной, беззаботной откровенностью.

Старый дореволюціонный строй вовсе не зналъ этой откровенности. Да и едва-ли бы онъ могъ вмѣстить въ себя не только такое „откровенное“ дѣло, какъ Гермогенъ-Распутинское, или Гололобовско—Кузнецовское, но и хотя-бы такое какъ извѣстное дѣло Лопухина? Его дѣйствія, его тенденціи требовали усиленной расшифровки, требовали работы разъясненія, чего нерѣдко совершенно не нужно для пониманія современнаго 3-е іюньскаго строя. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, мудрствовать и лукавить, когда стоитъ какому-нибудь эседеку взойти на думскую трибуну, сказать слово, и отъ всякихъ хитро-наложенныхъ покрововъ и прикрытій не останется ровно ничего!?

Начиная съ 3-еіюньскаго акта, которымъ какъ бы открылась эта эпоха безшабашной откровенности, и кончая послѣдними злобами дня—дѣломъ Ющинскаго и Гермогенъ-Иллѣодоровскимъ,—передъ глазами страны прошли сотни мелкихъ и крупныхъ дѣлъ подобнаго-же откровеннаго свойства. Производилась какая-то колоссальная лихорадочная работа по раздуванію того костра, свѣтъ котораго—черезъ думскую гласность—разбрасывался въ самыя отдаленныя, въ самыя медвѣжьи углы и закоулки, не вызывая, впрочемъ, при этомъ никакого непосредственнаго отклика, и тѣмъ еще болѣе укрѣпляя и распоясывая эту современную откровенность.

Не ясно-ли, что столыпинское „успокоеніе“ получило крѣпость и прочность? И хотя дубровинцы, нововременцы или октябристскіе Громобои продолжали кричать о революціонныхъ опасностяхъ, но они кричали это скорѣе по привычкѣ, а не по убѣжденію, мало вѣря въ свои собственныя слова. Колоссальный

рость внутренних противорѣчій оказался совершенно заслоненнымъ отъ нихъ благополучной внѣшностью, оказался для нихъ книгою за семью печатами...

Но съ 1905 г.,—отъ психологіи стихійнаго, по настроенію, импульсивнаго общественнаго реагированія, которое отошло въ вѣчность, какъ отходятъ назадъ пройденныя и пережитыя ступени, до общественной психологіи сознательнаго, организованнаго, планомернаго дѣйствования, правда, еще цѣлый большой и длинный путь. Чтобы перейти отъ этой первой ступени ко второй, надо вырости на цѣлую голову. Пока-же ростъ этотъ не завершёнъ, пока опытъ не усвоенъ, пока изумительнымъ агитационнымъ матеріаломъ контрреволюціонной эпохи не просвѣщены новыя тысячи темныхъ головъ, масса не способна сдвинуться съ мѣста, ибо она можетъ сдвинуться только въ новой формѣ, въ формѣ болѣе совершенной, и отсутствіе массоваго „отзвука“ при такихъ условіяхъ становится совершенно понятнымъ.

А что этотъ „длинный путь“ отъ старой къ новой ступени—при нынѣшнихъ условіяхъ будетъ сокращёнъ до возможнаго минимума, будетъ превращёнъ изъ длиннаго въ короткій, за это намъ ручается, какъ предразсвѣтное пѣнье пѣтуха, чудесное явленіе „старцевъ“, знахарей и маговъ—этой азіатчины или византийскаго въ рамкахъ конституціонной гласности. Если-же прибавить къ этому тѣ великія международныя событія, которыя не могутъ пройти мимо и которыя потрясли міръ отъ крайняго Запада и до крайняго Востока, то едва ли будетъ ошибкой сказать, что и нашу 3-еюньскій режимъ, вмѣстѣ съ иллиодоровскими и гололобовскими дѣлами, стоитъ уже у своей послѣдней черты. Конституціонная гласность—съ одной стороны, и азіатская откровенность—съ другой, чѣмъ-бы ни кончилась теперь Гололобовская „жалоба“, уже сдѣлали свое дѣло...

Евг. Маевскій.

**Указатель авторов и статей, помещенных за 1910 и 1911
годы въ журналѣ „НАША ЗАРЯ“.**

- 1) **А. В.** Къ вопросу о страхованіи рабочихъ. 1911—VI.
- 2) **Аксельродъ П. Б.** Объ „антиликвидаторствѣ“ и его историческихъ корняхъ. Ст. I—III 1911 I, III, V.
- 3) **Базаровъ В.** Почему серьезныя вещи кажутся иногда пустяками 1910—IV. Толстой и интеллигенція. 1910—X.
- 4) **Балабанова А.** Экстренный съѣздъ итал. социалист. партіи въ Моденѣ. 1911—XI.
- 5) **Бebelъ А.** Докладъ на Магдебургскомъ партейтагѣ. 1910—VIII—IX.
- 6) **Берлинъ П.** Купецъ публицистъ 30-хъ годовъ 1910—I. Итоги политическаго антисемитизма въ Германіи. 1910—V, VI.
- 7) **Б—овъ М.** Землевладѣльцы третьей Думы. 1910—III. Въ послѣ ревизій (дѣло Рейнбота). 1910—VII. Право союзовъ и право коалицій. 1910—X. Волостное земство. 1911—IV. Государственный социализмъ отечеств. производства. 1911—V. Рабочій вопросъ въ III-ей Думѣ. 1911—XII.
- 8) **Богдановъ Б.** Итоги ремесленнаго съѣзда 1911—II. Нѣкоторые итоги (къ пятилѣтію закона 4-го марта 1906 г.) —1911— III.
- 9) **Бѣлоусовъ Г.** (бывш. членъ с.-д. фракціи II-й Думы). Последніе дни с.-д. фракціи II Думы. 1911—XI.
- 10) **Велox.** Начало конца. 1910. VII, VIII—IX.
- 11) **Веселовскій Б. Б.** Хутора въ условіяхъ русской деревни. 1910—I.
- 12) **В. Т.** Экстренный съѣздъ германск. профессиональн. союзовъ. 1910—IV.
- 13) **Га—азъ В.** Изъ русской зарубежной печати. 1911. IX—X.
- 14) **Галльскій А.** Желѣзнодорожная забастовка во Франціи. 1910. XI—XII.
- 15) **Далинь С.** Начало избирательной борьбы въ Германіи. 1911—IV.
- 16) **Данъ Ф.** „Невѣроятный случай“. 1910—I. Обманутые обманщики. 1910—IV. Еще къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ. 1910. XI—XII. 50 лѣтъ крестьянскаго законодательства. 1911—II. „Антиликвидаторство“ и рабочее движеніе. 1911—VI. Къ постановкѣ избирательной кампаніи. 1911. VII—VIII. Пять лѣтъ. (О П. А. Столыпинѣ). 1911. IX—X.
- 17) **Дмитріевъ К.** Петербургскіе професс. союзы въ первую половину 1910 г.—1911. XI—XII. Къ характеристикѣ московскаго избирателя. 1911—II.
- 18) **Ежовъ В.** Памяти Б. Кнуньянца. 1911—V.
- 19) **Емельяненко В.** Итальянская социалистич. партія. 1910. XI—XII. Синдикализмъ въ Италіи. 1911—III.

20) **Ерманскій А. К.** Факты и мысли объ антиалкогольномъ съѣздѣ. 1910—I.

21) **Залевскій.** Изъ польскаго пролетарскаго движенія 1911—V. Объ антисемитизмѣ въ Польшѣ. 1911. VII—VIII. П. Лафаргъ и Л. Лафаргъ—Марксъ. 1911—XI. Польскій вопросъ въ Гос. Думѣ. 1911—XII.

22) **Заславскій Д.** О современномъ мальчикѣ въ штанахъ. 1911—IV. Изъ жизни. (Съѣздъ фабричныхъ врачей. Рейнботъ и рейнботовщина). 1911—V. Изъ жизни. (Крушеніе иллюзій. Партія всеобщихъ любимцевъ). 1911—XI.

23) **Золовъ М.** Латыши и нѣмцы въ прибалтійскомъ краѣ. 1910—VII.

24) **Ивановичъ Ст.** Возрожденіе антисемитизма. 1910—II. Судьбы русскаго интеллигентца. 1910—V—VI. Правительство и голодь. 1911—XI. Дѣла семейныя и международныя. 1911—XII.

25) **Коллонтай А.** Итоги второй женской социал. конференціи. 1910—VIII—IX. Женскій день. 1911—III. Движеніе менажерокъ во Франціи 1911—IX—X.

26) **Кольцовъ Д.** Наши націоналисты. 1910—VII—X. Демократія въ рабочихъ организаціяхъ. 1911—I. Бельгійскіе марксисты о бельг. рабочемъ движеніи. 1911—IV, VI.

27) **Коноваловъ И.** Пролетаризація деревни. 1910—III.

28) **Константиновъ В.** Страхование рабочихъ во Франціи. 1910—IV.

29) **Косовскій В.** Изъ исторіи австрійск. рабоч. движенія. 1910—III. Къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ торг.—служащихъ. 1910—VIII—IX. Практическая политика и коалиціонная кампанія. 1911—IX—X.

30) **Кругловъ И.** Биржи труда. 1910—VIII—IX.

31) **Левить Е.** Воспоминанія А. Бебеля. 1910—I.

32) **Левицкій В.** Два метода. 1910—III. 2-ой съѣздъ писателей. 1910—IV. „Вольшевизмъ“ и „меньшевизмъ“ у нѣмец. с.-д. 1910—V—VI. Ликвідація или возрожденіе. 1910—VII. На поворотѣ. 1910—XI—XII. Рабочее движеніе на Западѣ. 1911—II, VII—VIII, IX—X. Возрожденіе буржуазной оппозиціи. 1911—III. Открыты движенія и „частичныя“ права 1911—IV. Наша „конституція“ и борьба за право. 1911—XI. Хроника иностр. жизни (Инсбрук. партийтагъ, Война Марокк. соглаш.) Пятая сессія и думскія партіи. 1911—XII.

33) **Левскій В.** Государственное страхование въ Швейцаріи 1911—IX—X. Выборы въ Швейцаріи. 1911—XII.

34) **Леонтьевъ М.** Къ вопросу объ избирательной кампаніи. 1911—IX—X.

35) **Л. П.** Дѣло Озборна и рабоче движеніе. 1911—X. Англійскіе выборы 1911—I.

36) **Лукомскій М.** О муниципализаціи въ нашихъ город. самоупр. 1910—II.

37) **Луначарскій А.** Культурное значенія музыки Шопена. 1910—III.

38) **Львовъ-Рогачевскій В.** На дикомъ мустангѣ (о Гусевѣ-Оренбургскомъ). 1910—V—VI. „Одержимый“ („У послѣдн. черты“. М. Арцыбашева). 1910—X.

39) **Маевскій Евг.** Мертвая зыбь (о к.-д.). 1910—I. Съѣздъ объединеннаго дворянства. 1910—III. I. Смерть Толстого. II. „Дума народнаго просвѣщенія“. 1910—X. Что такое „ликвидаторство“? 1910—XI—XII. Къ характеристикѣ современнаго студенчества. 1911—I. Вокругъ университетскаго запроса. 1911—II. Такъ называемый „министерскій“ кризисъ. 1911—III. Запад, земство и столыпинскій кризисъ. 1911—VII—VIII. Первое сентября въ Столыпинскомъ кризисѣ. 1911—IX—X. Подъ зна-

24409

„Жизнь Алтая“

2-й годъ издания, продолжается подписка на 1912 годъ на газету. Газета выходитъ въ г. Барнаулѣ ежедневно кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, по слѣдующей программѣ:

Телеграммы Петербургскаго Телеграфнаго Агентства. Передовыя статьи. Обзоръ печати. Газетныя новости. Фельетонъ. Жизнь Алтая (корреспонденціи и изъ газетъ). Хроника города и уѣзда. Торговля, промышленность и сельское хозяйство. Почтовый ящикъ. Справочный отдѣлъ. Судебная хроника. Смѣсь. Объявленія. Редакция газеты, стремясь къ возможно полному освѣдомленію читателей съ явленіями русской и иностранной жизни, главной своей задачей ставитъ разработку и освѣщеніе мѣстныхъ и обще-сибирскихъ вопросовъ и нуждъ. Газета будетъ отзываться на общественныя настроенія и выдающіяся событія литературы и искусства. Вопросамъ мѣстной торговли, промышленности и сельскаго хозяйства посвященъ специальный отдѣлъ. Въ С.-Петербургѣ, Томскѣ, Семипалатинскѣ, Бійскѣ, а также во многихъ пунктахъ Алтайскаго округа газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ. Подписная цѣна: На годъ съ дост. и перес.—5 руб., на полгода—3 руб., на мѣсяць—50 коп. Отдѣльный номеръ—3 к. Подписка и объявленія принимаются въ Барнаулѣ: въ конторѣ при типографіи „Алтайское Печатное Дѣло“. Уголъ Пушкинской ул. и Демидовской площади. Издатель В. М. Вершинъ. Редакторъ А. И. Шапошниковъ.

Вѣстникъ Кооперации.

научный журналъ. (Четвертый годъ изданія) издаваемый Спб. Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Цѣлью журнала является выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—4 руб., на 1/2 года 2 р., за границу: на годъ—5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к. Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 80 к. Народнымъ учителямъ скидка 25%. Подписчики „Вѣстника Кооперации“ получаютъ кромѣ журнала бесплатно „Ивѣстія Спб. Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“. Объявленія принимаются по расцѣнкѣ 30 руб. за страницу. Приемъ подписки и объявленій производится въ конторѣ и редакціи журнала. С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 38. Телеф. 168—11. Отдѣльныя книжки журнала за 1909, 1910 и 1911 г. (кромѣ №№ 1 и 2 за 1910 г.) по 75 коп.; полный комплектъ за 1909 и 1911 г. по 3 р.

Открыта подписка на 1912 г. на выходящій шесть разъ въ годъ (въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ, и ноябрѣ)

Учительскій Вѣстникъ

5-й годъ изданія. Подписной годъ съ 1 января. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь—іюль). Задача журнала—освѣтить всѣ нужды учащихся и дать возможность имъ самимъ заявить о нихъ. Программа журнала: 1) Руководящія и оригинальныя статьи по вопросамъ воспитанія, школьнаго и внѣшкольнаго образованія, методика преподаванія, педагогической психологіи и постановки школьнаго дѣла. 2) Основные вопросы учителя, въ правовомъ, духовномъ и матеріальномъ отношеніи. 3) Хроника школьной жизни—мѣстной и общей. 4) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений по народному образованію. 5) Изъ жизни учительскихъ обществъ взаимопомощи. 6) Корреспонденціи и письма въ редакцію и отвѣты на нихъ читателямъ. 7) Обзоръ педагогическихъ журналовъ. 8) Критика и библиографія. 9) Книги поступившія въ редакцію. 10) Объявленія. Размѣръ журнала значительно увеличенъ и редакціей привлечены къ участию въ немъ лучшія литературныя силы учительскаго міра какъ мѣстнаго края, такъ и другихъ городовъ. Подписная цѣна. (10 №№ въ годъ) 1. Для членовъ Оренбургскаго учительскаго Общества взаимопомощи—50 коп. въ годъ. 2. Для остальныхъ—2 руб. въ годъ. Редакторъ И. М. Расторгуевъ. Издатель—„Оренбургское Учительское Общество взаимопомощи“. Подписка принимается въ редакціи журнала—г. Оренбургъ, Извозчикья ул. д. Расторгуева.

Открыта подписка на 1912 годъ на общественно-педагогической и литературный журналъ

За 7 дней.

Издательство Т-ва „Хроносъ“ Открыта подписка на 1912 г. (2-й годъ изданія) еженедѣльный, обществено-политическій, литературно-художественный и научный, богато-иллюстрированный журналъ. „За 7 дней“ отаивается на всю

текущую жизнь и въ каждомъ № заключаетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) Календарь текущей исторіи. 2) „За 7 дней“— характеристика историч. и политич. момента въ сжатой формѣ. 3) Литература и критика. Въ каждомъ номерѣ помѣщается не менѣе двухъ новыхъ новеллъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ и критическій очеркъ. Отдѣлъ литературы и критики заключается внимательно подобранной „хроникой“. 4) Общественный отдѣлъ, состоящій изъ постоянной руководящей статьи „Основные линіи прогресса“ и широко поставленнаго отдѣла „хроники“ общественной жизни всѣхъ культурныхъ странъ. 5) Отдѣлъ искусства, состоящій изъ статей по вопросамъ живописи, скульптуры и музыки, причемъ въ каждомъ номерѣ помѣщается около 30-ти репродукцій съ картинъ или скульптуръ. Отдѣлъ искусства заключается также тщательно подобранной „хроникой“. 6) Научный отдѣлъ, состоящій изъ статьи, посвященной вопросамъ науки или техники, и научной хроники. Этотъ отдѣлъ тоже иллюстрированъ. При каждомъ номерѣ журнала, кромѣ того, приложена отдѣльная книжка (въ изящной обложкѣ) новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній иностранныхъ и русскихъ авторовъ. Подписчики „За 7 дней“ получаютъ 52 №№ роскошно-иллюстрированнаго (свыше 1.500 репродукцій) журнала „За 7 дней“. 52 книжки новѣйшихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Пробный № по первому требованію высылается бесплатно. Подписная плата: На 1 годъ—4 р.; на 1/2 г.—2 р.; на 3 мѣс.—1 р. За границу: на 1 г.—6 руб.; на 1/2 г.—3 р.; на 3 мѣс. 1 р. 50 коп. Подписка на 3 мѣс. принимается только; съ 1 янв. по 1 апр.; съ 1 апр. по 1 июля; съ 1 июля по 1 окт.; съ 1 окт. по 31 дек. Въ отдѣлы. продажъ № съ прилож. 10 к. Подписную плату (можно высылать почтов. и герб. марками) адресовать: С.-Петербургъ, Гл. Квотора журнала „За 7 дней“, Екатерининская ул., 2.

Принимается подписка на 1912 годъ.

10 книжками въ годъ
Журналъ выходитъ

Адресъ редакціи:
С.-Петербургъ., Мойка 64.

ОБНОВЛЕНІЕ ШКОЛЫ:

Отдѣлъ экспериментальной педагогики подъ редакціей пр.-доц. Нью-Йоркскаго Университета, д-ра философіи и педагогики П. Р. Радосавльевича.

Журналъ задается целью проводить новыя педагогическія вѣяніи изъ лабораторій, экспериментальныхъ школъ, изслѣдован. педагоговъ и психолог. педагог. въ общество, въ жизнь.

ПРОГРАММА.

1) Статьи, очерки, наброски, опыты по психологій дѣтства и экспериментальной педагогикѣ. 2) Опыты, статьи, очерки, наброски по экспериментальной методикѣ обученія. 3) Статьи, очерки, наброски и опыты по гигиенѣ и физическому воспитанію дѣтей. 4) Очерки по народному образованію. 5) Критика и библиографія. 6) Педагогическая хроника. 7) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе ученые русскіе и иностранные, психологи, педагоги, врачи-гигиенисты и художники.

Кромѣ того, время отъ времени въ журналѣ „Обновленіе Школы“ будутъ помѣщаться труды „Передвижныхъ курсовъ обновляющейся школы“ организуемыхъ редакціей журнала для чтенія лекцій учителямъ, воспитателямъ и родителямъ (въ столицахъ и въ провинціи).

Подписная цѣна 2 рубль въ годъ.

Ред.-Изд. Александръ Зачинищевъ.